

*С помощью Академии наук
Россия осознала, наконец,
себя самое на всем пространстве
от Петербурга до Камчатки,
выяснила свою замечательную историю,
упорядочила русский язык и создала
свою великую науку, поэзию и литературу.*

С. Вавилов, 1945

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Дальнаука

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК — 300 ЛЕТ ВЫСОКОГО СЛУЖЕНИЯ РОССИИ
Книга I. XVIII — начало XIX века

В.В. Богатов

В.В. Богатов

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК —
300 ЛЕТ ВЫСОКОГО СЛУЖЕНИЯ РОССИИ

Книга I. XVIII — начало XIX века

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Дальневосточное отделение
Федеральный научный центр
биоразнообразия наземной биоты Восточной Азии ДВО РАН

В.В. Богатов

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК –
300 ЛЕТ ВЫСОКОГО СЛУЖЕНИЯ
РОССИИ**

Книга I

XVIII – начало XIX века

Владивосток
Дальнаука
2025

УДК 001.32
ББК 72.3

Ответственный редактор
академик РАН **В.И. Сергиенко**

Рецензенты:
академик РАН **Н.Н. Крадин**
член-корреспондент РАН **А.А. Гончаров**

Богатов В.В.

Российская академия наук – 300 лет высокого служения России. Книга I: XVIII – начало XIX века. – Владивосток: Дальнаука, 2025. – 272 с.

ISBN 978-5-8044-1749-0

В начале 1724 г. волей императора Петра I была учреждена Санкт-Петербургская академия наук и художеств, которая в последующие 300 лет своего развития стала выступать одним из ключевых факторов сохранения и укрепления российской государственности. В этом томе популярно рассказывается о становлении Российской академии наук как государственного учреждения, первых шагах, направленных на организацию гражданских учебных заведений, подготовку национальных кадров ученых и художников, комплексное изучение громадных территорий империи, постановку картографического и книгоиздательского дела, постижение российской истории, усовершенствование русского языка, стихосложения и гражданской литературы и т. п.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Bogatov V.V.

Russian Academy of Sciences – 300 years of high service to Russia. Book I: XVIII – early XIX cent. – Vladivostok: Dalnauka, 2025. – 272 p.

Утверждено к печати Ученым советом ФНЦ Биоразнообразия ДВО РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке

Дальневосточного отделения РАН

ISBN 978-5-8044-1749-0

© Богатов В.В., 2025
© Дальневосточное отделение РАН, 2025
© ФНЦ Биоразнообразия ДВО РАН, 2025
© ООО «Дальнаука», 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Три века Российской академии наук стали эпохой созидания нашей суверенной государственности, утверждения величия России как мировой державы. По мнению В.И. Вернадского, *«Значение Академии наук сказалось немедленно после ее основания. И, несомненно, в первой половине XVIII столетия само ее основание являлось могучим орудием научной работы. Ибо в той новой государственной организации, которая вырабатывалась из Московского царства в Российскую империю, еще не были созданы прочные формы государственного устройства. Как известно, только в конце XVIII в., в царствование Екатерины II, получили большую неподвижность формы местной организации и государственных учреждений, сложилась государственная машина императорской России. В начале XVIII в. жизнь была не координирована; часть петровских реформ отмирала, другие не настраивались. Старые рамки были разломаны или являлись неустойчивыми... Понятно поэтому, что в общей бесформенности русской жизни единственный центр, где могли сосредоточиваться научная работа или сплачиваться люди, для которых вопросы науки и знания имели значение, – Академия наук получила реальное значение созидательной государственной силы. В ней сосредоточивались самые разнообразные вопросы государственного управления и жизни, требовавшие научного знания»* [Вернадский, 2002 б, с. 295–296].

Конец XVII в. действительно был переломным в истории нашей страны, решался вопрос о существовании самого государства. Это понимал и отец Петра Великого, царь Алексей Михайлович, это осознавали и его сыновья: царь Федор III Алексеевич (лишь его недолгое правление не позволило Федору осуществить необходимые перемены) [Богданов, 2018] и особенно сам Петр I – преобразователь [Брикнер, 1996; и др.]. Достаточно сказать, что в то время значительная часть исторических российских земель все еще входила в состав Речи Посполитой и Швеции. Россия жила в обстановке политической и культурной изоляции. Церковный раскол, вызванный реформами патриарха Никона 1650-х гг., спровоцировал духовный разлад в обществе. В крестьянской стране, где крестьяне составляли 95–96 % населения, не было светских высших учебных заведений. Отсутствовало

инженерное образование, а написание цифирь до начала XVIII в. оставалось буквенным, что не позволяло проводить даже не очень сложные исчисления, например, умножение. При довольно неповоротливом госаппарате страна не имела ни морского флота, включая военный, ни боеспособной на тот момент армии, при этом полупрофессиональные формирования так называемых стрельцов, немногочисленные отряды рейтар (полки нового строя) и некоторые другие военизированные подразделения пользовались крайне устаревшим вооружением. Население, разбросанное по огромному пространству России, в то время ставшей крупнейшим в мире государственным образованием, составляло всего лишь 5,6 млн человек*, тогда как в соседней, сравнительно небольшой Польше проживало 8 млн человек, а, например, во Франции, – 19 млн [Анисимов, 2022]. В зачаточном состоянии находилась промышленность. Российское государство практически не обладало самостоятельной внешней торговлей. Весьма низким среди европейских держав был международный престиж России. К моменту воцарения Петра Алексеевича научно-технологическое и экономическое отставание Российского царства от ведущих стран Европы было таково, что при определенных условиях наша малонаселенная и богатая ресурсами страна могла расколоться, потерять суверенитет и, в конце концов, стать поглощенной какими-нибудь западными или южными соседями.

Среди важнейших преобразований Петра Великого, определивших судьбу России, выделяется рождение Академии наук, которая последующие 300 лет своего развития стала выступать одним из ключевых

* Указанная оценка численности населения входит в противоречие с другими аргументированными исчислениями историков. Отметим, что в допетровское время последняя так называемая подворная перепись, при которой учитывалось число дворов, а не людей, была проведена при царе Федоре III Алексеевиче Романове (1661–1682; венчан на престол в 1676 г.) в 1678 г. С учетом ее результатов и динамики народонаселения общее число жителей Российского царства к концу XVII в. по разным источникам могло насчитывать около 10–13 млн чел. Максимальную численность населения – в 15 млн чел. приводит А.Н. Сахаров в учебнике по истории России [Боханов и др., 2023]. В петровское время при переписи 1710 г. было учтено около 800 тыс. дворов и 2,8 млн чел. Однако часть материалов этой переписи оказалась фиктивной, т. к. многие дворы для снижения государственных сборов были скрыты от переписчиков. В 1713–1714 гг. проводилась проверка итогов переписи 1710 г. В конце 1718 г. Петр I решил провести подушную перепись и на ее основе обосновать государственные сборы [Клочков, 1911]. При новой переписи населения, проведенной с конца 1718 по 1724 г., в России было учтено 5,4 млн душ мужского пола, облагаемых единой податью, общая же численность населения, включая Украину, Сибирь и Прибалтику, составила 15,5 млн чел. [Водарский, 1973; Водарский и др., 2013].

В.Г. Перов. Никита Пустосвят. Спор о вере. Третьяковская галерея

факторов сохранения и укрепления российской государственности, как сила, обеспечивающая независимость и самобытность нашего народа. «С помощью Академии наук, – писал С.И. Вавилов в статье, приуроченной к 220-летию Академии наук, – Россия осознала, наконец, себя самое на всем пространстве от Петербурга до Камчатки, выяснила свою замечательную историю, упорядочила русский язык и создала свою великую науку, поэзию и литературу» [Вавилов, 1945; <https://www.nkj.ru/archive/articles/22500/>]. Здесь также можно вспомнить и суждение нашего знаменитого ученого и мыслителя Михаила Васильевича Ломоносова, высказанное им в предисловии к своей эпохальной монографии «Древняя Российская история...»: «Народ российский от времен, глубокою древностию сокровенных, до нынешнего веку толь многие видел в счастье своем перемены, что ежели кто междоусобные и отвне нанесенные войны рассудит, в великое удивление придет, что по толь многих разделениях, утеснениях и нестроениях не токмо не расточился, но и на высочайший степень величества, могущества и славы достигнул. Извне угры, печенег, половцы, татарские орды, поляки, шведы, турки, изнутри домашние несогласия не могли так утомить России, чтобы сил своих не возобновила» [Ломоносов, 1952, с. 169]. В дополнение скажем, что на очередном постпетровском этапе национального «возобновления

сил своих», впервые участвовало совершенно новое для страны государственное образование – «Академия наук и художеств», сумевшее вскоре объединить вокруг себя наиболее передовые творческие силы Отечества и продемонстрировать мощнейший созидательный потенциал науки.

Становление Академии наук рассмотрено на фоне исторических событий, происходивших в стране и мире. Автор не ставил перед собой задачи обсуждения всех научных достижений членов Академии, как и их жизнеописания. Основная цель настоящей книги ориентирована на раскрытие деятельности Академии в XVIII в., направленной на развитие и укрепление российской государственности. Особое внимание уделено формированию отечественных научных школ, а также жизни и творчеству первого отечественного академика мирового уровня Михаила Васильевича Ломоносова. Приведены примеры взаимодействия академиков с правительственными структурами, подчеркнута роль президентов и директоров Академии наук в организации ее научной, художественной и педагогической деятельности. Автор считал необходимым на некоторых исторических примерах показать условия, в которых в то далекое время трудились иностранные и отечественные специалисты. Особое место в книге отведено крайне сложным, а подчас и опасным для жизни экспедиционным поездкам академиков. Отдельный раздел тома посвящен малоизвестной работе Академии наук над совершенствованием норм русского языка и стихосложения.

Российская академия наук: 300 лет истории: в 2-х томах. М.: Наука, 2024

При этом читателю предложены для оценки небольшие тексты, взятые из произведений выдающихся ученых и литераторов XVIII в., опубликованные на разных этапах реформирования языка.

Предполагается издание еще трех томов, посвященных деятельности Академии наук, соответственно, в XIX, XX–XXI вв., а также организации ее региональных филиалов и отделений.

Все исторические документы цитируются с учетом орфографической реформы 1917–1918 гг. в части удаления букв Ъ (ять), Ө (фита), І («и десятиричное») с написанием вместо них соответственно Е, Ф, И; исключением твердого знака (Ъ) на конце слов и частей сложных слов при сохранении синтаксических особенностей текстов. Персональная информация об ученых или государственных деятелях взята из официальных открытых источников, главным образом из энциклопедических справочников или мемуарных изданий. Основные факты автор черпал из 10-томной серии «Материалы для истории Императорской академии наук [СПб.: Тип. Императорской акад. наук. 1885–1900], издание которой было осуществлено по предложению президента Академии наук графа Дмитрия Андреевича Толстого (1823–1889) еще в конце XIX в. Кроме того, были проанализированы документы государственных архивов, в т. ч. Архива РАН и Архива Министерства иностранных дел (МИД) РФ, опубликованные в открытых источниках, а также иные справочные материалы, монографии и сборники [Дашкова, 1859; Ламанский, 1864; Сборник материалов..., 1865 а, б; Пекарский, 1870–1873; Веселовский, 1872; Сухомлинов, 1874–1888; Маркуев, 1877; Кёппен, 1895; Лаппо-Данилевский, 1914; Историко-литературная хрестоматия..., 1916; Богословский, 1926; Меншуткин, 1936; Бруевич, 1945; Белявский, 1955; Кулябко, 1962; Новлянская, 1964, 1966, 1970; Раскин, Шафрановский, 1971; Нарский, 1972; Копелевич и др., 1974; Копелевич, 1977; Успенский, 1975; Скрябин и др., 1977; Павлова, 1979; Лозинская, 1983; Шакинко, 1987; Вернадский, 1988, 2002 а–в; Иванов, 1994; Трутнев, 1994; Осипов, 1999; Паллас, 1999; Российская академия наук, 1999; Летопись Российской академии наук, 2000; Карлов, 2002; Турнаев, 2003; Богатов, 2005, 2024; Буторина, 2005; Тычинина, Бессарабова, 2009; Уставы Российской академии наук, 2009; Академия..., 2010; Воронцов-Дашков, 2010; Татищев, 2010; Ломоносов и Академия наук..., 2011; Мезин, 2015; Ученые – фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, 2018; Каменский, 2019; Вагеманс, 2020; Куприянов, Смагина, 2021 а, б; Смагина, 2021; Анисимов, 2022; Келлер, 2022,

2024; Петр Великий, 2022; Петр I..., 2022; Шипилов, 2023; Российская академия наук: 300 лет истории: в 2-х томах, 2024; и мн. др.].

Автор искренне признателен за внимание и содействие в подготовке к публикации данной книги советнику председателя ДВО РАН академику РАН В.И. Сергиенко, директору Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН академику РАН Н.Н. Крадину, директору ФНЦ Биоразнообразия ДВО РАН чл.- корр. РАН А.А. Гончарову, а также за неизменную помощь и консультации директору Архива РАН кандидату культурологии А.В. Работкевичу и заместителю директора Архива РАН кандидату исторических наук Н.М. Осиповой. Особые слова благодарности председателю ДВО РАН академику РАН Ю.Н. Кульчину, поддержавшему это издание.

1. СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК КАК ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

1.1. Предпосылки учреждения Академии наук в России

Расширение границ России на протяжении XVII в. при абсолютном отсутствии карт Российского царства создавало серьезные трудности при освоении новых территорий и их управлении. К началу XVIII в. весь северо-восток Азии европейской науке был неизвестен, а о положении Японии только догадывались. О том, где кончалась Азия севернее Китая и как близко к ней приближалась Америка, также не было достоверных сведений [Вернадский, 2002 б].

Накопление знаний о Сибири шло по мере продвижения России от Урала к Тихому океану. Правительство обязывало «начальных людей» собирать информацию о путях сообщения, пушных богатствах, месторождениях полезных ископаемых, ландшафте, климате, местном населении. Землепроходцы делали чертежи отдельных местностей, причем первый Генеральный чертеж Сибири был составлен только в 1667 г. по указанию тобольского воеводы **Петра Ивановича Годунова** (?–1670). Особый вклад в изучение Сибири внес **Семен Ульянович Ремезов*** (1642 – после 1720), чьи труды и по настоящее время представляют интерес для историков, географов, этнографов и лингвистов.

Известно, что центральные власти крайне мало знали о работе казаков и промышленников, посетивших в XVII в. восточную окраину России. Многочисленные донесения с мест обычно оседали в местных архивах или правительственных канцеляриях. Например, еще в 1648 г. служилый человек и промышленник **Семен Дежнёв** (ок. 1605–1673)

* **Семен Ульянович Ремезов** (1642–после 1721) – тобольский дворянин, картограф, историк и этнограф Сибири. Родился в Тобольске в семье потомственных сибирских служилых людей. Получил домашнее образование. В 1696 г., по распоряжению Сибирского приказа, Ремезов, зарекомендовавший себя искусным художником, был привлечен к составлению чертежей сибирских земель. Создал три сборника чертежей и рисунков: «Чертежную книгу Сибири» (1701 г.), «Хорографическую чертежную книгу» (1697–1711 гг.) и «Служебную чертежную книгу» (1702–1730 гг.). Автор «Краткой Сибирской (Кунгурской) летописи». Последнее упоминание о Ремезове относится к 1720–1721 гг., тогда с ним встречались в Тобольске немецкий ученый на русской службе Даниэль Готтлиб Мессершмидт и пленный шведский офицер Филипп Иоганн фон Страленберг [Полевой, 1976; Словарь книжников..., 1988].

«Чертеж Сибирской земли» – российская карта Сибири и Дальнего Востока, которую в 1667 г. по царскому указу составил тобольский воевода П.И. Годунов. Фото из: <https://ru.wikipedia.org>

первым прошел морским путем от устья Колымы в Тихий океан, обогнул Чукотский полуостров, тем самым открыв пролив между Азией и Америкой [Никитин, 2018]. Однако открытие Дежнёва, как и его имя, долгое время не было известно. Первым из ученых о нем узнал академик **Герхард Миллер***, посетивший Сибирь в составе

* **Герхард Фридрих (Герард Фридерик) Миллер (Мюллер)**, в русифицированной форме Федор Иванович Миллер (1705–1783) – русско-немецкий историограф, естествоиспытатель и путешественник. Прибыл в Санкт-Петербургскую академию наук и художеств 5 ноября 1725 г. и назначен адъюнктом по истории; профессор истории с 01.07.1730 г. (контракт начался с 01.01.1731 г.). Руководитель Академического отряда Второй Камчатской (Великой Северной) экспедиции. В 1740 г. закончил работу под названием «История о странах, при реке Амуре лежащих», а в 1744 г. издал «Общую географию Сибири» в шести частях, одну из которых посвятил рекам. 6 октября 1750 г. президентом Академии наук графом Разумовским был за ссору с М.В. Ломоносовым разжалован на год из профессоров в адъюнкты, прощен с возвращением профессорского отряда 21 февр. 1751 г. С 20 ноября 1747 г. – историограф Российского государства; с начала 1728 г. по июнь 1730 г. – вице-секретарь и с 7 марта 1754 г. по 21 февр.

Второй Камчатской (Великой Северной) экспедиции **Витуса Беринга*** в качестве руководителя Академического отряда (см. раздел 1.2). В 1736 г. в Якутском архиве им была обнаружена часть донесений Дежнёва и опубликована в 1758 г. в изданиях Академии наук, т. е. через 104 г. после путешествия первопроходца. Двумя годами ранее, в 1734 г., Миллером также были открыты и приобретены «Служебная чертежная книга» и «Ремезовская летопись**», которые спустя 10 лет были переданы в Библиотеку Академии наук, где и хранятся поныне. Первое издание «Ремезовской летописи» увидело свет в Санкт-Петербурге лишь в 1880 г. в виде литографированного факсимиле со 154 рисунками.

На протяжении XVII в. происходило в основном хаотичное накопление знаний о российских территориях и первичного картографического материала. В петровские времена сведения о новых землях, в том числе Сибири и местах, лежащих за Сибирью, стали собираться целенаправленно, причем составление карт в России при Петре I стало делом государственной важности. Однако в Московском царстве в начале XVIII в. еще не было организации, которая была бы способна на постоянной основе организовывать исследовательские и картографические работы, но, главное, проводить систематизацию и анализ собранного материала. Одним из первых подобного рода государственных учреждений, явившимся прообразом будущей Академии наук, стала Аптекарская канцелярия, образованная царским указом

1765 г. – конференц-секретарь Академии наук. Действительный статский советник (1783). В.И. Вернадский высоко оценивал Миллера как собирателя и хранителя материалов для русской истории и географии. Миллеру принадлежит заслуга научной организации российских исторических архивов, создания научных и научно-популярных журналов, приучения к ним русского общества.

* **Витус Ионассен Беринг** (1681–1741) – русский мореплаватель датского происхождения, офицер российского флота, капитан-командор. В 1725–1730 и 1733–1741 гг. руководил Первой и Второй Камчатскими экспедициями. Первым прошел по проливу между Чукоткой и Аляской в обоих направлениях (впоследствии выдающийся путешественник Джеймс Кук присвоил этому проливу имя Беринга – с тех пор он называется Берингов пролив), достиг Северной Америки и открыл ряд островов Алеутской гряды.

** «**Ремезовская летопись**» (также «Тобольский летописец», «История Сибирская» и «Летопись Сибирская, краткая Кунгурская») – одна из сибирских летописей. Время написания датируется от конца XVII в. до 1703 г. Автором считается Семен Ульянович Ремезов, возможно также участие его сыновей и отца – казачьего сотника Ульяна Моисеевича Ремезова, знавшего лично живых участников похода Ермака в Сибирь и, предположительно, общавшегося с ними. Летопись рассказывает прежде всего о походе Ермака, основана на различных устных источниках и на летописи Саввы Есипова (1636). В нее также включена Кунгурская летопись.

в начале 1707 г. во главе с шотландским медиком **Робертом Карловичем Арескиным** (1677–1718)*, который, кроме того, с 1714 г. стал первым руководителем Царской библиотеки и Кунсткамеры**. На Канцелярию были возложены функции старинного Аптекарского приказа. Она ведала лекарственным делом, в том числе поиском лекарственных трав и развитием аптекарских огородов в Москве и Санкт-Петербурге, приглашением и отбором иностранных специалистов, руководила экспедиционным изучением российских владений. Со смертью Арескина в 1718 г. его обязанности разделили между собой братья Блюментросты (сыновья известного московского врача, лечившего еще царя Алексея Михайловича): Иван Лаврентьевич (1676–1756), возглавивший Аптекарскую канцелярию (с 1721 г. она стала именоваться Медицинской), и Лаврентий Лаврентьевич (1692–1755), в попечении которого находились Библиотека и вопросы науки [Кирикова, 2024 а], впоследствии он стал первым президентом Санкт-Петербургской академии наук и художеств.

Идея создания Академии наук зародилась у Петра I, по-видимому, задолго до момента воплощения ее в жизнь. Очевидно, Петр осознавал значение науки и образования для развития страны и во время своих

* **Роберт Карлович Арескин (Эрескин)** (1677–1718) – шотландский врач, лейб-медик Петра Великого (1713), доктор медицины и философии. Изучал медицину в Эдинбурге, Париже и Утрехте, получив в последнем докторскую степень по медицине, и был принят в члены Королевского общества в 1703 г. В Россию прибыл летом 1704 г. первоначально в качестве врача Александра Меншикова, но в течение 6 месяцев снискал расположение при царском дворе. Глава Аптекарской канцелярии, первый директор Санкт-Петербургской кунсткамеры и Библиотеки. В 1709 г. создал первый в России гербарий. Участвовал в тайных переговорах Петра с якобитами в условиях ухудшения отношений России и Англии в 1717–1718 гг. [Ученые..., 2018; Морохин, 2021].

** **Кунсткамера** – первый национальный естественнонаучный музей страны, созданный Петром I в 1714 г., положивший начало музейному делу в России. Первые экспонаты, вошедшие в собрание Кунсткамеры, Петр приобрел еще во время своего первого заграничного путешествия в 1689 г. в Голландии. Это были несколько сотен банок с коллекциями птиц, гадов и рыб. Говоря об уникальности петровской Кунсткамеры, В.И. Вернадский писал: *«Для развития описательного естествознания такие собрания имели огромное значение. Это понятно всякому, так как ясно, что без минералогических собраний невозможно развитие минералогии, без гербариев – ботаники, без зоологических музеев – зоологии. В XVII в. мы не видим государственных собраний; нет почти и собраний университетских. Преобладали коллекции частных лиц, иногда придворные, связанные со вкусами правителя, и лишь в самом конце столетия начали [создаваться] и ученых сообществ... В это время петербургская Кунсткамера явилась новаторством. Она является одним из самых старинных больших естественнонаучных музеев, так как начало большинства из них должно быть отнесено к четверти столетия позже – к эпохе Линнея»* [Вернадский, 2002 б, с. 272].

поездок по европейским странам внимательно изучал опыт деятельности университетов, академий, научных обществ. Именно в этих поездках Петр I, вероятно, и утвердился во мнении о необходимости создания в России некоего специального научно-образовательного учреждения.

В период еще своего первого путешествия по Европе в составе Великого посольства 1697–1698 гг. Петр в начале 1698 г. по личному приглашению английского короля Вильгельма III прибыл в Англию. Здесь царь прожил около трех месяцев, сначала в Лондоне, а затем в основном в Дептфорде, где на королевской верфи

пополнял свое кораблестроительное образование. Кроме того, Петр посещал различные учреждения, в том числе английский парламент, Гринвичскую обсерваторию, Монетный двор, Оксфордский университет, а также Лондонское королевское общество (одно из старейших научных обществ в мире, создано в 1660 г., утверждено королевской хартией в 1662 г.), где мог иметь встречу с Исааком Ньютоном (1643–1727; английский ученый, заложивший основы классической физики).

Проезжая через Германию, Петр в ганноверском замке Коппенбрюк познакомился с выдающимся немецким философом и математиком **Готфридом Вильгельмом Лейбницем***, однако в этот раз знакомство не получило продолжения... Новая встреча царя и Лейбница состоялась в немецком городе Торгау в 1711 г. на свадьбе сына Петра Алексея и принцессы Софии-Шарлотты Брауншвейг-Вольфенбюттельской. В результате между Петром и Лейбницем завязалась переписка, которая впоследствии стала носить систематический характер. Петру импонировали идеи и советы Лейбница,

Портрет Петра I.
Художник Жан-Мара Натье, 1717 г.
Государственный Эрмитаж

* **Готфрид Вильгельм Лейбниц** (1646–1716) – немецкий философ и математик. Основатель и первый президент Берлинской академии наук, член Лондонского королевского общества (1673), иностранный член Французской академии наук [Нарский, 1972]. По просьбе Петра I разрабатывал проекты развития государственных учреждений и образования России.

Готфрид Вильгельм Лейбниц
кисти А. Шейтса. 1703 г.
Из открытых источников

Портрет князя Александра
Бековича-Черкасского.
Рисунок Ф.А. Васильева. 1710-е гг.
Из открытых источников

проявлявшего большой интерес к России. По-видимому, именно Лейбниц посоветовал царю создать Академию наук, будучи назначенным Петром тайным советником по науке.

Открытию в России Академии наук предшествовало второе путешествие Петра в Европу в 1716–1717 гг., когда царь посетил Данию, Голландию, Францию и Пруссию. Летом 1717 г. он прибыл в Париж. Петр, несомненно, планировал посетить Парижскую академию наук*, поскольку привез с собой для демонстрации французским ученым некоторые российские научно-технические новшества. Известно, что днем 19 [30] июня, после посещения парламента, царь направился на заседание Академии. Французским ученым были представлены «домкрат новой конструкции», «машина для подъема воды»; проведена демонстрация нескольких химических опытов, а также готовых к печатанию рисунков, иллюстрировавших историю мировой культуры и искусства. В конце заседания Петр подарил Академии наук новейшие рукописные карты Каспийского моря, а также Каспийского и Аральского

* **Парижская академия наук** – распространенное неофициальное название Французской академии наук (фр. Académie des sciences – Академия наук) – научной организации, основанной в 1666 г. Людовиком XIV по предложению Жан-Батиста Кольбера. Одна из первых академий наук в мире. Сейчас Академия является одной из пяти академий, входящих в Институт Франции.

морей, составленные, как предполагается, **А. Бекович-Черкасским*** в 1715 г. и показанные им днем ранее известному ученому-географу Гийому Делилю [Княжецкая, 1964, 1972]. Впервые в истории картографии были представлены верные сведения об очертаниях Каспийского моря, направлении течения рек Амударьи и Сырдарьи и существовании Аральского моря, до того неизвестного ученым Западной Европы. Впервые итоги русских географических исследований становились достоянием западноевропейской науки. Карты приняли с благодарностью, и тут же было объявлено, что русский царь единогласно признан достойным звания члена Академии**.

Видимо, искренний интерес к науке, грандиозные планы на будущее, энергия царя-реформатора произвели сильное впечатление на представителей французского научного сообщества. Уже в декабре 1717 г. президентом Парижской академии наук аббатом Ж.П. Биньоном Петру I было отправлено официальное извещение об избрании его иностранным членом Академии. По версии В. Соболева, в переводе извещения с французского языка на русский говорилось, что избрание состоялось *«не от уважения должного Вашему сану: оно есть дань удивления, в которое нас приводят великие предначертания, Вас всегда занимавшие, и к которым присоединить можно одно только желание, чтоб в климате, куда до сего еще с трудом проникали искусства и науки, нашлись люди, могущие соответствовать блистательным видам Вашего величества»* [Соболев, 2018, со ссылкой на Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, далее – СПбФ АРАН: Р. IV. Оп. 6. Д. 131. Л. 2]. Скорее всего, в работе Соболева опубликован поздний перевод с французского. Однако, учитывая, что читателю важно понимать еще и состояние русского языка того периода, воспользуемся переводом той же части текста, помещенным на оборотной стороне подлинного письма Биньона, хранящегося в Архиве МИД РФ и размещенного на его сайте в открытом доступе (см. рисунок):

* **Александр Бекóвич-Черкáсский** (до принятия православия – Девлет-Гирей-мурза) (1672–1717) – потомок кабардинских князей из северокавказского аристократического рода Бековичей-Черкасских. Капитан гвардейского Преображенского полка. В 1714–1716 гг. по выбору царя руководил экспедицией по картографической съемке берегов Каспийского моря, составленную им карту лично представил царю. Руководитель военного похода в Хивинское ханство в 1717 г, из которого не вернулся.

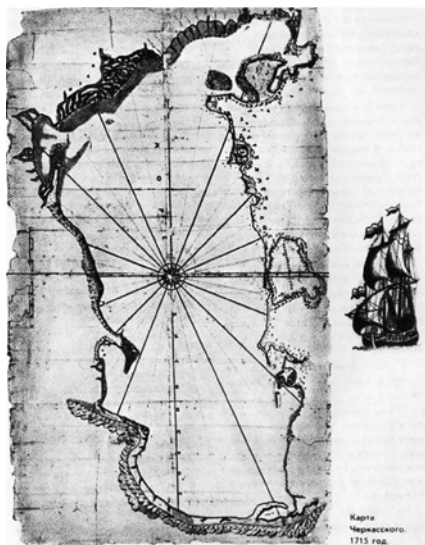
** Считалось, что Петр I был избран членом Французской (Парижской) академии наук после своего отъезда из Парижа – 22 декабря 1717 г. На самом же деле по рассказу одного из приближенных Петра, сопровождавшего его в Парижскую академию, следовало, что это событие произошло на полгода раньше [Начало русско-французских научных связей, 1974; Княжецкая, 1960, 1964, 1972, 2018].

«Происходит оно (почитание. – Авт.) еще вящие от удивления, в котором мы есми о великих протектах, которыми вы всегда объаты были. Ис оних же иного неможно желать, разве что в крае, в котором доселе мало приближались художества и науки, обретатися подданные могутися соотвество вам велепным намерениям Вашего Величества» (из: <https://www.mid.ru/upload/medialibrary/16f/7.pdf>; расшифровка автора).

Лишь 18 февраля 1721 г., т. е. более чем через 2 года после получения извещения, царь выразил согласие на свое избрание в следующем послании: *«Нам не инако как зело приятно быть могло, что вы Нас членом в свою компанию избрали. Мы також не хотели оставить, не оказав вам за то сим нашего признания и не обнадежа вас, что Мы с великим удовольствием то место, которое вы Нам представляете, приемлем, и что Мы ничего больше не желаем, как чтоб чрез прилежность, которую Мы прилагать будем, науки в лутчий цвет привести, себя яко достойнаго вашей компаниии члена показать...»* [Материалы..., 1885, док. 6 от 18 февр. 1721 г., с. 5]*. В этом же месяце царь направил своего библиотекаря **Иоганна Даниеля Шумахера**** (Johann Daniel Schumacher, 1690–1761) в Германию, Францию, Англию и Голландию, где ему надлежало *«попечение иметь во всех кунст каморах в помянутых государствах порядок в них прилежно примечать и усмотреть, в чем они от его царского величества кабинета разнятся...»*. Шумахер был радушно принят европейскими учеными

* Здесь и далее при ссылках на документы из «Материалов...» указаны их номера, даты создания, страницы, где размещены цитаты, причем все даты приведены по старому стилю.

** **Иоганн Даниель (Иван Данилович) Шумахер** (1690–1761) – деятель русской науки эльзасского происхождения. Родился в небольшом городе Кольмар (юг Франции), окончил философский факультет Страсбургского университета. В 1714 г. приглашен в Санкт-Петербург и назначен секретарем Медицинской канцелярии и библиотекарем Петербургской библиотеки, в которой в скором времени «навел отменный порядок». В 1721 г. был отправлен Петром I во Францию, Голландию и Англию с поручением о приглашении в Россию разных ученых. С 1724 г. выполнял обязанности секретаря Санкт-Петербургской академии наук, распоряжался Библиотекой и Кунсткамерой. Затем Шумахеру было поручено устройство типографии и прочих учреждений по части художеств и ремесел: книжной лавки, гравировальной и рисовальной палат, переплетной мастерской. При отъезде в 1728 г. президента Академии наук Блюментроста с двором Петра II в Москву все обязанности президента Академии исполнял Шумахер, который, к тому же, был начальником академической Канцелярии. Шумахер часто игнорировал мнения ученых по научным вопросам и в конечном итоге испортил отношения со многими академиками (см. раздел 1.3). Под руководством Шумахера был опубликован первый каталог книг Академии наук (1742–1747) и каталог экспонатов под названием *Musei imperialis petropolitani* (1741–1745) [Столяров, 2015].

Карта Каспийского моря
Бековича-Черкасского.
Из открытых источников

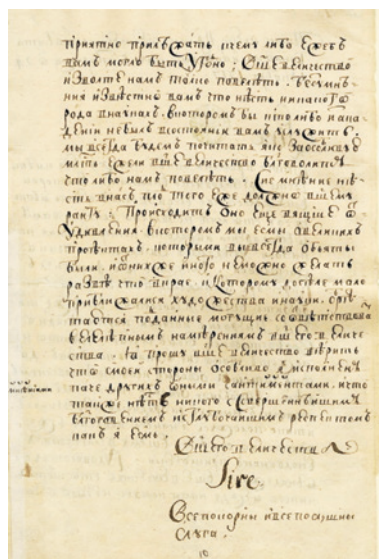
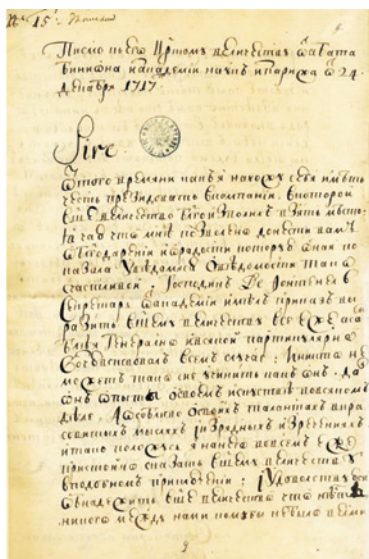
«Картина плоская моря
Каспийского» –
«Карта ван Вердена».
Из открытых источников

и коллекционерами, а Парижская академия по случаю приезда «царского библиотекаря» созвала 5 августа 1721 г. специальное собрание. Здесь Шумахер представил новую, т. е. исправленную карту Каспийского моря («Карту ван Вердена», см. ниже), ряд материалов, присланных Д.Г. Мессершмидтом из Тобольска. Именно в этот визит в собрании Парижской академии и было зачитано письмо Петра I с благодарностью за избрание его членом Парижской академии.

Столь поздний ответ Петра был, вероятно, связан с рядом военных и политических событий в Европе, в том числе с окончанием Великой Северной войны. Россия по Ништадскому мирному договору между Россией и Швецией от 30 августа [10 сент.] 1721 г. получила земли на берегу Балтийского моря. Затем, 22 октября [2 ноября] 1721 г., Русское царство было провозглашено Российской империей, когда по прошению сенаторов Петр I принял титулы **Императора Всероссийского** и **Отца Отечества**.

<...>

Завершение Северной войны несомненно открывало перед империей дополнительные возможности к развитию научной и художественной деятельности. По мнению историка науки академика

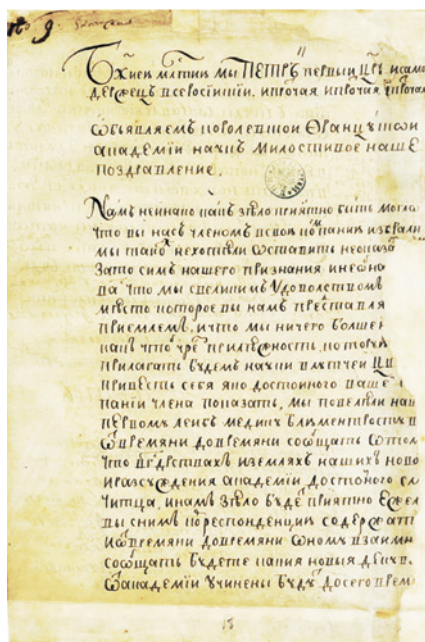
Официальный перевод с французского языка письма Президента Королевской академии наук Биньона русскому царю Петру I от 24 дек. 1717 г. с сообщением об избрании его членом Академии. Из: МИД РФ, выставки: *Архив внешней политики Российской империи – далее АВПРИ; ф. Сношения России с Францией, оп. 1, д. 18, л. 8–8 об., перевод на русский язык (<https://www.mid.ru/upload/medialibrary/16f/7.pdf>)*

Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919; российский историк, один из основоположников методологии исторической науки в России), «В начале своего царствования Петр Великий был, однако, слишком занят внешними войнами для того, чтобы находить достаточно времени для систематического насаждения в России европейской культуры; и только после того, как он “оградил отечество безопасностью от неприятеля”, царь оказался в более благоприятных условиях для приобретения “славы государству чрез искусства и науки”» [Лаппо-Данилевский, 1911, с. 19].

Показательно, что в России еще на завершающем этапе Северной войны активизировались исследования по сбору и накоплению достоверных данных о природе и населении Московского царства с особым упором на малоисследованные земли: Северный Кавказ, Карелию, Урал и Сибирь. Среди первых научных экспедиций, проводимых по велению Петра в тот период, В.И. Вернадский в своем историческом очерке «Естественноисторические экспедиции при Петре I. Мессершмидт» [2002 б] отмечал путешествие Л. Блюментроста, предпринятое

в 1717 г. в Олонецкий край для описания Кончезерских минеральных вод, открытых годом ранее, и поездку в том же году лейб-медика при Петре Готлиба Шобера (1660–1739) по Волге к Каспийскому морю для исследования теплых источников на Тереке. Попутно Шобер собрал богатейший материал по естественной истории Волжского бассейна, первым исследовал серные воды у Самарской Луки (современный Серноводск), занимался изучением рыб и растений.

В сентябре 1717 г. произошло еще одно важное событие, связанное с изучением восточных территорий страны: по указанию Петра I Роберт Арескин подписал контракт с немецким доктором медицины **Даниэлем Готлибом Мессершмидтом** (1685–1735) для организации первой комплексной экспедиции в Сибирь [Путевой журнал..., 2021]. Родом Мессершмидт был из Данцинга (Польшское

Письмо царя Петра I в Парижскую академию наук от 18 февр. 1721 г. Из: **МИД**, выставки: **АВПРИ**, ф. **Сношения России с Францией**, оп. 1, д. 18, л. 11, подлинник. Из: <https://www.mid.ru/upload/medialibrary/e0d/15.pdf>

Подорожная Д.Г. Мессершмидта, подписанная губернатором Сибири князем А.М. Черкасским по именному указу Петра I от 13 февр. 1721 г. Тобольск. Из открытых источников со ссылкой на **СПбФ АРАН**. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 25 об.

княжество). Молодым человеком он был рекомендован Петру как человек, который может отправиться за Урал для естественнонаучных исследований. Немецкий ученый обладал энциклопедическим образованием того времени. Он был врачом и натуралистом, талантливым рисовальщиком, поэтом и филологом, знавшим восточные языки. По словам В.И. Вернадского, Мессершмидт *«был молодой, страстно преданный науке человек, далекий от искательства, от практической жизни ученый»* [Вернадский, 2002 б, с. 281]. Царский указ от 15 ноября 1718 г. предписывал *«доктора Мессершмидта послать в Сибирь для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей, трав, цветов, корения и семян и протчих принадлежащих статей в лекарственные составы; избирая, присылать в Санкт Питер Бурх в Главнейшую обтеку...»* [Тункина, Савинов, 2017, с. 29]. В поездке Мессершмидт помимо медицинских целей занимался также географией, натуральной историей, памятниками, древностями, описанием народов, филологией.

Экспедиция Мессершмидта стартовала в ноябре 1719 г. Восемь лет Даниэль провел в путешествии (1719–1727). Часть пути ученый проделал вместе с пленным шведским офицером **Филиппом Иоганом фон Страленбергом (Таббергом)** (1676–1747), с которым расстался в 1722 г. [Новлянская, 1966, 1970]. Известно, что Страленберг по возвращении на родину опубликовал книгу «Северная и восточная части Европы и Азии», в которой было приведено много данных, сообщенных ему Мессершмидтом. Этот труд длительное время оставался одним из важнейших источников, по которому европейские ученые составляли представление о Сибири. Надо особо отметить, что Даниэль Мессершмидт в период экспедиции по сибирским землям помимо прочего впервые описал вечную мерзлоту и составил свою классификацию происхождения народов Сибири, открыл петроглифы, став, таким образом, родоначальником русской археологии [К 300-летию начала экспедиции..., 2021]. А еще ему удалось найти и привезти в Европу «Историю тюрок», написанную хивинским правителем Абу-л-Гази-ханом (Абулгази).

В начале 1719 г. по личному повелению Петра I два геодезиста-старшекурсника Морской академии* **Иван Борисович Евреинов**

* **Морская академия** – первое в России учебное заведение, готовившее начиная с 1716 г. геодезистов и картографов для всех ведомств страны. Организована по указу Петра I от 14 [25] января 1701 г. в Москве как школа «математических и навигацких наук», которая вскоре стала называться **Навигацкой школой**. Здесь готовили моряков, артиллеристов, инженеров. В 1715 г. высшие классы Навигацкой школы перевели

(Иоганн Родилгус)* и **Федор Федорович Лужин**** после досрочной сдачи выпускных экзаменов были отправлены на Дальний Восток в составе **специальной астрономо-геодезической экспедиции**. Царская инструкция гласила: *«Ехать вам до Тобольска и от Тобольска, взяв провожатых, ехать до Камчатки и далее, куда вам указано. И описать тамошния места: сошлася [ли] Америка с Азиею, что надлежит зело тщательно сделать не только зюйд и норд, но и ост и вест, и все на карте исправно поставить»* [ПСЗ. 1830 а. С. 607.]. Съёмку геодезисты вели от Тобольска до Охотска непрерывно. Осенью 1720 г. путешественники достигли Камчатки, а в мае 1721 г. двинулись из Большерецка к Курильским островам. По пути Евреинов и Лужин выполнили глазомерную съёмку побережья Камчатки до мыса Лопатка, а в июне – июле прошли вдоль северной части Курильских островов от острова Алаид до острова Симушир. В результате были опровергнуты представления западноевропейских моряков и географов о том, что в районе Курильских островов якобы находится берег Америки. Геодезисты составили первую русскую карту сибирских земель, построенную на астрономических наблюдениях и имеющую сетку меридианов и параллелей. Кроме того, был подготовлен отчет, в который входил каталог астрономических координат 47 пунктов, из них 14 – на Курильских островах. В мае 1722 г. в Казани Евреинов представил Петру I отчет и карту, которыми император, как известно, остался доволен. Фактически картографические результаты

в Петербург и преобразовали в Морскую академию. В отличие от Навигацкой школы Морская академия стала полностью военным учебным заведением. Ее ученики были вооружены ружьями, несли караул, носили форменное обмундирование.

* В некоторых справочниках **Иван Евреинов** (1694–1724) указан под отчеством Михайлович, а в качестве места его рождения обозначена Польша. Однако, по архивным данным фондов Московской математико- навигацкой школы за 1713–1715 гг., хранящихся в Центральном государственном архиве Военно-морского флота, было установлено, что Иван Евреинов на самом деле был шведом **Иоганном Родилгусом**, который в 15 лет попал в плен под Полтавой. Затем Иоганн жил у снисейского комиссара Бориса Евреинова, где крестился в православии, взяв фамилию и отчество от крестного. С 1714 г. бывший пленный учился в Школе математических и навигацких наук в Москве (Навигацкой школе) и в Морской академии в Санкт-Петербурге. Как один из лучших учеников Морской академии вместе с напарником Федором Лужиным был избран Петром I для ответственной миссии на Тихий океан [Глушанков, 1986].

** **Федор Федорович Лужин** (1695–1727) учился в Школе математических и навигацких наук в Москве и в геодезическом классе Морской академии в Санкт-Петербурге (до 1718). В 1719–1721 гг. вместе с И.Б. Евреиновым участвовал в картографировании Камчатки и Курильских островов; в 1723–1724 гг. проводил съёмки в Восточной Сибири. В 1725–1727 гг. участвовал в Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга, обеспечивая в отряде М.П. Шпанберга доставку грузов из Якутска в Охотск. В пути простудился и умер в урочище Юдомский Крест.

экспедиции Евреинова и Лужина ознаменовали переход от прежней примитивной в математическом отношении русской картографии к новым, основанным на инструментальной съемке, точным картам.

В 1719 г. Петр отправил еще одну научную экспедицию на Каспийское море для подготовки уточненного варианта карты. Напомним, что в 1714–1716 гг. побережье Каспийского моря по петровскому указу исследовал князь Александр Бекович-Черкасский. Повышенный интерес Петра к Каспийскому морю был связан с его стремлением с суши найти путь во внутренние районы Азии, главным образом в Индию. В этот раз группу морских офицеров-картографов официально возглавил капитан-лейтенант **Карл ван Верден** (?–1731; офицер русского флота, выходец из Голландии, служил в шведском флоте, был взят в плен в 1703 г. и принят на русскую службу), а его помощником был назначен первый русский гидрограф **Федор Иванович Соймонов** (1692–1780), впоследствии исследователь и губернатор Сибири, сенатор. Осенью 1720 г. создание карты было завершено, а в историю картографии эта работа вошла под названием «Карта ван Вердена». Известно, что созданная карта в том же году была опубликована и представлена Петром через Шумахера в Парижскую академию наук, членом которой он уже был избран, и в Королевское общество в Лондоне. В частности, Петр I в письме в Парижскую академию наук от 18 февраля 1721 г. выразил благодарность в связи со своим избранием членом Парижской академии, и здесь же по поводу отправленной карты особо отметил: «...До сего времени не было еще никакой подлинной карты Каспийскому морю: Мы для того оное море, чрез нарочно от Нас туды отправленных искусных людей, осмотреть и верную и акуратную карту чрез двуетные труды сделать велели; которую при сем к академии в память нашу посылаем, в надежде, что она, яко новая и верная, вам приятна будет. Впрочем ссылаемся Мы на то, что наш первый лейб-медикус письмами и наш библиотечарь словесно пространнее академии доносить будет» [Материалы..., 1885, док. 6 от 18 февр. 1721, с. 5–6].

По убеждению В.И. Вернадского: «В этом быстром опубликовании результатов съемки, в широком их распространении, в сознании их научного значения правительство Петра резко отличалось [от правительств] последующих времен, когда скрыты были, например, результаты поездок Беринга или Великой Северной экспедиции!

Карта эта была не только сообщена Парижской академии наук – она широко, даже в рукописях, сделалась доступна и другим географам. Известно в ближайшие годы несколько ее переработок,

Федор Иванович
Соймонов.
Неизвестный художник.
*Государственный
Эрмитаж*

Яков Вилимович Брюс.
Неизвестный художник.
*Государственный
Эрмитаж*

Василий Никитич
Татищев.
Неизвестный художник.
*Свердловский
областной
краеведческий музей*

и уже с 1723 г. она вошла в лучшие частные атласы того времени»
[Вернадский, 2002 б, с. 244].

Существенный вклад в развитие российской картографии того периода внес один из сподвижников Петра I **Яков Вилимович Брюс**, при рождении **Джеймс Дэниэл Брюс** (1669–1735) – русский государственный деятель, военачальник, генерал-фельдцейхмейстер (1711), граф (1721), генерал-фельдмаршал (1726), а также дипломат, инженер, естествоиспытатель, астроном. Яков происходил из клана шотландских королей. Он был сыном шотландского полковника, перешедшего на русскую службу. Получил прекрасное домашнее образование и с молодых лет обнаружил интерес к математическим и естественным наукам, которыми занимался всю жизнь. В 1701 г. Брюс стал руководителем первой в России Школы математики и навигацких наук. Яков свободно владел шестью европейскими языками, а его «кабинет курьезных вещей» был единственным в своем роде в России и после смерти Брюса вошел в Кунсткамеру Академии наук. Он был составителем русско-голландского и голландско-русского словарей, первого печатного русского учебника по геометрии. Брюс также считается одним из основных создателей русской артиллерии, заложившим основы ее унификации и управлению ею на войне [по материалам wikipedia.org/].

Еще в конце XVII столетия, во время похода Петра I на Азов, Брюс вместе с **Юрием фон Менгденом** (**Юрием Андреевичем**

Фамендиным) (около 1628–1703) – помощником Петра (офицер, как и Брюс – русский по рождению), предприняли картографическую съемку местности, причем сохранились указания, что часть съемки провел сам Петр [Вернадский, 2002 б, с. 242]. По утверждению Вернадского: *«Карта Брюса и Менгдена, напечатанная на латинском языке в 1699 г. в Голландии, без имени автора или авторов, является первым научным памятником проникновения в Россию нового знания... Она впервые свела картографическую работу, сделанную в России, с картографией Запада»* [Вернадский, 2002 б, с. 243–244].

Брюс участвовал во многих военных кампаниях Петра, помогал ему в проведении военной реформы, а в 1719 г. обратился к царю с обоснованием необходимости «землемерия» всего государства и составления подробной географии России*. Исполнителем этой работы должен был стать другой сподвижник царя **Василий Никитич Татищев****. Однако в начале 1720 г. Петр поручил Татищеву наладить горнорудное производство на Урале, где Василий Никитич, будучи главным горным начальником уральских и сибирских заводов (1720–1724; 1734–1737), стал также заниматься изучением природы и климата края, быта и нравов местного населения. Татищев проводил картографические работы, собирал коллекции минералов и растений, вел подробные дневники...

В 1720 г. наконец стартовала государственная геодезическая съемка Российской империи. Фактически Петром в тот год были запущены масштабные работы по картографированию и научному изучению территории страны, составлению научной географической карты Российской империи, прилегающих морей и пограничных земель. В.И. Вернадский особо подчеркивал, что *«Петр начал заботы о карте как раз в то время или около того времени, когда*

* Подготовка географического описания и карт России обсуждалась между Петром и Яковом Брюсом неоднократно. В частности, еще 1715 г. Брюс также подавал царю соответствующее представление [Шакинко, 1987].

** **Василий Никитич Татищев** (1686–1750) – русский инженер-артиллерист, историк, географ, экономист и государственный деятель. Автор «Истории Российской...» [Татищев, 1994–1996], один из основоположников экономической географии в России. Основал Ставрополь-на-Волге (ныне – Тольятти), Екатеринбург и Пермь. Первым предложил считать Уральские горы границей между Европой и Азией, приложил много усилий для организации картографических работ. Был известен в первую очередь высокими государственными должностями: управляющий уральскими горными заводами и Оренбургским краем, советник Берг-коллегии (орган горной администрации в Российской империи, отвечавший за управление горнорудной промышленностью), губернатор Астрахани [Шакинко, 1987; Сафронова, 2016; Ефремов, 2021; и др.].

ее создание явилось государственной задачей и в других европейских странах. Однако там задача была проще и легче, ибо в них существовало больше точных точек опоры, накопленных предыдущей культурной работой, астрономически определенных пунктов, глазомерных съемок, пришедших к нашей современной карте. С другой стороны, и области, подлежащие нанесению на карту в отдельных мелких европейских странах, не могли по своим размерам сравниться с той огромной частью земной поверхности, которая служила местом работы русских астрономов и геодезистов.

По одному этому задача составления точной географической карты России в это время была задачей, не имевшей прецедента в истории картографии. Ее исполнение являлось с научной точки зрения делом исключительно важным, так как почти удваивало область картографически в то время известного» [Вернадский, 2002 б, с. 234–235].

В главе XLVIII «О ландкартах или чертежах Государевых» Генерального регламента от 28 февраля [10 марта] 1720 г. приведен объем намеченных Петром I работ: «И дабы каждый Коллегиум о состоянии Государства и о принадлежащих ко оному Провинциях подлинную ведомость и известие получить мог; того ради надлежит в каждом Коллегии иметь генеральныя и партикулярныя ландкарты (или чертежи), которые по времени изготовления быть имеют, именно: описать все границы, реки, города, местечки, церкви, деревни, леса и прочее» [Петровский, 2023, со ссылкой на: Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание первое. Т. 6. 1720–1722. СПб.: II отд. Е. И. В. (Его Императорского Величества. – Авт.) Канц., 1830, с. 157].

В связи с намеченными съемками последовал именной указ «О посылке учеников из С.-Петербургской Морской академии для сочинения ландкарт», объявленный Сенатом 9 [20] декабря 1720 г. Для его осуществления в 1721 г. в губернии были отправлены 30 геодезистов, первых выпускников Московской навигацкой школы и Санкт-Петербургской Морской академии. Для публикации карт при Адмиралтейств-коллегии были созданы чертежная мастерская и типография. Руководил всеми работами секретарь Сената **Иван Кириллович Кирилов***.

* **Иван Кириллович Кирилов** (1689–1737) – российский государственный деятель, картограф, один из основоположников российской географической науки, родоначальник российской экономической географии. С кон. 1719 – нач. 1720-х гг. руководил работами по топографической съемке России. С 1727 г. обер-секретарь Сената, с 1734 г. статский

Наконец, 23 декабря 1724 г., т. е. буквально за три недели до своей смерти, Петр подписал Указ об организации **Первой Камчатской экспедиции под началом Витуса Ионассена Беринга**. Основными целями похода были обозначены исследования Азиатско-Тихоокеанского побережья, а также поиск мест для размещения портов базирования будущего Тихоокеанского флота. Петр Первый в собственноручном поручении от 5 января 1725 г. указал: *«Надлежит на Камчатке или в другом месте сделать один или два бота с палубами. На оных ботах возле земли, которая идет на Норд и по чаянию, понеже оной конца не знают, кажется, что та земля часть Америки. И для того искать, где она сошлась с Америкой, и чтоб доехать до какого города европейских владений или, ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него, как оный кюст называют, и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюда...»* [Вернадский, 2002 б, с. 229].

За период экспедиции, осуществленной в 1725–1730 гг., впервые была произведена инструментальная съемка более чем 3500 км побережья моря, позже названного Беринговым, и часть берегов Охотского моря. Беринг первым прошел проливом между Азией и Северной Америкой с юга на север и обратно. Экспедицией Беринга также были представлены доказательства того, что Азия и Северная Америка разделены морем. К слову, составленную в ходе экспедиции и представленную в Санкт-Петербургскую академию наук подробную карту столь дальних территорий затем распространили и в Европе.

<...>

В петровские времена ученые отправлялись в путешествия не только по России. Всякое посольство в другие страны или военные экспедиции сопровождалось геодезистами и часто учеными-наблюдателями [Вернадский, 2002 б, с. 283]. Так, в 1722 г. завершилось двухлетнее посольство **Льва Васильевича Измайлова** (1685–1738; российский государственный деятель, дипломат, чрезвычайный посланник) в Китай, отправленное для разрешения спорных вопросов в торговых отношениях между Россией и Цинской империей. Параллельно посольством Измайлова были собраны многочисленные этнографические артефакты, модели кораблей и канатов, фейерверки

советник. Участвовал в организации Второй Камчатской экспедиции (1731–1733), организовал и возглавил Оренбургскую экспедицию (1734–1737), где заболел и умер. Автор первой Генеральной карты о Российской империи (1734) [Новлянская, 1964; Красникова, 2016].

и фарфор. В 1724 г. при посольстве **Александра Ивановича Румянцева** (1680–1749) в Турцию состоял естествоиспытатель **Иоганн Христиан Буксбаум***, который не только собрал богатый материал для Кунсткамеры, но и по результатам поездки издал описание многих видов растений, собранных как на пути по России, так и в областях европейской и азиатской Турции.

<...>

В период окончания войны со Швецией в Санкт-Петербурге формировалась царская Кунсткамера, для которой возводилось собственное здание, в котором помимо музейных площадей предполагалось развертывание астрономической обсерватории, анатомического театра, помещения для биологических и минеральных коллекций, образцы для которых прибывали со всего мира, различные хранилища. Поступали в Кунсткамеру и многие технические новшества, научные инструменты и механизмы. Здесь же предусматривалось место для размещения обширной царской Библиотеки.

Очевидно, что следующим шагом к развитию научной деятельности в стране становилась организация специального государственного научного учреждения. И если сразу после поездки во Францию в 1717 г. Петр на докладе своего советника Г. Фика (июнь, 1718) написал резолюцию: *«Сделать академию, а ныне приискать из русских, кто учен и к тому склонность имеет...»* [Вернадский, 2002 б, с. 293], подразумевая под этим словом учебное заведение, то к концу 1723 г. он утвердился во мнении о создании особенной, отличающейся от европейских аналогов Санкт-Петербургской академии наук и художеств, которой он решил передать свою личную Библиотеку и Кунсткамеру с имевшимися отделами астрономии, географии, анатомии, ботаники и естественной истории. По планам Петра Санкт-Петербургская академия должна была стать основным

* **Иоганн Христиан Буксбаум** (1693–1730) – немецкий естествоиспытатель, исследователь Юго-Восточной Европы, Малой Азии и Кавказа. Описал ряд новых видов растений, собрал обширные ботанические и этнографические коллекции. В 1721 г. был приглашен в Россию для заведования Аптекарским огородом при Медицинской канцелярии в Санкт-Петербурге. Он первым обогатил аптекарские питомники редкими видами русских растений. В 1724 г. Буксбаум был назначен сопровождать Александра Румянцева в российском посольстве в Константинополе. Незадолго до отъезда с ним был заключен контракт на службу в Академии наук. Таким образом, Буксбаум стал не только первым, но и единственным членом Академии, кого приняли на службу уже в 1724 г. Другие ученые подписали свои контракты в 1725 г. и позже [Андреев, 1947]. В 1729 г. по настоянию врачей, находивших петербургский климат для ученого губительным, Буксбаум покинул Россию и вернулся в Саксонию.

источником научных знаний и кадров, базой для приобщения молодых людей к научным исследованиям, популяризации научных знаний, что значительно отличало ее от западно-европейских академий, где лишь подводились итоги научных исследований, проводившихся в университетах, частных лабораториях и домах. Кроме того, по утверждению В.И. Вернадского: «...при основании Петербургской Академии, в Европе мало было больших центров научной работы. Большинство университетов, в том числе почти все университеты германских государств, находились в упадке или только начинали превращаться в очаги научного искания: особенно ярко это сказалось в области естественных и математических наук» [Вернадский, 2002 в, с. 345].

Задолго до открытия Академии Л.Л. Блюментрост по приказу Петра рассылал письма именитым ученым во все концы Европы с приглашениями. В 1723 г. поиском иноземных ученых занимался также ученик и помощник Г.В. Лейбница профессор философии в Галле **Христиан фон Вольф** (1679–1754)*. Как отмечала в своем очерке О.А. Кирикова: «Встречаясь и общаясь с коллегами, он [Вольф] все больше убеждался в том, что Россия пока не готова для создания научного учреждения, для этого недостаточно просто пригласить европейских ученых – прежде всего надо построить собственную систему образования, которая со временем даст импульс, ресурсы, материал к развитию наук» [Кирикова, 2024 а, с. 22]. Заметим, что некоторые близкие сподвижники Петра также не поддерживали его идею завести “Академию наук”, минуя школы и университеты. Так, В.Н. Татищев в одной из своих публикаций, вспоминая диалог, который состоялся между ним и Петром Великим по поводу организации Академии, писал: «1724 г., как я отправился во Швецию, случилось мне быть у Его Величества в Летнем доме. Тогда лейб-медикус Блюментрост, яко президент Академии наук, говорил мне, чтоб в Швеции искать ученых людей и призывать во учреждающуюся тогда Академию в профессора. На что я, разсмеявся, ему сказал: “Ты хочешь зделать архимедову машину очень сильную, да поднимать нечево и где поставить места нет”. Его величество изволил спросить, что я сказал. И я донес, что ищет учителей, а учить

* **Христиан фон Вольф** (нем. Christian von Wolff; 1679–1754) – немецкий ученый-энциклопедист, философ, юрист, математик, физик. Наставник М.В. Ломоносова в Марбургском университете. Христиан Вольф был членом Лондонского королевского общества (1710), иностранным членом Берлинской (1711) и Парижской (1733) академий наук, первый почетный член Санкт-Петербургской академии наук и художеств (1725). Содействовал приглашению в Санкт-Петербург видных ученых.

Христиан фон Вольф.
Художник и гравёр
И.М. Бернигерот.
МАЭ РАН

Лаврентий Лаврен-
тевич Блюментрост.
Художник П. Андреев,
гравюра С.П. Констан-
тинова. 1884 г. *Лите-
ратурный музей ИРЛИ
(Пушкинский дом) РАН*

Якоб Герман.
Неизвестный художник.
Галерея РАН

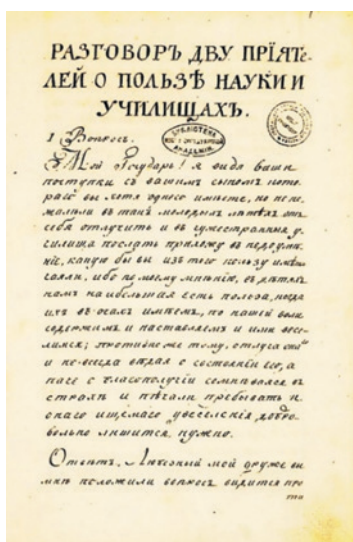
некого, ибо без нижних школ Академия она с великим расходом будет бесполезна. На сие его величество изволил сказать: “Я имею жит (спелые колосья. — Авт.) скирды великие, токмо мельницы нет, да и построить водяную, и воды довольства в близости нет, а есть воды довольно во отдалении. Только канал делать мне уже не успеть, для того что долгота жизни наша ненадежна, и для того зачал перво мельницу строить, а канал велел только зачать, которое наследников моих лучше понудит к построенной мельнице воду привести. Зачало же того я довольно учинил, что многие школы математические устроены, а для языков велел по епархиям и губерниям школы учинить, и надеюся, хотя плода я не увижу, но оные в том моем отечеству полезном намерении не ослабеют”» [Татищев, 1996, с. 105]. В.И. Вернадский по этому поводу замечал, что в столь образной форме Петр Великий «высказал глубокое прозрение в будущее, основанное на крепкой вере в тот народ, в истории которого он играл такую исключительно выдающуюся роль. Он понял происходивший исторический процесс гораздо глубже своего маловерного современника В.Н. Татищева. Ибо, передавая через 12 лет, в 1736 г., этот разговор с Петром, Татищев думал, что жизнь подтвердила его опасение и что вера Петра оказалась основанной на недоразумении» [Вернадский, 2002 в, с. 322].

Обосновывая свою позицию, Татищев привел факты, связанные, по его мнению, с «провалом» петровских преобразований, отмечая,

что «Посему от того времени чрез 12 лет подлинно по губерниям и епархиям надлежало бы многим школам и обученным хотя в языках довольству быть. Но сие желание и надежда его величества весьма обманула, ибо по его незапном представлении хотя люди в науках преславныя вскоре съехались и академию основали, но по епархиям, кроме Новгородской и Белгородской, не токмо школ вновь устроили, но некоторые и начатые оставлены и разорены, а вместо того архиереи конские и денежные заводы созидать прилежади, чрез что пять лет по смерти его величества весьма преуспевало. Даже возше-ствием на престол ея императорскаго величества всемилостивейшей государыни Анны Петровны начало возобновилось, а вверженное междо тем препятствие отринуто. Но оставя сие, вопрос ваш окончаю тем, что все доднесь устроенные школы государственные к научению всех тех, которых и тому, чему нужно учиться, научить еще не в состоянии» [Татищев, 1996, с. 105–106].

Итак, 22 января [2 февр.] 1724 г. в Санкт-Петербурге произошло важное событие – на заседании Правительствующего Сената, проходившем в присутствии императора, был рассмотрен «Проект об учреждении Академии наук»*, составленный Л.Л. Блюментростом совместно с И.Д. Шумахером по указанию Петра I [Пекарский, 1870, с. 5]. Этот «Проект» с пометками Петра был приложен к указу Сената «О Академии, и о сумме, на содержание оной» от 28 января [8 февр.] 1724 г., но не получил официального статуса, т. к. в то время не был опубликован (полный текст документа впервые опубликован в Материалах для истории Императорской академии наук [Материалы..., 1885, док. 21 от 22 янв. 1724 г., с. 14–22]). Очевидно, что принципиальное решение об открытии Академии Петром было принято еще до обсуждения «Проекта» в Сенате, что следует из докладной Блюментроста от 1 января 1724 г. по поводу заключения с библиотекарем И.Д. Шумахером контракта на основе именного указа Петра. В докладной, в частности, говорилось следующее: «Обязуется оный библиотекарь, Данило Шумахер, библиотеку и кунст-камору в своем правлении иметь... такожде, дондеже академия размножится, при оной секретарское дело править (здесь и ниже выделено

* Впоследствии Блюментрост этот документ именовал как «Положение о установлении Академии наук и художеств». В частности, такое название упомянуто Блюментростом в «доношении» Правительствующему Сенату о числе студентов, которые будут переданы для обучения к профессорам (академикам) Академии [Материалы..., 1885, док. 102 от 25 сент. 1724 г., с. 57–58]. Иногда этот документ именуется как «Проект Положения об учреждении Академии наук и художеств» [Окрепилов, 2022].

Титульный лист и первая страница работы В.Н. Татищева «Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах». М.: В Университетской типографии (М. Катков), 1887

мною. — В.Б.). А против того, по именному ж Е. И. В. указу, обещается оному библиотекарю, Даниле Шумахеру, жалованье по осми сот рублей на год, которое давано будет впредь за год, как и прочим членам академии...» [там же, док. 20 от 1 янв. 1724 г., с. 14].

Таким образом, в «Проекте» были подведены итоги последних дискуссий о задачах, структуре, правовом статусе и форме управления этого нового научного учреждения, и, что ценно, с объяснением причин, почему принято то или иное решение. В частности, при обосновании двойного назначения Академии (объединение собственно Академии с университетом и гимназией) мы видим следующие пояснения:

«К расположению художеств и наук употребляются обыкновенно два образа здания: первый образ называется университет, второй — академия, или соиетет художеств и наук.

§

Универзитет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко: теологии и юрис пруденции (прав искусствву), медицины и филозофии, сиречь до какого состояния оныя ныне дошли, младых людей обучают. Академия же есть собрание ученых и искусных людей, которые не токмо сии науки в своем роде, в том градусе, в котором

оныя ныне обретаются, знают, но и чрез новые инвенты (издания) оныя совершить и умножить тщатся, а об учении протчих никакого попечения не имеют.

§

Хотя академия из тех же наук, и тако из тех же членов состоит, из которых и университет, однакожде обои сии здания в иных государствах, для множества ученых людей, из которых разные собрания сочинить можно, никакого сообщения между собою не имеют, дабы академия, которая токмо о приведении художеств и наук в лутчее состояние старается, учением в спекуляциях (размышлениях) и розысканиях своих, от чего как профессоры в университетах, так и студенты пользу имеют, помещательства не имела, а университет некоторыми остроумными розысканиями и спекуляциями от обучения не отведен был, и тако молодые люди оставлены были.

§

Понеже ныне в России здание к возвращению художеств и наук учинено быть имеет, того ради невозможно, чтоб здесь следовать в протчих государствах принятому образу; но надлежит смотреть на состояние здешняго государства, как в разсуждении обучающих, так и обучающихся, и такое здание учинить, чрез которое бы не токмо слава сего государства для размножения наук нынешним временем распространялась, но и чрез обучение и распложение оных польза в народе впредь была».

§

«При заведении простой академии наук обои намерения не исполнятся, ибо хотя чрез оную художества и науки в своем состоянии производятся и распространяются, однакожде оныя не скоро в народе расплодятся; а при заведении университета – и меньше того: ибо когда разсудишь, что еще прямых школ, гимназиев и семинариев нет, в которых бы молодые люди началам обучиться и потом выше градусы наук воспрять и угодными себя учинить могли, то невозможно, дабы при таком состоянии университет некоторую пользу учинить мог...» [Материалы..., 1885, док. 21 от 22 янв. 1724 г., с. 14–15]*.

* В «Проекте» создаваемой Академии сама Академия названа «Академией художеств и наук», хотя в последующих документах чаще всего применяется название «Академия наук и художеств» или «Академия наук»: «Сие есть собственный образец академии художеств и наук» [Материалы..., 1885, док. 21 от 22 янв. 1724 г., с. 19]. При этом художники в Академии на начальном этапе ее организации в основном были необходимы для оформлением научных книг и карт. В частности, в параграфе 14 сказано: «Живописец должен издания писать, а грыдоравальный мастер грыдоровать (гравировать. – Авт.);

В «Проекте» было определено, что Академия должна состоять из 11 профессоров и трех классов: математического, физического и гуманитарного. Характерной особенностью Академии наук было преобладание точных наук. В частности, математический класс включал 4 кафедры: теоретической математики, в т. ч. арифметики, алгебры и геометрии; астрономии, географии и навигации; а также 2 кафедры механики. Физический класс тоже состоял из 4 кафедр: теоретической и экспериментальной физики; анатомии; химии; ботаники. В гуманитарном классе насчитывалось 3 кафедры: красноречия и памятников древности; древней и новой истории; права, политики и этики (нравовучением).

«Кроме сих членов особливый секретарь потребен, который все, что в академии предлагается, в протокол вносит, в порядок приходит и то, что достойно есть, ежегодно, или через каждые два года публикует и, купно с библиотекарем, корреспонденцию с учеными людьми держит» [там же, с. 17].

В одном из параграфов «Проекта» было отмечено, что *«Каждый академик обязан систем или курс в науке своей в пользу учащихся молодых людей изготовить, а потом оные имеют на императорском иждивении, на латинском языке, печатаны быть»*.

И понеже российскому народу не токмо в великую пользу но и во славу служить будет, когда такие книги на российском языке печатаны будут, того ради надлежит при каждом классе академическом одного переводчика, и при секретаре – одного ж, и тако во всех четырех классах, определить» [там же, с. 18–19].

Параграф о «собственном образце», т. е. об особенностях новой Академии, в состав которой намечен университет, был сформулирован от имени Петра следующим образом: *«А понеже в том намерение университета смотрится, которая науки всему народу объявляет; такожде и гимназия, в котором молодые люди нужным наукам обучаются: того ради я объявлю, каким образом одним зданием обои намерения исполнить можно и не надобно особливые собрания сочинять»* [там же, с. 20]. Здесь же прописано, что в отличие от устоявшейся структуры университетов, состоящих из четырех факультетов – теологии, юриспруденции, медицины и философии, в академическом

также и академикам, ежели им помощь их потребна будет, вспомогать» [там же, с. 25]. Тем не менее в «1725–1758 гг., впредь до основания Академии художеств, Академия наук исполняла и ее функции; в ней боролись два течения – научное и художественное, и она сыграла огромную [роль] в распространении искусства в России» [Вернадский, 2002 б, с. 301].

университете предложена трехфакультетная схема без факультета теологии, важнейшего во всех европейских университетах предмета, который передавался «на попечение синода». Преподавание теологии здесь не планировалось: теологией должна была заниматься церковь.

В «Проекте» также намечалось к каждому члену Академии прикрепить для помощи и обучения наиболее талантливых молодых людей: *«А чтоб пользу от сих обучений иметь, к тому требуются удобные люди, которые гуманиора отчасти знают и некоторое малое искусство философии и математики имеют. Того ради весьма нужно, дабы каждому академику один или два человека из младых студентов даны были и довольным жалованьем снабдены, которые со всем прилежанием обучаться и академикам вспомогать имеют...»*. Здесь же лично Петром было добавлено: *«Подлежит по два человека еще прибавить которые из словенского народа дабы могли удобнее русских учить а каких наук написать именно»* [там же, с. 21].

В документе прописана необходимость кураторства над научным учреждением со стороны императора: *«Но чтоб сие здание непременно и полезно было, то иметь оное токмо под ведением Императора, яко протектора своего, быть и само себя править, еже учиняется, когда из оных или непременный президент, или попеременно один по другому каждый год или полгода выбирается»* [там же, с. 21].

По поводу финансового обеспечения работы Академии в заключительном параграфе «Проекта» было указано, что Академия не может быть учреждена, не имея двадцати тысяч на свое содержание: *«И тако, хотя бы как поступать, то однакожде все тое без 20000 рублей зачать невозможно»*. Император напротив этого места написал: *«Доход на сие определяется 24.912 рублей которые збираются згородов Нарвы Дерпта Петрова и Аренсбурха таможенных и лицентных»* [там же, с. 22].

Как отмечалось выше, краткий указ Сената от 28 января [8 февр.] 1724 г. «О Академии, и о сумме, на содержании оной» был заслушан на заседании Сената и утвержден Петром I. В нем говорилось: *«Его Императорское Величество указал, учинить Академию, в которой бы учились языкам, также протчим наукам, и знатым художествам, и переводилиб книги. А Генваря 22 дня, Его Императорское Величество, будучи в Зимнем доме и слушав о сочинении той Академии проэкта, на котором собственною своею рукою подписать изволил, тако: На содержание оных определить доходы, которые збираются с городов Нарвы; Дерпта, Пернова и Аренсбурга, таможенных и лицентных, 24.912 рублей. И по тому Его Императорскаго*

1724 годъ.

20.

Лив. 1. По именному Е. И. В. указу, съ бібліотекаремъ Шумахеромъ таковъ контрактъ сочиненъ:

Обязуется оный бібліотекаръ, Данило Шумахеръ, бібліотеку и кунстъ-камору въ своемъ правленіи имѣть, какъ въ бібліотекѣ, такъ и въ кунстъ-каморѣ все порядочно содержать, въ бібліотекѣ книгамъ, а въ кунстъ-каморѣ обрѣтающимся разнымъ вещамъ каталогъ учредить; также, дондеже академія размножится, при оной секретарское дѣло править. А противъ того, по именованію жъ Е. И. В. указу, обѣщается оному бібліотекарю, Данилу Шумахеру, жалованье по осмисотъ рублей на годъ, которое давано будетъ впередъ за годъ, какъ и прочимъ членамъ академіи. Также квартиру, дрога и сѣбѣ свободныя давать сего 1724 году генваря съ 1 числа.

[А]

Laurentius Blumentrost.

Распоряжение Л. Блюментроста от 1 [12] января 1724 г. Из: *Матеріалы для исторіи Императорской Академіи наук. Томъ первый. (1716–1730). СПб., 1885. С. 14.*

Величества указу, Правительствующій Сенат приказали, оныя доходы собирая содержать в Рентереи, из которых отпускать в тою Академію по указом из Сената. А кроме того ни на какие расходы не употреблять. И о том в Камор Коллегию, и в Штатс Контору указы посланы. Подлинной за подписаніем Правительствующаго Сената» [Российская академия наук, 1999, с. 20].

10 [21] февраля 1724 г., т. е. буквально через несколько дней после учреждения Сенатом Академии наук, Блюментростом на основе «Проекта» был составлен «Экстракт», открывавшийся следующей фразой: «Понеже Е. И. В., из отеческого попечения к подданным своим и с любви к художествам и наукам, соизволил в своем государстве академию, для возвращенія художеств и наук и для обученія своих подданных, учинить, того ради, чтоб сие учреждение всем ученым людям в чужестранных государствах известно было, сей краткій экстракт из онаго сочинить за благо разсуждено, дабы та польза, которая от того учинится, всем явна была, и все, которыя тем пользоваться и в оную приняты быть похотят, себя объявить могли» [Материалы..., 1885, док. 22 от 10 февр. 1724 г., с. 22]. Очевидно, что данный «Экстракт» был предназначен для распространения среди европейских ученых и привлечения их на русскую службу. Документ состоит из 19 параграфов, в который в дополнение к положениям «Проекта» были разъяснены условия прибытія будущих академиков

«за императорские деньги», а также «Жалованье свое, на целый год вперед, квартиру и дрова они получать будут из суммы, определенной академии» [там же, с. 26].

Следом Л. Блюментростом была составлена смета для выплаты зарплаты членам и работникам Академии, причем каждому из 11 «академикусов» в год причиталось по 1000 рублей, секретарю и библиотекарю – по 800 рублей, студентам, числом 12, по 250 рублей, 4 переводчикам – по 200 рублей, живописцу и грыдоровальному мастеру – по 400 руб, переплетчику – 120 руб. *«Хотя помянутое жалованье установлено, однакожде не с таким намерением, чтоб в том твердо остаться; но оное зависит в капитуляции, которую чинить надлежит дешево, как возможно» [там же, док. 23 от 12 февр. 1724 г., с. 27].* С учетом сметы были рассчитаны суммы, которые необходимо направить во Францию (2000), «Немецкую землю» (4000) и Голландию (3000) на дорожные расходы *«также и для покупки нужнейших книг и инструментов» [там же, док. 25 от 12 февр. 1724 г., с. 28].* Кроме того, были выделены деньги на ремонтные работы в зданиях, предназначенных для Академии, был сформирован штат служащих.

Обращает на себя внимание, что составители текстов «Проекта» и «Экстракта» в первую очередь заботились о конкретных интересах государства и просвещении народа: *«Понеже намерение при сем здании (Академии. – Авт.) такое, чтоб не токмо художества и науки размножались, но и чтоб народ от того пользу имел...» [там же, док. 22 от 10 февр. 1724 г., с. 24].*

Л. Блюментрост вел активную переписку с потенциальными кандидатами, а русские послы в Париже и Берлине получили от Петра задание принимать по представлению лейб-медика иностранных ученых в Академию. В частности Петр направлял российским послам следующие указания: *«Определили мы здесь академию наук и художеств учинить, а во оную академию людей потребных сыскивать и нанимать определено лейб-медикусу нашему, Лаврентью Блюментросту. И когда он к вам будет писать о приеме которых людей в службу и на каких кондициях, тогда вы по его письмам все исправляйте и, в чем надлежит, вспоможение чините» [там же, док. 99 от 17 сент. 1724 г., с. 56].*

1 сентября 1724 г. Блюментростом был заключен первый договор с немецким ботаником **Иоганом Христианом Буксбаумом**^{*}, который

^{*} В одном из документов [Материалы..., 1885, док. 98 от 13 сент. 1724 г., с. 55, со ссылкой на Журнал Академии 1724 г., книга № 582] сказано: *«Господин лейб-медикус господину архиатеру (главный придворный врач. – Авт.) сообщил, что*

считался «своим», так как уже 4 года работал в России в Медицинской канцелярии. В то же время первым академиком Санкт-Петербургской академии был провозглашен авторитетный швейцарский математик **Якоб Герман** (1678–1733)*, договор с которым подписан 8 января 1725 г., в связи с чем Герман получил почетное звание «professor primaries» (первый профессор).

<...>

Утром в шестом часу 28 января [8 февраля] 1725 г., т. е. ровно через год после учреждения Санкт-Петербургской академии наук и художеств, Петр Великий скончался в своем Зимнем дворце у Зимней канавки. Решением Сената трон наследовала жена Петра, Екатерина Алексеевна, ставшая первой российской императрицей под именем **Екатерина I** (5 [15] апреля 1684 – 6 [17] мая 1727). Именно в ее короткое правление были проведены основные мероприятия по организации и открытию Академии наук, подготовлены здания для приема академиков, определен первый президент Академии и сформирован ее первый состав, проведен первый набор учащихся в академическую гимназию. В недолгие годы правления Екатерины I была окончательно организована и отправлена Первая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, а также направлена в Русскую Лапландию первая научная экспедиция Академии наук. Наконец, Академия наук еще при Екатерине получила правительственное задание к составлению «Генеральной карты Российской Империи».

господин Буксбаум к академии принят (выделено мной. – В.Б.) и в Константинополь с посольством пойдет. И для того б он его отпустил и заслуженное его жалованье выдать приказал...».

* **Якоб Герман** (1678–1733) – швейцарский математик и механик на русской службе. Член Берлинской (1707; иностранный), Болонской (1708), Санкт-Петербургской (профессор с 1725 г.; почетный член с 1731 г.) и Парижской (1733) академий наук. Окончил Базельский университет. Ученик Я. Бернулли. Герман прибыл в Санкт-Петербург 31 июля [11 авг.] 1725 г. 15 [26] августа он в числе первых приехавших в российскую столицу академиков был представлен Екатерине I в ее Летнем дворце; при этом он произнес обращенную к императрице приветственную речь, хорошо воспринятую присутствующими. Именно Герман открыл 2 [13] ноября 1725 г. первое заседание Санкт-Петербургской академии наук, проходившее еще до ее официального открытия. В 1731 г. вернулся в Базель.

1.2. Открытие Академии наук в Санкт-Петербурге

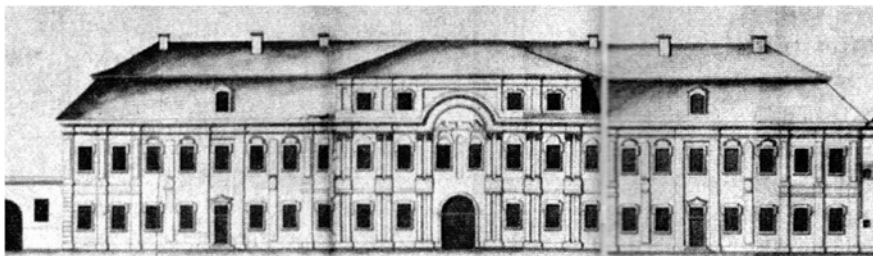
После смерти Петра I подготовка к открытию Академии наук не прекратилась, причем вопросы ее организации, а также устройство прибывающих членов Академии императрица Екатерина I взяла под особый контроль. Для нужд Академии были выделены дом барона **Петра Павловича Шафирова*** на Городском (Петроградском) острове и дом царицы Прасковьи Федоровны, расположенный на стрелке Васильевского острова**. Кроме того, для временного поселения членов Академии внаем было взято несколько частных домов [Пекарский, 1870].

Для пребывающих ученых императрица старалась создать максимально комфортные условия. В частности, по ее указу необходимо было: *«...дом академический домашними потребами удостатчить и академиков недели три, или месяц не в зачет кушаньем довольствовать; а потом подрядить за настоящую цену, наняв от академии, эконома, кормить в том же доме... дабы ходя в трактиры и другие мелкие дома, с непотребными обращающиеся, не обучились их непотребных обычаев и в других забавах времени не теряли б бездельно...»* [Материалы..., 1885, док. 222 от 14 мая 1725 г., с. 111].

Екатерина просила Блюментроста представлять ей прибывающих ученых, и 25 августа 1725 г. в Летнем дворце была организована первая встреча. Ссылаясь на воспоминание современника, Пекарский писал: *«При входе в сад г. Блюментрост встретил академиков уверениями, что их присутствие будет приятно ея величеству... ..Некоторое время спустя, вошел камер-президент барон фон-Левенвольд*

* **Петр Павлович Шафиров** (1669–1739) – дипломат петровского времени, первый российский барон, один из первых кавалеров ордена Андрея Первозванного (1719) – высшей государственной награды. Он автор первой русской книги «Рассуждения о причинах Свейской (Шведской. – Авт.) войны» (1719), переведенной на английский. В 1723 г. стараниями А.Д. Меншикова Шафиров был арестован, лишен чинов и имущества и приговорен к смертной казни, которая Петром I была заменена на ссылку в Сибирь. После смерти Петра Шафиров смог вернуться к дипломатической деятельности. В 1732 г. получил чин тайного советника, в 1733 г. вновь стал сенатором и президентом Коммерц-коллегии.

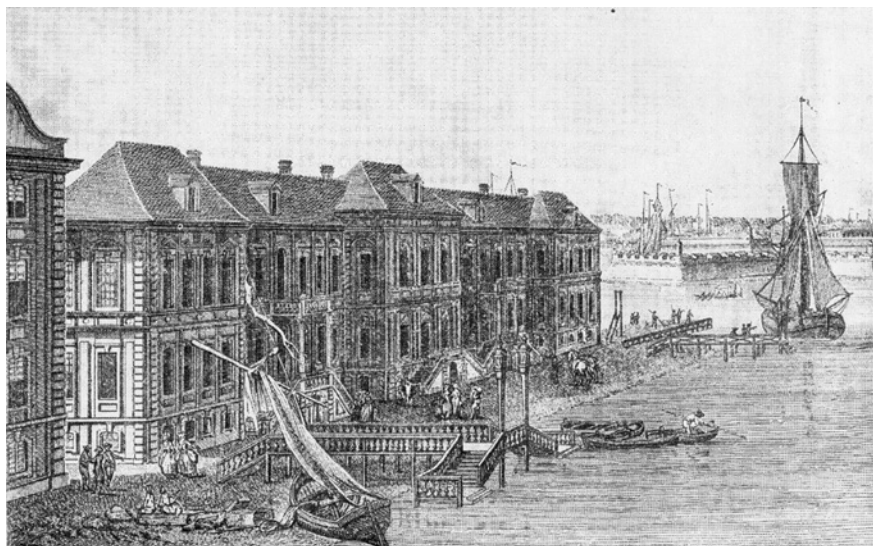
** Дом П.П. Шафирова выстроен в камне в 1713–1714 гг. В 1723–1724 гг. реконструирован архитектором Б.К. Растрелли и его сыном Франческо Бартоломео. В соседнем доме И.П. Строева в 1726 г. открыта академическая гимназия. В конце 1727 г. Академия наук вместе с гимназией были переведены в бывший дворец Прасковьи Федоровны на стрелке Васильевского острова. В 1728 г. Академия наук на Васильевском острове получила еще одно здание – Кунсткамеру.

Дом барона П.П. Шафирова. Из открытых источников

с объявлением, что общество может явиться на аудиенцию к ея величеству, и повел их в императорские покои... После почтительного поклона, академик Герман произнес краткую речь на французском языке, которую переводил Блюментрост. Затем говорил по немецки академик Бильфингер... Императрица сама очень милостиво, выразив при том, что ей чрезвычайно приятно прибытие из всех стран ученых, и что она будет заботиться всеми способами выказывать к ним свое благоволение...» [Пекарский, 1870, с. XXXV].

Екатерина I проявляла заботу и об отдельных членах академии, прибывших в столицу. Например, в документах Академии сохранилась записка Блюментроста от 14 октября 1725 г. следующего содержания: «По указу Ея И. В., велено купить, для украшения каморок профессора

Здание Санкт-Петербургской академии наук в XVIII в. По рис. Леспинаса.
Из открытых источников

*Бернулли**, русских суконных шпалер, и оными помянутыя каморки надобно обить. А ежели тех шпалер здесь не имеется готовых в продаже, то надлежит купить, по надлежащей цене, из заморских шпалер, из определенной суммы на академию, а на щетъ оной академии поставить. *Laurent. Blumentrost*» [Материалы..., 1885, док. 308 от 14 окт. 1725 г., с. 151].

Екатерина I учредила за Академией наук ежегодное содержание в двадцать пять тысяч рублей и уплатила все ее долги, доходившие до тридцати тысяч рублей. Согласно именному указу императрицы от 20 ноября 1725 г. (получен в Сенате 7 декабря, опубликован 21 декабря 1725 г.) президентом Академии был назначен лейб-медик Лаврентий Блюментрост, при этом было отмечено, что само «учинение» [учреждение] Академии наук** состоялось по повелению Петра I. В частности, в «*указе господам сенату*», направленном в Сенат 20 ноября 1725 г., сказано: «...*Понеже вам известно, какое попечение имел блаженные и вечно достойныя памяти Е. И. В., наш любезнейший супруг и Государь, о обучении народа своего, для чего намерен уставить академию наук, о которой и определение в сенате изволил учинить* (здесь и ниже выделено мной. – В.Б.) *в прошлом 1724-м году, генваря во 12 день, и собственною своею рукою подписал; а потом*

* **Даниил Бернулли** (1700–1782) – швейцарский физик, механик и математик, один из создателей кинетической теории газов, гидродинамики и математической физики. Профессор и иностранный почетный член Санкт-Петербургской академии наук (1733), член академий: Болонской (1724), Берлинской (1747), Парижской (1748), Лондонского королевского общества (1750). В конце 1724 г. получил предложение занять пост президента ученой академии, открываемой в Генуе, и в то же время был приглашен Вольфом занять кресло в учреждаемой в Петербурге Академии наук и кафедру профессора физиологии. Бернулли отклонил первое предложение и принял второе. Этому решению способствовало единовременное приглашение в Академию наук его брата Николая на кафедру механики и математики. В 1725 г. вместе с братом прибыл в Санкт-Петербургскую академию наук, где стал заниматься медициной, но потом перешел на кафедру математики (1728), ставшую вакантной после смерти его брата Николая. Вскоре Даниил вернулся в Базель (1733), оставшись почетным членом Санкт-Петербургской академии, в научном журнале которой им были опубликованы 47 из 75 своих трудов. Во время пребывания в России Д. Бернулли напечатал «Замечания о рекуррентных последовательностях» (1728) и подготовил свой главный труд: монографию «Гидродинамика» (опубликована в 1738 г.).

** Иногда Указ Екатерины I от 20 ноября 1725 г. ошибочно именуют как указ «Об учреждении Академии наук и назначении лейб-медика Л.Л. Блюментроста президентом» (см., например, [Российская академия наук..., 2024, с. 30, подпись к фотокопии указа]). На самом деле данный указ относится только к назначению Л.Л. Блюментроста президентом Академии. Сама Академия наук была «учинена» (учреждена) указом Правительствующего Сената от 28 января [8 февр.] 1724 г. (см. выше).

профессоров и прочих потребных людей для той академии, еще при животе своем, указал выписать, которые сюды уже и прибыли. Мы же в сем деле положенные труды Е. И. В., блаженные и вечно-достойныя памяти, желая произвести в действо, для пользы государства нашего, оную академию наук ныне, **на основании, учиненном от Е. И. В.**, и в ней президента, лейб-медикуса нашего Лаврентья Блюментроста, определили. И сей указ велите в народ публиковать, дабы о той академии всяк ведал, и имели б тицание отдавать в разныя

Фотокопия Указа Екатерины I об открытии предположенной к учреждению императором Петром Великим Академии наук и назначении лейб-медика Л.Л. Блюментроста президентом. 20 ноября 1725 г. (опубликован 21 дек. 1725 г.). Экспозиция ГИМ. Фото В. Богатова

науки детей своих и свойственников. А каким образом оные ученики будут в той академии содержаны, и каким наукам будут их учить, о том вскоре будет выдан в печать особый регламент» [там же, док. 331 от 20 ноября 1725 г., с. 158–159].

Указ был опубликован для «всенародного известия» только через месяц, т. е. 25 декабря, с некоторыми редакторскими правками, касающимися в основном удаления упоминания супружеских отношений Петра с императрицей, расшифровки полного имени императрицы и, наконец, наименования государства. Например, в экземпляре указа для Сената фраза *«Понеже вам известно есть, какое попечение имел блаженные и вечно достойныя памяти Е. И. В., наш любезнейший супруг и Государь, о обучении народа своего...»*, в изданной версии Сената заменена на: *«Понеже всем известно есть блаженные и вечно достойныя памяти, Его Императорское Величество, о обучении народа своего...»*. Фраза *«Мы же в сем деле положенные труды Е. И. В., блаженные и вечнодостойныя памяти, желая произвести в действо...»* переделана кардинально на: *«Того ради Всепресветлейшая Державнейшая, Великая Государыня Императрица ЕКАТЕРИНА Алексеевна, Самодержца Всероссийская, желая в сем деле положенныя труды Его Императорского Величества, Блаженныя и Вечнодостойныя памяти произвести в действо...»*. Наконец, следующая фраза *«для пользы государства нашего»*, заменена на: *«Для пользы государства Российского»*. Кроме того, в наименовании президента Академии *«лейб-медикуса нашего Лаврентья Блюментроста»* было опущено слово «нашего», что, по-видимому, более точно соответствовало новому назначению Блюментроста. Таким образом, именно указ Екатерины в опубликованном виде приобрел более официальный характер, свойственный для официальных государственных актов того времени.

Надо отметить, что для содействия работе ученых в Академии был набран штат вспомогательного персонала. На службу принимали переводчиков, рисовальщиков и декораторов. Так, еще в сентябре 1723 г. Шумахер составил контракт с художницей из Амстердама Доротеи Марии Гзелль. В ее контракте указано, что она приглашена на работу для зарисовывания акварельными красками экспонатов Кунсткамеры: животных, растений, искусно изготовленных предметов и древностей. В марте 1724 г. Шумахер заказал для нее из средств бюджета Академии наук необходимые художественные материалы. Доротея Мария Гзелль была единственной женщиной, состоявшей на службе в Академии наук. Она проработала в Кунсткамере до самой

смерти 6 [17] мая 1743 г. Благодаря стараниям Шумахера уже в мае 1724 г. в Академии в качестве переводчика работал лекарь Максим Петрович Сатаров (ум. 1732). Для русских студентов им были переведены каталог препаратов, иллюстрирующих фазы развития человеческого зародыша, и «Тезаурусы» Фредерика Рюйша. Эти переводы, которые Сатаров назвал «Каталог антропоген и тезаурум руш», он вручил секретарю академии Шумахеру [Дриссен-ван хет Реве, 2015].

Первое научное академическое собрание (Конференция) прошло до официального открытия Академии 2 [13] ноября 1725 г. после прибытия в Санкт-Петербург большинства приглашенных академиков. Первое же торжественное заседание, посвященное открытию Академии наук, должно было состояться на другой день после тезоименитства императрицы, т. е. 25 ноября [6 дек.] 1725 г. Однако из-за сложной ледовой обстановки на Неве первое заседание состоялось 27 декабря 1725 г. [7 янв. 1726 г.] в доме барона Петра Шафирова на Петербургской стороне в присутствии членов правительства, двора и духовенства. Как отмечал Пекарский: *«Тогда к петербургскому обществу было обращено особое печатное приглашение с просьбою почтить своим присутствием заседание. Приглашение было напечатано на латинском и русском языках, и оно должно считаться первым заявлением о себе Академии пред русским обществом. Замечательно, что в этот только раз»* (выделено мной. – В.Б.) Академии придан был титул российской, так как впоследствии она уже называлась петербургскою...» [Пекарский, 1870, с. XXXVII].

Вскоре, 13 января 1726 г., Блюментрост направил в святейший правительствующий синод следующее доношение: *«Понеже Ея И. В. указала зачинающиеся публичные лекции профессоров публиковать в народ, того ради покорно прошу, дабы соблаговолил святейший правительствующий синод оныя лекции приказать напечатать в Санкт-Петербургской типографии, а именно: двести русских листов, да двести латинских, на щетъ академии»* [Материалы..., 1885, док. 361, с. 169].

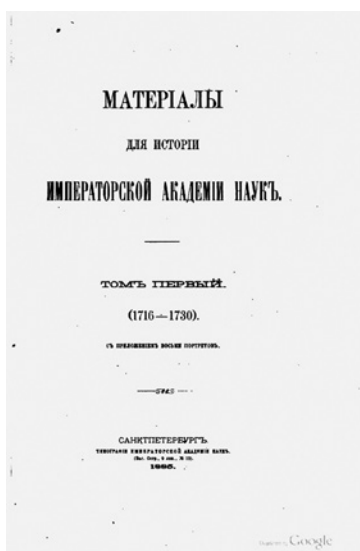
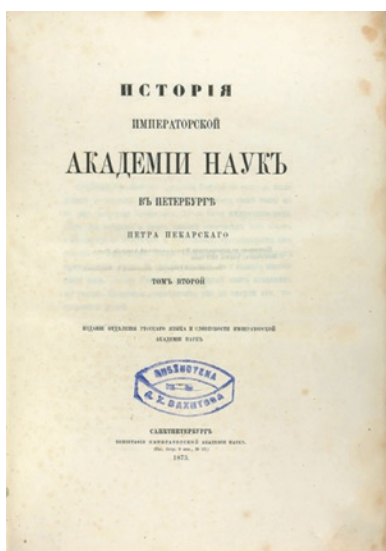
На следующий день среди населения было распространено объявление, напечатанное в Санкт-Петербургской типографии: *«Академия наук российская. Читателю здравие! Академию, намерением Петра Великого определенную и неким образом зачатую, а нечаемым благочестивейшаго Императора преставлением гораздо ослабленную, августейшая Императрица Екатерина, премудрым своим промышлением, хотя и многие члены из разных европейских стран в столицу сию на то призваны были, выше чаяния установила и в совершенство*

привела». В этом же объявлении была определена основная цель работы Академии: *«Должность же в сей академии собранным двоина будет: как в тицании и умножении новыми обретенными наук, а наипаче медицины, физики, математики и прочих свободных наук, так и в учении российских юнош... ..Того ради конца, профессеры сея академии, сего 1726 году, в будущий 24 день месяца генваря, чтениями учение свое публичное начнут, во дни: понедельник, среду, четверток и субботу, и впредь таким определением и учреждением поступать будут, о котором всем любителям добрых наук, а наипаче рачителям к учению, сим для известия объявляется...»* [там же, док. 362, с. 160–170]. Далее следовало расписание, в какие дни и часы, а также по каким предметам 14 профессоров (академиков) Академии будут проводить занятия. Кроме того, объявлялось, что *«Библиотека государственная во дни: вторник и пятницу, с 1 до 4 часа по полудни, отперта будет»* [там же, с. 171], а для тех юношей, *«которые высоким наукам учиться не могут»*, предоставят возможность осваивать *«другие художества, в житии человеческом полезные»*, в частности, архитектуру воинскую и гражданскую, а также рисование. По итогам занятий предполагалось сформировать 5 классов академической гимназии из учеников, которые *«поелику возраст их допустить, при германском, французском, латинском и греческом языцех, в арифметике, геометрии, географии учение имели...»* [там же, с. 172].

Отметим, что в последующем все занятия в гимназии, как и впоследствии в академическом университете, проводились в основном на латинском, немецком и некоторых других языках, кроме русского. Лишь во второй половине XVIII в. русский язык в Академии стал употребляться на некоторых занятиях словесности, а в повседневный ее обиход вошел к середине XIX в., когда в Российской империи сложились отечественные научные школы. В академической гимназии русский язык стал применяться много раньше, в 1747 г., после принятия первого Регламента Академии наук (см. раздел 1.4).

Академическая гимназия открыла свои двери в начале 1726 г. Для ее организации был приглашен проректор Кёнигсбергской кафедральной школы профессор древностей **Готлиб (Теофил) Зигфрид Байер***, с которым Блюментрост заключил соответствующий

* **Готлиб (Теофил) Зигфрид Байер** (1694–1738) – немецкий и российский историк и филолог. В 1725 г. приглашен в Санкт-Петербургскую академию наук в качестве историка и руководителя академической гимназии. Был первым в России историком, для которого научные занятия являлись основной областью профессиональной деятельности. Байер – автор работ по филологии восточных языков, древней истории и исторической географии.

Титульные листы Истории Императорской академии наук Петра Пекарского (1873. Т. 2) и Материалов для истории Императорской академии наук (1885. Т. 1)

контракт. Надо отметить, что в первом наборе учащихся, проведенном в 1726 г., числилось 112 чел. [Материалы..., 1885, док. 472 от дек. 1726 г., с. 217–226], среди которых были **Василий Адогуров** – математик, филолог, русист, будущий первый российский член Академии наук (адъюнкт – 1733 г.), почетный член Академии наук (1777), куратор Московского университета; **Павел Кондоид** – основоположник организации медицинского обеспечения в России, почетный член Санкт-Петербургской академии наук (1754); **Иван Тауберт** – историк, библиотекарь, типограф, в 1765 г. совместно с писателем Андреем Андреевичем Нартовым (1737–1813; сын А.К. Нартова (см. раздел 1.4), писатель и переводчик, действительный тайный советник, президент Берг-коллегии, один из основателей, секретарь и президент Вольного экономического общества) и минералогом Иоганном Готтлобом Леманом стал соавтором «Плана и устава Вольного экономического общества к приращению в России земледелия и домостроительства».

К концу 1727 г. число принятых в гимназию возросло до 180 слушателей [там же, док. 521 от дек. 1727 г., с. 325–330], к концу 1728 г. – до 196 [там же, док. 627 от дек. 1728 г., с. 431–433], к концу 1729 г. – до 272 [там же, док. 859 от дек. 1729 г., с. 605–612], а к концу

1730 г. – до 287 учащихся [там же, док. 929 от дек. 1730 г., с. 694–695] соответственно. Принимались в гимназию уроженцы из разных регионов, причем не только российских. Обращает на себя внимание, что набранные в гимназию ученики относились к разным сословиям: от мастеровых и работных людей до подростков из дворянских семей. Например, в 1726 г. в гимназию были записаны дворяне Беригальд Вильгельм фон Ребиндер, Сергей и Александр фон Беркгауеры, Александр фон ден Бринкен, князь Николай Голицын, сын сенатора И.Ф. Бутурлина Николай, сын правительствующего князя над горскими черкесами Ассамбека принц Темир хан Ассамбеков. В этом же году также в составе учеников гимназии оказались сыновья асессора, подьячего, дьякона, стряпчего, бумажного и градировального мастеров, офицеров из нижних чинов и др.

Таким образом, в первые годы своего существования в академической гимназии проявилось стремление к равноправию, избеганию сословной розни, что разительно отличалось от нравов и обычаев того времени. Тем не менее в 1729 и 1730 гг. число детей из высших сословий в гимназии уменьшилось, что, по-видимому, связано с переездом двора императора Петра II в Москву, куда вслед за ним переехали и многие знатные фамилии с детьми [Пекарский, 1870]. Затем, в 1731 г., после открытия в Санкт-Петербурге Кадетского (Шляхетского) корпуса, выпускники которого имели право получения высоких чинов в соответствии с «Табели о рангах», число детей из дворянских семей, желающих учиться в академической гимназии, оказалось еще меньше, так как ее выпускники подобных прав не имели. В этот период в гимназию в основном зачисляли детей низших сословий и иностранных подданных, которым было запрещено учиться в Кадетском корпусе. Тем не менее отметим, что открытие гимназии при Академии наук стало отправной точкой для широкого развития современной образовательной системы в стране, оказало значительное влияние на формирование культурного и интеллектуального потенциала России.

<...>

1 [12] августа 1726 г. состоялось новое торжественное заседание Академии наук, но уже в присутствии императрицы, где *«Т.З. Байер произнес похвальную речь императрице, Я. Герман – о важнейших открытиях в математике, а Х. Гольдбах* – ответную*

* **Христиан Гольдбах** (1690–1764) – прусский и российский математик; действительный член (профессор математики с 1725 г.), первый конференц-секретарь и советник

Торжественное заседание Академии наук 1 [12] авг. 1726 г. Фрагмент картины А.Г. Николаевой, 1994–1996 г. Здание Академии наук, Санкт-Петербург. Фото В. Богатова

речь от Академии наук (*Sermones*, 1726)» [Летопись РАН, 2000, с. 52]. В процессе приема «Ея Величество приказала представить себе академика Бернулли, брат которого за несколько дней перед тем скончался*. Она сожалела об его потере, которую произнавала чувствительною и для Академии, и уверила ученаго в своем благоволении к нему. Потом она выпила погал (богал. – Авт.) вина с пожеланием, чтобы Академия могла сегда преуспевать, процветать и приносить государству существенную пользу» [Пекарский, 1870, с. LI].

Уже в первые годы работы Академии под ее «крылом» собралось немало талантливых иностранных ученых. Мы уже упоминали об естествоиспытателе Иоганне Буксбауме, математике Якобе Германе, математике и физиологе Данииле Бернулли, профессоре древней истории

Академии наук и художеств. В 1742 г. отказался от обязанностей в Академии и до конца жизни работал в российском Министерстве иностранных дел.

* **Бернулли Николай** (1695–1726), швейцарский юрист и математик, профессор по кафедре механики, брат Даниила Бернулли. В 1716 г. ему удалось решить предложенную Лейбницем задачу о прямоугольных траекториях и тем снискать известность среди математиков. Оба брата прибыли в Петербург 27 октября 1725 г. по рекомендации Христиана фон Вольфа. После восьмимесячного пребывания в Петербурге Николай «занемог и умер 29 июля 1726 г. от нарыва во внутренностях» [Пекарский, 1870, с. 97].

Готлибе Байере, историке Герхарде Миллере. Среди других первых академиков необходимо также выделить естествоиспытателя Иоганна Гмелина*, астрономов братьев Делилей**, физиков Георга Крафта***

* **Иоганн Георг Гмелин** старший (1709–1755) – немецкий естествоиспытатель на русской службе, врач, ботаник, этнограф, исследователь Сибири и Урала. Академик и почетный член Стокгольмской академии наук. По совету отца, профессора университета, и друга семьи, ученого Г. Бильфингера, Иоганн Гмелин летом 1727 г. переехал в Россию. Профессор Санкт-Петербургской академии наук с 22 янв. 1731 г. по 1 янв. 1748 г. Натуралист академического отряда Великой Северной экспедиции. По результатам исследований в Сибири им были изданы 4 тома книги «Флора Сибири», где даны описания 1178 видов растений. В 1751–1752 гг. вышло «Путешествие по Сибири» в четырех томах на немецком языке.

** **Жозеф Никола (Осип Николаевич) Делиль** (1688–1768) и **Людовик Делиль де ла Кройер** (1685–1741) – французские астрономы, были членами Парижской и Санкт-Петербургской академий наук. Первого, признавая его достоинства (он стал первым директором академической астрономической обсерватории, руководил составлением генеральной карты России, для чего разработал специальную картографическую проекцию – проекцию Делиля), в советской историографии представляли как шпиона и вора, а второго – как пьяницу и ничтожество. Однако при анализе архивных документов и опубликованных работ, проведенных в последние годы, стало понятно, что никаких карт и никаких результатов наблюдений Ж. Делиль не крал. При этом стали известны иницирующая роль обоих братьев в открытии островов в северной части Тихого океана (Алеуто-Командорской гряды, южной части Курильских островов и др.) и роль Ж. Делиля в введении в мировой научный оборот полученных данных [Делили в России, 2019]. Исследуя архивные материалы, М.Н. Петровский пришел к заключению, что «...хотя с подачи Шумахера и Миллера в России Кройеру давались нелицеприятные характеристики, он был честным ученым, отдавшим свою жизнь российской науке (выделено мной. – В.Б.). То, что Кройер сумел сделать на необжитом севере России во время своего путешествия, сравнимо по своей сложности с астрономическими наблюдениями на море в первой половине XVIII в.» [Петровский, 2023, с. 86].

*** **Георг Вольфганг Крафт** (1701–1754) – физик, математик, профессор Санкт-Петербургской академии наук. Сначала Крафт состоял преподавателем в академической гимназии, затем (с 1727 г.) при профессоре Ж. Делиле для астрономических наблюдений на обсерватории. В 1731 г. назначен адъюнктом по кафедре «генеральной математики», а в 1733 г., вместо Эйлера, получил кафедру теоретической и опытной физики. В 1738 г. Крафт был назначен инспектором академической гимназии вместо умершего Байера. Работы Крафта в области физики посвящены гидродинамике, теплоте, термометрии, оптике, акустике, магнетизму. Благодаря стараниям ученого физический кабинет Академии стал одним из лучших в Европе. В 1744 г. Крафт уволился и возвратился в родной Тюбинген, где продолжил деятельность в качестве профессора математики в университете. Оставаясь почетным членом Санкт-Петербургской академии наук, он вплоть до самой смерти вел научную переписку с Академией и, кроме того, всячески помогал русским, посланным для занятий в чужие края. Среди прочих трудов опубликовал «Краткое руководство к познанию простых и сложных машин» (1738) – лучшее для того времени учебное пособие по теории механизмов.

Даниил Бернулли.
Из: [Материалы..., 1885]

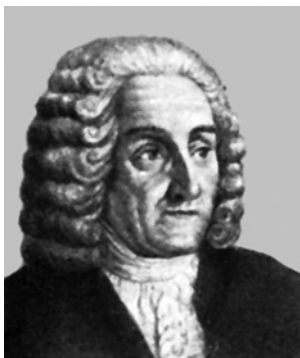
Иоганн Гмелин.
Из: [Материалы..., 1885]

и Георга Бильфингера*, математика Леонарда Эйлера**, механика Иоганна Лейтмана*** и др. Некоторые из них, в том числе Д. Бернулли и Л. Эйлер, как крупные ученые сформировались именно в России.

* **Георг Бернгард Бильфингер** (1693–1750) – немецкий физик, философ, математик, педагог и государственный деятель; профессор (1726) и иностранный почетный член (1731) Санкт-Петербургской академии наук, один из основателей физического кабинета Академии наук.

** **Леонард Эйлер** (1707–1783) по происхождению был швейцарец. Академик Санкт-Петербургской, Берлинской, Туринской, Лиссабонской и Базельской академий наук, иностранный член Парижской академии наук. Первый российский член Американской академии искусств и наук (образована в 1780 г.). Его деятельность в Академии началась в возрасте 20 лет, а в 23 года он стал профессором. Эйлер отличался необычайной широтой интересов. На его счету более 800 работ по математическому анализу, дифференциальной геометрии, теории чисел, небесной механике, математической физике, оптике, баллистике, кораблестроению и др. В России он работал 31 год: с 1727 по 1741 г. и с 1766 по 1783 г. Но даже работая в Берлинской академии (1741–1766), Эйлер опубликовал 109 работ в «Комментариях», издававшихся в Академической типографии. В Санкт-Петербургской академии ученым были написаны многие из главных его работ. Эйлер оказал огромное влияние на всю историю Академии, создав школу русских математиков, положив начало блестящему состоянию математического образования в России.

*** **Иоганн Георг Лейтман** (1667–1736). Родился в Виттенберге (Саксония). Учился в местном университете. По желанию родителей специально занимался богословскими науками, но, кроме того, изучал медицину, физику и математику. В июле 1726 г. прибыл в Россию, став первым механиком Санкт-Петербургской академии наук.

Жозеф Никола (Осип Николаевич) Делиль (слева)
и Людовик Делиль де ла Кройер (справа). *Галерея РАН*

Георг Вольфган Крафт.
Художник В.Д. Майер. 1750 г.
Из открытых источников

Леонард Эйлер.
Художник Я.Э. Хандманн. 1756 г.
Deutsches Museum

Многие из прибывших в Академию ученых были очень молоды. Николаю Бернулли (1695–1726) было тридцать, его брату Даниилу Бернулли – двадцать пять лет. Леонард Эйлер (1707–1783) стал членом Академии в 23 года, а Иоганн Георг Гмелин (1709–1755) – в 21 год.

Академия наук получила в свое распоряжение богатейшую коллекцию Кунсткамеры, Библиотеку, в том числе из собрания Петра I. В 1726 г. готовился к приему академиков дом царицы Прасковьи Федоровны. В частности, Блюментрост, который в 1726 г. плотно

Георг Бернгард Бильфингер.
Художник В.Д. Майер. 1740 г.
Из: [Материалы..., 1885]

Герхард Фридрих Миллер.
Неизвестный художник.
Из открытых источников

занимался перестройкой домов барона Шафирова и царицы Прасковьи Федоровны под нужды Академии, 31 мая докладывал в Канцелярию «от строений» Гаврило Ивановичу Козлову: *«Ваше благородие изволили говорить со мною о строении библиотеки и дому блаженной памяти царицы Парасковьи Федоровны (который отдан под академию), чтоб прислать письменное известие. Того ради вашему благородию доношу. В библиотеке, в первом жилье, в башне, надлежит быть театр анатомический; во втором – где стоять глобусу; в третьем и четвертом – зале для обсервации анатомической, по рисунку профессора астрономии Делиля, о котором он с архитектором Гайтаном иметь будет соглашение... А в доме блаженной памяти Царицы Прасковьи Федоровны большая зала надлежит быть о дву жильях, одна поварня, да вокруг онаго дома галерея, как об оной показано будет архитектору Гайтану...»* [Материалы, 1885, док. 403 от 31 мая 1726 г., с. 189–190].

Уже в первые два года работы Академии в ней был создан физический кабинет с перво-классными по тому времени приборами, а несколько позже – и химическая лаборатория. Академия имела также ботанический

Иоганн Георг Лейтман.
Часть гравюры Шерер
Набгольн и К° в Москве
[Материалы..., 1886 а]

сад, минералогический кабинет, инструментальные мастерские. Это было нечто новым в деле организации научной работы, не имевшим прямых аналогов в Европе. В.И. Вернадский утверждал, что *«в этом отношении наша Академия наук с самого своего основания была поставлена в положение совершенно исключительное. Она в XVIII в. получила учреждения, которые явились как неизбежные для академий лишь в будущие столетия»* [Вернадский, 2002 в, с. 333]. Надо отметить, что два «прообраза Академии – Королевское общество в Лондоне и Академия в Париже» долгое время, по крайней мере в первое столетие работы Санкт-Петербургской академии, не имели в своем распоряжении никаких исследовательских учреждений или музеев, кроме библиотек.

И еще одно важное обстоятельство, которое с первых месяцев работы Академии определило ее высокий правовой статус. По указу императрицы было *«...установлено, чтоб она академия никакому суду не подлежала, только высокоправительствующему сенату, хотя б кто из академических служителей и явится к какой либо вине, онаго под караул ни в какие канцелярии без ведомства академии наук брать не повелено, но прежде надобно оную письменно уведомить»* [Материалы..., 1885, док. 340 от 2 дек. 1725 г., с. 161].

В Материалах для истории Императорской академии наук [1885] имеется один малоизвестный документ, составленный от имени Екатерины I на двух языках (русском и немецком) и представляющий собой, по-видимому, некий проект регламента Академии наук. Этот документ состоит из 51 пункта и изложен на 27 страницах. Дата его создания – 1727 г., т. е. год смерти императрицы и восшествия на престол двенадцатилетнего императора Петра II (6 [17] мая 1727 г.). Очевидно, что императрица просто не успела подписать этот регламент из-за неожиданной скорой кончины. Тем не менее данный исторический документ представляет интерес и для современных организаторов науки, так как в нем изложены не только правила работы создаваемой Академии с гимназией, но и идеи и принципы, которые должны лежать в основе деятельности научных учреждений, определены условия для плодотворного научного творчества [Материалы..., 1885, док. 519 от 1727 г., с. 297–324]. Несомненно, основные положения этого документа далеко опередили свое время и продолжают оставаться актуальными и в наши дни. Особый интерес представляют первые 7 пунктов, отличающие настоящий проект регламента глубоким пониманием сути научной работы и ее организации от последующих регламентов...

«Портрет императрицы Екатерины I».
Художник Генрих Бухгольц. 1760–1780 гг. Михайловский замок

Итак, проект императорского «регламента» открывается стандартной фразой: *«Божиею милостию Мы, Екатерина, Императрица и самодержица всероссийская, и протчая, и протчая, и протчая»*. Далее, в преамбуле, отдается дань уважения Петру I как основателю первого научного учреждения России, не успевшего завершить свое деяние: *«...и науки в империи его еще не достигли во оный совершенства градус, как желал, у чюжестранных, на увеселение сердца своего, обретал, в сем едином ум его обращался, како бы кратчайший и способнейший путь изобресть, чтоб завести науки и оным людей своих, елико мощно скорее, обучити»* [там же, с. 298]. Изложив предпосылки и намерения императора по созданию Академии наук *«по подражанию французския и английския»*, но с университетом и гимназией, императрица объявила: *«Ныне же Мы, вся сия изследовав и разсмотрив, егда обрели, что оная (Академия. – Авт.) намерению блаженныя и вечнодостойныя памяти Е. И. В., государству же велиим суть приращением... того ради постановили и утвердили следующее:*

1. Что Мы сию академию во особливое наше приемши правительство, соизволяем, дабы оная кроме Нас в верховном тайном совете никому не подлежала и никакими правами, или персон, или вещей касающимися, обязана, ниже каковыми тягостями обременяема и утесняема не была бы...». Символично, что проект первого регламента Академии наук открывается пунктом, определяющим исключительное ее положение в правовом поле Российской империи, которое, если обратиться к статусу современных общественно значимых организаций, соответствует только Российскому парламенту.

Второй пункт регламента определяет ответственность президента, библиотекаря и комиссара Академии за соблюдение этой первой базовой позиции:

«2. И дабы сей академии чин и сей установленный образ ненарушим и неприменен пребыл, уставили Мы над нею президента, который советами своими оной да присутствует, благосостояние же и благополучие ея да оберегает, и годовые ея доходы с библиотекарем и комиссаром, которые к ней определены, да управляет» [там же, с. 301–302].

Третий пункт посвящен обеспечению гарантий для занятия научной деятельностью:

«3. ...наши подданные, которые учащиеся во оной академии годны будут к вышним наукам, по свидетельству академии, и к тому свою склонность иметь будут, оные, по их желанию, имеют при науках остаться и никуда к другому делу, ни в службу, принуждаемы да не будут» [там же, с. 302].

Четвертый пункт является одним из наиболее знаменательных, поскольку дает представление о свободе научного творчества, которой так, порой, часто не хватало ученым последующих поколений:

«4. И понеже науки никакого принуждения и насилия терпеть не могут, любяще свободу, того для нашим указом определяем: дабы как наши россияне, так и чужестранные, подданством государству не обязанные, которые учением водятся похотят, или уже поле учений претекшие, без всякаго задержания приезжати и отъезжати, и хотя бы какая либо удержанию притчина соплеталася, где похотят, тамо пребывание имети и фамилию свою содержать могли...» [там же, с. 302–303].

В соответствии с пятым пунктом членам Академии гарантировалась возможность публикации их научных открытий и достижений, в том числе благодаря организуемой при Академии типографии:

«5. Изволяем к тому, да те, которые паче иных преуспеют во учениях своих, виды оных прежде издав, в градусы академические

производятся, и тако от других да отлучаются. Також установляем, да академия имеет свою собственную типографию, с такою привиллегиею, да вся та, яже или ко умножению учений служащая, или к приращению, или славе империи прислушающая быти академия разсудит, в печать издаются и продаются» [там же, с. 303].

В шестом пункте предусмотрено бесплатная отправка и получение научных корреспонденций, что указывает на понимание составителями документа значимости обмена научной информацией, в т. ч. в международном масштабе:

«6. И дабы ни малаго профессорам академии препятия случится могло в письменной с учеными, где либо обретающимися людьми, корреспонденции, яко то к расширению наук премного пользует, Мы установили, дабы письма или академическою печатью запечатанные, или на имя президента академии, или на имя всей академии пописанные, безденежно и приниманы и отдаваны были, токмо б под тем отнюдь посторонних писем, академии не принадлежащих, не было» [там же, с. 303–304].

Наконец, в седьмом пункте, изложено обязательство государственной казны по безусловному и полному финансированию Академии наук:

«7. И дабы академия на крепчайших пребывала основаниях, Мы изволяем, дабы оная денег сумма, которая определена на содержание академии, и рукою блаженныя и вечно достойныя памяти Е. И. В. подписана... ...во оную академию так доходила, чтоб ни от кого, под каким либо протекстом, оная взята, или на иное дело употреблена не была; но дабы по ассигнации президента, или кто ему придан будет, немедленно всегда получаема была» [там же, с. 304–305]. Насколько актуально это обязательство и для наших дней.

В последующих пунктах документа обрисована структура Академии, а также порядок ее функционирования, включая работу учебных подразделений. Фактически в новый регламент в расширенном виде вошли все статьи первоначального «Проекта» и «Экстракта», составленные еще по указанию Петра при учреждении Академии наук (см. раздел 1.1), кроме упоминания университета*, как отдельного подразделения Академии, что на тот период

* В 1726 г. был осуществлен первый набор учащихся в Академию наук, однако в официальных академических документах речь шла об обучении молодых людей только в гимназии, тогда как университет, как структурное подразделение Академии, не упоминался ни в официальной переписке, ни в подготовленном для Екатерины I новом регламенте Академии. Например, в отчете Шумахера Петру II о работе Академии

соответствовало действительности. В частности, в докладной записке Шумахера императору Петру II, руководитель академической Канцелярии прямо указывал, что *«ведение студентов и школьников, которые обучаются от профессоров в гимназии»* [там же, док. 503 от 27 авг. 1728 г., с. 271].

Среди дополнений к ранее разработанным правилам отметим введение в Академии для общения латинского языка, широко применяемого среди ученых, поскольку *«... разных наций люди в собраниях присутствовать будут...»* [там же, п. 20, с. 310]. Также вводилась система рецензирования полученных научных результатов: *«Аще когда кто либо новыя свои изобретения в собраниях предложить, или письменно сообщить и их рассмотрению предати изволит, оная, или общественно в собрании, или аще нужда востребует, чрез выбранных неких, всему потом собранию дело, яко же есть, исправно донести имущим, прилежно да изследуются, каковыя важности и пользы оная изобретения будут, и да рассмотрятся могут ли оная по достоинству за новая принята быти. И тогда множайших голосов мнениями разсудится»* [там же, док. 519 от 1727 г., п. 23, с. 311–312]. Академики обязывались оказывать консультационные услуги императорскому дому: *«Аще когда может быть от Ея И. В. из членов некоему приказано будет о сем, или оном вопрошении [предложении] свою дати сентенцию, тогда во исполнении того дела ни времени, ни трудов пощадеши имеет»* [там же, п. 24, с. 312]. Вводилось правило согласования или утверждения темы исследования: *«К сим каждый должен будет объявити каковую ко изследованию материю избрал и каким образом оную производити намерился; той же паки до коих мест дошел и что достиг, или президенту академии, приватно, или всему собранию известить имеет»* [там же, п. 26, с. 312–313].

Для более эффективного обеспечения исследований членам Академии разрешалось свободное пользование Императорской библиотекой и музейными экспонатами Кунсткамеры, предоставлялось право приобретения необходимых книг и оборудования за счет казны: *«К лучшему сих дел исполнению, дабы вся потребная в готовности были, свободный всем в нашу императорскую библиотеку, равно как и в куншт-камору, вход отверст будет; и как древняя, так и новейшая книги, паче же и всякие инструменты, сколько к соделанию*

наук от 27 августа 1727 г. говорилось: *«Под номером третьим – ведение студентов и школьников, которые обучаются от профессоров в гимназии; которых хотя еще ныне число гораздо малое, но однакож надеемся, что вскоре прибавится учеников довольно число...»* [Материалы..., 1885, док. 503 от 27 авг. 1724 г., с. 272].

экспериментов, или частных, или публичных, служить будут, на казенные деньги без всякого замедления куплены быть имеют» [там же, п. 27, с. 313].

Определялся порядок осуществления педагогической деятельности профессоров: *«Також, дабы науки не токмо сами в себе в Российской империи возвращены были, но дабы и к употреблению и украшению юношества российского служить могли, каждый профессор во вся недели четыре часа публично учить будет, или своего система, или инаго некоторого автора правилам последуя. И тако часы, к учению юношества определенные, расположатся, да не един другому в учении препятие сотворить» [там же, п. 29, с. 313–314].* Каждому профессору прикреплялось по одному или двум студентам *«...от них же преизящнаго чего академия надеяться может, придутся, которые к достижению наук профессора своего всеми мерами да приложатся», а «яже профессор в лекции предложил, – прилежно слушателям повторяти...» [там же, п. 36, с. 317].*

Значительная часть документа посвящена правилам работы академической гимназии и расписанию классических предметов*. Дважды в год предусматривались экзамены для учащихся (испытания): *«то есть единова весною и единова осенью, в присутствии собрания академического и иных ученых людей, где слабые и к вышним наукам неспособные разумы отставятся, прилежные же и к учению способные производятся будут» [там же, п. 47, с. 322].*

Относительно состава художественных предметов в рамках так называемой художественной академии, которая, по-видимому, должна была стать структурным подразделением Академии наук, в документе сказано следующее: *«Которых от учений удалившимся, или в воинскую пойти службу, или ко изучению других хитростей приложится охота будет, оным к надлежащему их обучению устроена да будет академия художеств, четырьмя художниками украшенная. От сих первый – в 8-й час пред полуднем, по полудни же во второй, арифметику, тригонометрию, геометрию, начала перспективы*

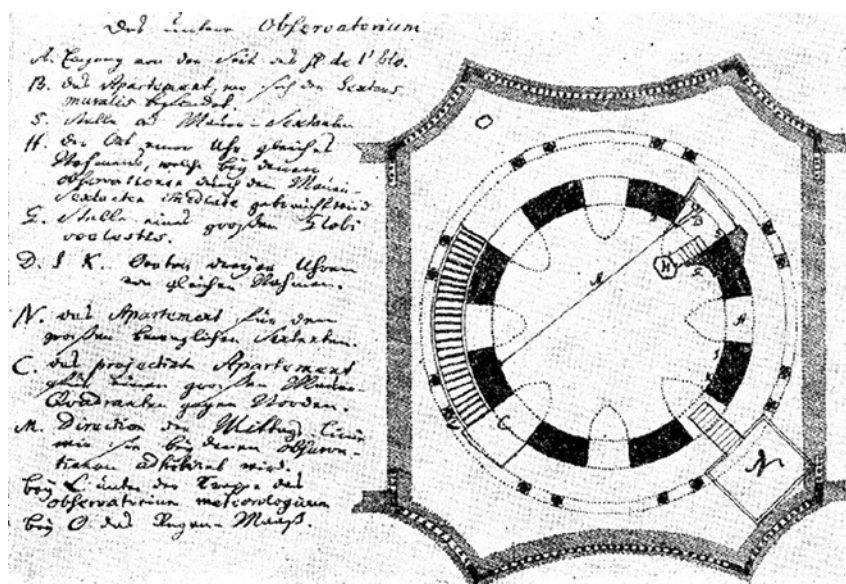
* В августе 1727 г. при профессорах (академиках) Академии наук числилось 11 студентов, в том числе: Г. Миллер (в 1726–1727 гг. преподавал в академической гимназии, с 1729 г. – помощник Шумахера, с 22 января 1731 г. – профессор), Г. Крафт (придан астроному проф. Ж. Делилю, с 31 января 1731 г. – проф. по каф. «генеральной математики», а затем физики), И. Вейпрехт (придан к анатому проф. И. Дювернуа, с 22 января 1731 г. – проф. по каф. физиологии), А. Крамер (с 17 окт. 1732 г. – адъюнкт по каф. истории), В. Адодуров (ученик Миллера, с 26 окт. 1733 г. – адъюнкт по каф. высшей математики, с 1778 г. – почетный академик) и др. [Материалы..., 1885, док. 503 от 27 авг. 1727 г., с. 273–274; Пекарский, 1870].

и архитектуру воинскую учить будет. Второй – архитектуру гражданскую, в десятый час пред полуднем и в третий по полудни – живописное художество показывать будет. Четвертый – изящного художества и резного, и делания разных моделей [которые учащимся архитектуры во первых нужны суть] юношество обучать имеет» [там же, п. 48, с. 322–323]. Обращает на себя внимание некое пренебрежительное отношение составителей документа к искусству рисования, выраженное в пункте 49: «А понеже и художество рисования ученым не многую пользу приносить, однакож великим есть украшением: того ради и те, которые в науки отдаются и тому учению прилежать, на сии часы, живописному художеству определенных, приходится будут...» [там же, п. 49, с. 323].

Тем не менее ученое сообщество не получило своего регламента (устава), несмотря на то, что такой документ был представлен Екатерине I на утверждение еще в 1725 г. Регламент остался не утвержденным, и как писал Пекарский: «...отчего Академия наук была от первого года своего существования предана безотчетному произволу лиц, которым поручено было ея управление, что и было потом главнейшею причиною разстройства хозяйственной части ея управления, а также внутренних нескончаемых раздоров между учеными и лицами, считавшими себя в праве распоряжаться по своему усмотрению судьбами этого учреждения» [Пекарский, 1870, т. 1, с. XXXVII].

Надо отметить, что с приездом в Россию в 1725 г. братьев Бернулли, которые в свою очередь хлопотали за Эйлера о его приеме в Академию наук, было обеспечено процветание математических наук, чему способствовало их явное преимущество в части независимости от умственного и политического строя общества. По мнению Пекарского: «так как эти науки, не касаясь ни умственного, ни политического строя современного общества, могли даже в среде, не особенно ценившей науки вообще, иногда наглядно показать существенную пользу от применения математических знаний на деле. И действительно знаменитый Эйлер, когда был в России, то, по поручению начальства, отрывался от гениальных выкладок, чтобы писать рассуждения о чувствительности весов для взвешивания монет; подавал мнение, как бы удобнее поднять большой московский колокол на колокольню; работать также над картами русских областей и пр. Кроме того, в математике нуждались наши моряки, в механике – наш монетный двор и т. д. ...<...>...Но едва эти же самые науки каким-нибудь образом касались таких истин, которые опровергали

уже утвердившиеся с веками воззрения, то распространение их встречало непреодолимые затруднения. Речь Делиля, где разрешался утвердительно вопрос вертится или нет земля, по русски печатать нашли невозможным в 1728 г. В 1731 г. решительно не смели издать, без разрешения высшего начальства, сочинение о множестве миров Фонтенеля. Кроме этой осторожности в хранении утвердившихся, хотя бы и ложных убеждений, замечалась в описываемое время подозрительность, которая хотела, чтобы и истины, добываемые путем научных исследований, составляли государственную тайну. Так обвинения астронома Делиля в сообщении за границу астрономических наблюдений доходили даже до сената, а между тем известно, что достоверность и полезность подобных наблюдений получается именно чрез сравнения того, что наблюдаемо астрономами в разных землях» [Пекарский, 1870, с. LXIV–LXV].

Петербургский меридиан (направление полуденной линии, установленной при наблюдениях) – меридиан, проходящий изначально через Астрономическую обсерваторию Санкт-Петербургской академии наук, которая в начале XVIII в. располагалась на верхних этажах башни Кунсткамеры. Меридиан использовался в качестве нулевого меридиана для отсчёта географической долготы на картах Российской империи до появления Пулковского меридиана. Автор гравюры 1737–1738 г неизвестен. Из: *Историко-астрономические исследования*, Выпуск II, Москва, 1956, CC BY-SA 4.0, <https://commons.ruwiki.ru/w/index.php?curid=120322023>

Санкт-Петербургская академия как государственное учреждение не только должна была заботиться о научных изысканиях, печатании своих трудов и организации образования, но и обеспечивала выполнение неотложных государственных задач. Уже в 1726 г. Академия наук получила первое крупное правительственное задание на составление «Генеральной карты Российской Империи». В частности, 21 января [1 февр.] 1727 г. в петербургских «Ведомостях» появилось объявление о том, что собранные в Сенате с 1715 г. карты разных провинций империи по «высочайшему указу» должны быть пересланы в Академию наук, где «подлежат изучению и исправлению».

<...>

6 [17] мая 1727 г. императрица Екатерина I скончалась от заболевания легких. Она была похоронена в усыпальнице российских императоров в Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге. П.П. Пекарский о кончине Екатерины I и начале царствования Петра II писал: *«Екатерина I скончалась в день прибытия в Петербург Эйлера, т. е. 6 мая 1727 года, и знаменитый математик сохранил известие, что он нашел тогда всю академию в величайшем страхе. Предчувствие не обмануло ученое сообщество, потому что действительно с кончиною императрицы окончилось то значение, которое государыня желала придать Академии. Впрочем, в первые месяцы царствования Петра II, когда князь Менишков не подвергался еще опале и ссылке, для Академии не замечалось перемен к худшему...»* [Пекарский, 1870, с. XLIII].

Нельзя не заметить, что за короткий период царствования Екатерины I Академия наук смогла показать свою заметную пользу для империи. В частности, 27 августа 1727 г. в записке Петру II Шумахер докладывал: *«И ежели В. В. соизволит сличить проект (проект, одобренный Петром I 22 янв. 1724 г. – Авт.) и регламент (новый проект регламента, подготовленный по приказу Екатерины I «против того проекта». – Авт.) со всем тем, что академия сделала, то не токмо, чтобы она (Академия. – Авт.) была ненужная, или не исполнила должности своей, но она сделала то, что чего от нея и не надеялись. Плод и прибыль в несколько лет видим будет»* [Материалы..., 1885, док. 503 от 27 авг. 1727 г., с. 272].

1.3. Академия наук в условиях становления (от Петра II до Елизаветы Петровны)

С восхождением 6 [17] мая 1727 г. на престол двенадцатилетнего Петра II (12 [23] окт. 1715, Санкт-Петербург – 19 [30] янв. 1730, Москва)* Академия наук получила все причитавшиеся ей денежные суммы, на что имеется справка Л. Блюментроста следующего содержания: *«По указу блаженныя и вечнодостойныя памяти Е. И. В., также и по указу блаженныя и вечнодостойныя памяти Ея И. В., на 724-й, на 725-й и на 726-й годы положенная на академию наук сумма – по двадцати по четыре тысячи по девятисот двенадцати рублей на год, да на прошлый 1727-й год, по указу Е. И. В., оное ж число, двадцать четыре тысячи девятьсот двенадцать рублей, итого девяносто девять тысяч шестьсот сорок восемь рублей в академию наук получена вся сполна...»* [Материалы..., 1885, док. 525 от 3 янв. 1728 г., с. 344]. Однако в последующем финансовые средства стали поступать с большим опозданием, и нередко Академия вынуждена была производить заемы *«взять у кого пристойно»* под расписки.

Несмотря на короткое правление Петра II и слабое денежное содержание, научно-организационная деятельность Академии наук в его время оставалась активной.

Так, в 1727 г. стартовала Первая академическая астрономо-географическая экспедиция (9.04.1727–18.02.1730), направленная в Архангельский город и Русскую Лапландию. Работами руководил профессор астрономии Людовик Делиль де ла Кройер. В апреле–мае 1728 г. Кройер первым в мире провел гравиметрические исследования так далеко на севере. В течение трех лет он вел наблюдения меридиональных высот Солнца и звезд из списка, подготовленного Ж.Н. Делилем, рефракции солнечных лучей, северных сияний и поведения магнитной стрелки, а также метеорологические наблюдения. Впервые в истории России астрономическими методами были определены широты 14 населенных пунктов страны и долгота Архангельска [Петровский, 2023].

Год 1727-й стал знаменателен и завершением многолетней экспедиции Готлиба Мессершмидта, который в 1719 г. Петром I был послан в Сибирь *«для изыскания всяких раритетов и аптекарских*

* **Петр II** – внук Петра I, сын царевича Алексея Петровича и немецкой принцессы Софии-Шарлотты Брауншвейг-Вольфенбюттельской, последний представитель рода Романовых по прямой мужской линии. Правил с 6 [17] мая 1727 г. по 19 [30] января 1730 г.

Петр II и цесаревна Елизавета на псовой охоте.
Художник В.А. Серов. Государственный Русский музей

вещей». За годы странствий путешественник накопил большой материал по истории и этнографии Сибири, сделал чучела множества птиц, гербарии, вел метеорологические наблюдения, составлял карты. В этот год на только что устроенную Академию наук была возложена обязанность по оценке собранных ученым материалов, в связи с чем из Медицинской коллегии, которой был подчинен Мессершмидт, в Академию наук пришло следующее уведомление: «Прошло 727 году декабря 22 дня, в присланной промемории (уведомление. – Авт.) из помянутой канцелярии в академию писано, чтоб привезенные из Сибири, изысканныя тамо через доктора Мессершмита (так в оригинале. – Авт.) курioзные вещи и книги, и описания Сибири в академии освидетельствовать через господ профессоров, не имеется ли чего к знанию достойнаго и вновь изысканнаго, чего еще невидимо было. А ежели апробированы будут, о том бы медицинскую канцелярию уведомить письменно. Которыя для разсмотрения профессоров посланы... ..Токо ради, медицинская канцелярия, для подлинного рассмотрения, оныя, такожде и другия курioзные вещи, по росписи за закрепою бывшаго секретаря Артизена, прислать в академию, и ежели по усмотрению которыя явятся курioзные,

то оные оставлены будут в кунс-каморе, а негодные возвращены будут, по прежнему, в медицинскую канцелярию, или куды повелено будет: понеже опасно, ежели доктор Мессершмит отпущен будет в свое отечество, чтоб он не публиковал о книгах, о описании и о куриозных вещах. О чем медицинская канцелярия да благоволит взять с него сказку, с присягой, чтоб об оном не публиковал без повеления медицинской канцелярии» [Материалы..., 1885, док. 533 от 6 янв. 1728 г., с. 347–348].

После изучения сборов Мессершмидта президент Академии наук Блюментрост подписал следующее заключение: *«...что присланные из реченной канцелярии куриозные вещи, которые доктор Мессершмит в Сибири собрал, все так обретаются, как он в своем каталоге объявил и как от умершего секретаря Ортгиза в спецификации записаны. Которые все приняты в Е. И. В. кунст-камору... ..И буде оному доктору за вышеобъявленное какое надлежит учинить награждение, и за тое надобно какую либо денежную суммою наградить онаго от академии наук, по благоизобретению того доктора дела, из академической суммы...»* [там же, док. 580 от 12 июня 1728 г., с. 382, 384].

Все научные результаты экспедиции в дальнейшем были систематизированы в многотомный отчет «Обозрение Сибири, или Три таблицы простых царств природы». Еще девять томов составила «Сибирская орнитология», еще пять – дневник путешествия.

К сожалению, большая часть материалов и коллекций Мессершмидта погибла во время пожара в здании Кунсткамеры в 1747 г.

В.И. Вернадский, оценивая научную деятельность исследователя, писал: *«несомненно труд Мессершмидта прошел не бесследно. Хотя о его путешествии своевременно появилось очень немного, но оставшиеся в рукописи его дневники и привезенные им из Сибири научные коллекции были использованы. Так, его растения были описаны и использованы – уже после его смерти – в Петербурге Буксбаумом и Амманом^{*}, ими пользовался Гмелин. Лишь немногие были описаны им самим в «Мемуарах Парижской академии наук», куда их доставил Петр Великий в 1720 г. Его картографические открытия и многочисленные сибирские наблюдения были использованы Страленбергом...*

^{*} **Иоганн Амман** (1707–1741) – швейцарско-российский врач и ботаник, окончил медицинский факультет в Университете Лейдена (1727–1729). Доктор медицины (1729), член Лондонского королевского общества (1731). В последние годы жизни (1733–1741) – профессор ботаники и натуральной истории Санкт-Петербургской академии наук и художеств, основатель и заведующий ботаническим садом Академии. В 1741 г. – куратор студента М.В. Ломоносова. Зять И.Д. Шумахера.

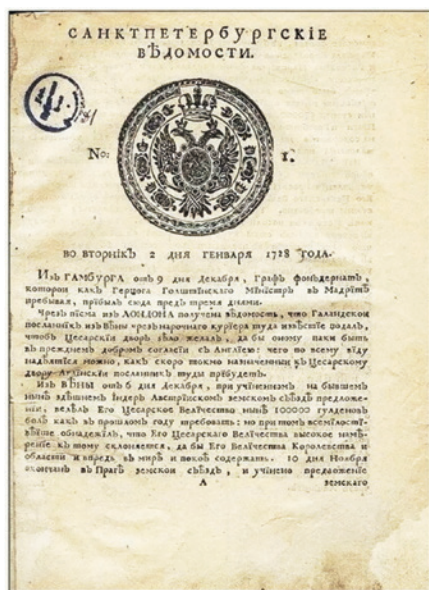
Дневниками Мессершмидта, хранящимися сейчас в рукописях в Академии наук, пользовались все экспедиции в Сибирь, ездившие в XVIII и XIX вв. И сейчас эти дневники имеют не только исторический интерес...» [Вернадский, 2002 б, с. 282–283].

В начале 1728 г. в составе Академии наук была открыта типография, для которой еще в конце 1726 г. были привезены из Голландии печатные станки и шрифты. В типографию были переданы два печатных стана со шрифтами и оборудованием бывшей Санкт-Петербургской типографии. Собственно издательская деятельность Академии началась 2 [13] января 1728 г. с издания петербургских «Ведомостей»* под новым названием «Санктпетербургскіе вѣдомости». Газета стала регулярной и выходила дважды в неделю. В ней, помимо хроники событий в России и за рубежом, печатались статьи исторического, географического, литературного содержания, статьи по математике, физике, химии, естествознанию. Редактором газеты был назначен Герхард Миллер. При нем начали выходить «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях», задуманные как толковый словарь терминов, встречавшихся в газете. В «Примечаниях» печатались научно-популярные статьи, связанные с публикациями в «Ведомостях». Вскоре «Примечания» трансформировались в самостоятельный научно-популярный журнал, выходивший до октября 1742 г. До появления в 1756 г. «Московских ведомостей» «Санкт-Петербургские ведомости»* были единственной газетой страны и сыграли заметную роль в организации русского общества.

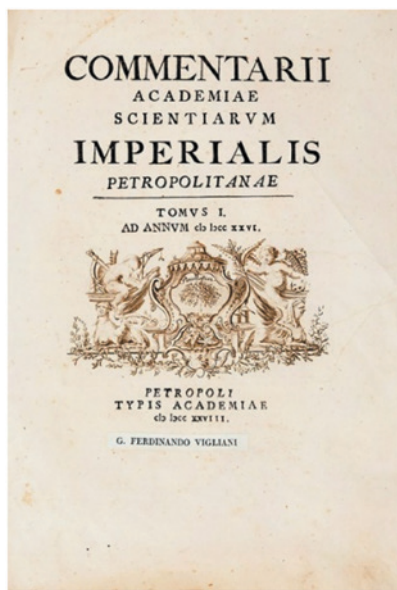
В 1728 г. в Академии наук кроме газеты был организован выпуск собственного официального научного журнала “Commentarii” – «Комментарии Петербургской Академии наук», в котором публиковались труды академиков на латинском языке**. Здесь печатались Л. Эйлер,

* Инициатором создания первой публичной печатной газеты был Петр I, на основании указов которого 16 [27] и 17 [28] дек. 1702 г. были выпущены пробные номера, не сохранившиеся в печатном виде (остались лишь рукописные копии). Относительно регулярно «Ведомости» начали выходить с 2 [13] янв. 1703 г. под названием «Ведомости о военных и иных делах, достойных знаний и памяти» (впоследствии 13 января был объявлен днем российской печати). Газета могла называться по-разному: «Ведомости», «Ведомости Московского государства», «Петровские ведомости» или «Реляции». Первым русским редактором «Санкт-Петербургских ведомостей» стал в 1748 г. М.В. Ломоносов.

** Издание выходило по мере накопления материала, в общей сложности вышло 14 томов. Издавалось только на латыни и рассылалось за границу. Состояло из математического, астрономического и исторического разделов. Все труды академиков подвергались тщательному обсуждению Конференции Академии наук. Академия наук также издавала календари, которые печатались на русском и немецком языках, содержали научно-популярные статьи по истории, географии, этнографии, астрономии,

Первый выпуск газеты Академии наук – Санктпетербургскіе вѣдомости.
2 янв. 1728 г.

Журнал “Commentarii” – официальный научный орган Академии наук. Том 1. 1728 г.

Д. Бернулли, Г. Байер и другие крупнейшие ученые своего времени. «Комментарии» уже с первых выпусков получили мировую известность. В частности, Д. Бернулли из Базеля писал Л. Эйлеру в Санкт-Петербург: *«Я не могу Вам довольно выразить, с какою жадностью повсюду спрашивают о мемуарах петербургскихх»* [Российская академия наук, 1999, с. 25]. В 1728 г. вышло на русском языке «Краткое описание Комментариев Академии наук» за 1726 г., включавшее материалы из оригинала. Оно состояло из математического, астрономического и исторического разделов. «Комментарии» издавались по 1751 г. С 1750 г. стала выходить новая серия – «Новые комментарии». Продолжающиеся издания Академии переводились на другие иностранные языки и издавались за рубежом.

Постепенно в типографии было создано большое шрифтовое хозяйство с русскими, западноевропейскими и восточными литерами.

о событиях года, о приходе почты и пр. Так, уже 15 декабря 1727 г., т. е. еще до открытия типографии, в Высокий Сенат из Академии наук ушло доношение: *«Сего декабря 2 дня, в присланном Е. И. В. из высокаго сената в академию наук указе написано, чтоб к предбудущему 1728 году сочинить календарь на российском языке и напечатать в академии...»* [Материалы..., 1885, док. 516 от 15 дек. 1727 г., с. 295].

Вот только важнейшие для успешной работы Академии мероприятия по организации Академической типографии не были подкреплены соответствующим финансированием. Против суммы, определенной еще Петром I на Академию, допускались постоянные перерасходы, что приводило к несвоевременной выплате зарплаты академиком и отказе в приобретении нужных инструментов для исследований. Как писал П. Пекарский: *«Правители Академии объясняли постоянные передержки против назначенной на нее Петром Великим суммы тем, что при Академии были вновь заведены: стоившая больших расходов типография с словолитнею, переплетная, мастерская для резьбы на камнях. Кроме того, определены были граверы и живописцы и даны им ученики, отчего образовались палаты гравировальная и рисовальная. Такое учреждение мастерских и притом в обширных размерах были поводом к постоянным и сильным жалобам академиков на Шумахера, так как они видели в этих именно учреждениях единственную причину расстройства хозяйственной части Академии»* [Пекарский, 1870, с. XLV]. Тем не менее наличие типографии и мастерских в составе Академии было мерой вынужденной, так как *«тогда в Петербурге, да и во всей России не было еще достаточно искусных и опытных мастеров и ремесленников, которые между тем были действительно надобны для ученого общества»* [там же].

Организация Академической типографии имела решающее значение для последующего формирования печатного дела в Российской империи. Пекарский по этому поводу замечал: *«Теперь, при большем знакомстве с старинными академическими бумагами, оказывается, что существование при Академии разных заведений и мастерских имело влияние на распространение разных ремесел и промыслов не только в Петербурге, но и в других русских городах. Так, напр., типография Академии, устроенная в таких размерах, которых никогда не достигала ни одна из прежних существовавших в России книгопечатней, до самого разрешения учреждать подобные заведения частными лицами, снабжала все казенные типографии станками, шрифтами и прочими типографскими принадлежностями; даже типографщики в последних или обучались своему ремеслу при Академии, или же поступали из нея»* [там же, с. XLVI].

<...>

В начале января 1728 г. Л. Блюментрост вместе с двором Петра II переехал в Москву. Управление Академией и ее касса были переданы библиотекарю И. Шумахеру, однако важнейшие дела оставались под

контролем Блюментроста: «По указу Е. И. В., лейб-медикус и академии наук президент Лаврентей Лаврентьевич Блюментрост, приказал во отлучении своем в Москву все дела академические и канцелярския управлять и крепить библиотекарю Шумахеру. А ежели же какие будут новыя и важныя дела, о тех писать в Москву и требовать резолюции от него, господина президента» [Материалы..., 1885, док. 528 от 4 янв. 1728 г., с. 345]. Уже год спустя члены Академии просили Сенат, «...чтобы управление Академиею и состоящими при ней гимназиею и типографиею вверено было особому директору, выбранному самими академиками, и чтобы последний в то же время заведывал и денежною суммою, так как иные служащие в Академии жалование за 1728 г. получили только в ноябре того года, а другим и в 1729 г. его не было выдано...» [Пекарский, 1870, с. 9].

По мнению П. Пекарского, «С возшествием на престол Петра II, у престола явились новые люди, с иными взглядами и с другими направлениями, чем те, которые были в силе в петровское и екатеринское царствования: Академию стали забывать, и президент ея (Блюментрост – Авт.), увлеченный общим потоком, предоставил ее в полное распоряжение библиотекаря Шумахера. Нельзя спорить, что последний оказал несомненные услуги Академии при ея основании, как единственный пособник в этом деле Блюментроста, но по этой причине он считал себя в праве распоряжаться всем в Академии, отчего вскоре и стал во враждебныя отношения к большей части академиков» [там же, с. 9–10].

В этот период между двумя главными академическими учреждениями: собранием профессоров и адъюнктов – Конференцией и Канцелярией, возглавляемой Шумахером, образовалось противостояние за приоритетное положение в Академии наук. Вопреки многочисленным протестам академиков и других служителей Иоганн Шумахер вплоть до 1750-х гг. оставался во главе этого учреждения. В то же время, как показывают архивные документы, Шумахер в качестве руководителя Академии сыграл важную роль в ее деятельности в условиях частых дворцовых переворотов. В частности, Академия наук шесть раз успешно пережила смену власти во многом благодаря усилиям Иоганна Даниэля Шумахера.

<...>

После смерти Петра II, последовавшей от оспы 19 [30] января 1730 г., на российский престол Верховным тайным советом была приглашена средняя из трех выживших дочерей царя Ивана V от его брака

Гравированный портрет
Анны Иоанновны работы
голландского мастера
Джона Фабера Младшего.
1734 г.

Из открытых источников

с Прасковьей Федоровной Салтыковой **Анна Иоанновна** (28 янв. [7 февр.] 1693–17 [28] окт. 1740) в качестве монарха с ограниченными полномочиями в пользу аристократов – «верховников». Вскоре при поддержке дворян императрица восстановила абсолютизм, распустив Верховный тайный совет. Время правления Анны Иоанновны позднее получило название «бироновщина» по имени ее фаворита курляндского дворянина **Эрнста Иоганна Бирона** (1690–1772). Какое-то время кандидатура Бирона, для того времени вполне привлекательная, рассматривалась академиками даже в качестве потенциального и перспективного куратора Академии [Кирикова, 2024 б]. В частности, А.С. Пушкин в письме

И.И. Лажечникову (писатель пушкинской эпохи. – *Авт.*) от 3 ноября 1835 г., т. е. уже в зрелом возрасте, так характеризовал «таланты» Бирона: *«Он (Бирон. – Авт.) имел несчастье быть немцем; на него свалили весь ужас царствования Анны, которое было в духе его времени и в нравах народа. Впрочем, он имел великий ум и великие таланты»* [Пушкин, 1949, с. 555]. Однако кураторство Бирона по ряду независимых от Академии причин не состоялось, и дальнейшее управление научным учреждением в Елизаветинский период поочередно осуществлялось другими приближенными императрицы: бароном **Германом Кейзерлингом**, бароном **Иоганном Альбрехтом фон Корфом** и **Карлом фон Бреверном**, о деятельности которых на посту президента Академии наук см. ниже.

Тем не менее в самом начале царствования Анны Иоанновны в Академии наук было активизировано составление Генеральной карты России. По этому поводу Жозеф Николя Делиль в своем пространном письме к секретарю Сената Ивану Кирилловичу Кирилову, отвечавшему за картографические работы, сообщал следующее:

«Высокоблагородный господин обер-секретарь, мой милостивый государь Иван Кириллович!

Академия наук, когда получила указ правительствующаго сената из Москвы, сентября 29 числа, тогда возмнел, что сей указ только

Рисунок академической печати, утвержденный императрицей Анной Иоанновной. Рисунок Г. Гзель и М.Д. Гзель. 1935 г. В то время Академия наук была единственным государственным учреждением, имевшим гербовую печать с девизом и эмблемой, отвечающей роду ее деятельности. На фоне государственного орла расположен красный щит с изображением Паллады (в древнегреческой мифологии считалась богиней мудрости и справедливости), которая сидит на камне с копьем в правой руке и опирается на щит левой рукой.

По верхнему краю красного щита виден девиз: «HIC TUTA PERENNAT», т. е. «здесь остается в безопасности», имеется в виду, что Академия наук пребывает под защитой императрицы, обеспечивающей процветание Академии.

Из открытых источников

касается до карт географических всяя России, к сочинению которых един я только от академии определен. На сие должно мне было дать от академии ответ нарочным письмом, на ваше имя особливо, для изъявления вам о сей части труда моего, чтоб к вам, моему государю, описатися, понеже не со иным с кем, но с вами до сего числа о сих вещах географических в корреспонденции я быть...» [Материалы... 1885, док. 908 от 6 ноября 1730 г., с. 667–668]. С этого времени Географическая карта России находилась в особом ведении не только Правительствующего Сената (Кирилов), но и Академии наук (Делиль). Причем И.К. Кирилов задался целью создать самостоятельный атлас на 360 листах. Однако свой план ему осуществить не удалось из-за смерти, последовавшей в 1737 г. в Оренбургской экспедиции (экспедиция 1734–1737 гг., где Кирилов был руководителем. – Авт.). Забегая вперед, заметим, что в 1734 г. Кирилову действительно удалось издать за собственные деньги первую карту Российского государства. Однако по качеству его атлас не удовлетворил современников [Вернадский, 2002 б, с. 249], несмотря на то, что в него вошли как материалы Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга, так и экспедиций, организованных Академией наук после ее образования. По мнению О. Ладыгиной: «Хотя номинально Кирилов сотрудничал с Императорской академией наук, на деле между ним и академиком Жозефом Делилем было серьезное противостояние, и если Кирилов торопился выпускать карты, толком не проверив данные, то осторожный Делиль

был склонен семь раз отмерить, прежде чем что-то отрезать» (Ладыгина О. Первый Атлас Российский – 1745. «20.10.2022 by Го»; <https://domlotsmana.ru/2022/10/20/the-first-russian-atlas-1745/>).

Несмотря на то, что отношения между Кириловым и Ж. Делилем были напряженными [Носкова, 2011], сам Кирилов полностью отдавал себе отчет о недостатках собственного атласа и вполне осознавал значимость работ братьев Делилей. В частности, 20 апреля 1735 г. в своем распоряжении-инструкции «О приведении в совершенное исправление Российской генеральной и партикулярных ладкарт», Кирилов пояснил: *«Довольно описателей любопытных было, которые тщались Российскую империю в ладкартах свету показать, но недостаток сию, толь великую и обширную империю справедливо описать и в ландкарты положить тот признаваю, что чужестранным ученым нельзя было везде верныя обсервации чинить, разве по случаю какого либо проезда, и то с нуждою, тайно, а не явно, лежащая по дороге места обсервовать, а в сторонах со слов, чрез толмачество достать...»* [Материалы..., 1886 а, док. 750 от 20 апреля 1735 г., с. 707]. Указывая на несовершенство собственной Генеральной карты, Кирилов отметил, что *«...для того, что с разных провинциальных и уездных ландкарт, между которыми есть одна с другою несогласныя, сочинил по нужде, вместо формы будущей верной карты. Чего ради, в 1734, при отправлении в сию экспедицию (Оренбургская экспедиция. – Авт.), у Ея И. В. всеподданнейше испросить все милостивейший указ иметь свободную корреспонденцию со всеми губерниями и провинциями, где имеются геодезисты, и оных для подлинных описаний посылать, в том разсуждении, чтоб зачатое, нужное, полезное империи и к безсмертной славе Ея И. В. дело не оставить в туне и не впасть после в порок, что зачал, да и бросил. Сего ради совесть моя всегда неспокойна меня делает, пока не увижу прямой след и наставление в сем деле от высокославной императорской академии, каким бы наилучшим образом вернее и скорее места обсервовать и ландкарты, как генеральную, так и партикулярные, окончать...»* [там же, с. 708]. Немаловажно, что особую роль в исправлении российской карты Кирилов отводил экспедиционным исследованиям Делиля де ла Кроера и требовал от местных властей оказывать его наблюдениям всемерное содействие: *«...а паче по обсервациям астрономическим профессора Делиль Делаacro(ер)а, который из высокославной академии наук к городу Архангельскому и в прочия тамошня поморския места явно, по указу, с полными инструментами ездил и еще с другими профессоры чрез всю Россию в Сибирь и до самой Камчатки, отправлен. И уже на его*

обсервациях весьма утвердиться должно, коему нежелли препятствие, по всякое вспомошествование по обсервациям везде чинить и чинить должны» [там же, с. 709].

Заметим, что инициированная Петром I работа по составлению географической карты страны была закончена лишь в елизаветинское время, когда в 1745 г. вышел первый атлас Российской империи в 19 картах. В.И. Вернадский отмечал, что *«Петр сумел дать толчок, сразу поставивший карту России и Сибири в положение, сравнимое с положением, занимаемым западноевропейскими картами его времени... <...> ...Толчок, данный Петром, продолжал [сказываться] целое столетие. В XVIII в. русские и англичане стояли на первом месте в работе над уменьшением областей terra incognita, созданием картины мира. Прав был Л. Эйлер, один из создателей первой точной русской карты, когда в 1746 г. он писал: “Я уверен, что география российская через мои и г. проф. Гейнзиуса труды приведена гораздо в исправнейшее состояние, нежели география немецкой земли, и того бы довольно было до тех пор, пока остальные исправления учинить возможно будет”... А Миллер писал в том же году в представлении Академии, [что] картография России “приведена к такому совершенству, что почти уже мало к ним прибавлений потребно, ибо и в чужестранных государствах, где науки уже через несколько сот лет процветают, чуть могут похвалиться таким прилежным рачением в сочинении своих ландкарт”... Эйлер не преувеличивал по отношению к Германии. В 1745 г., когда вышел атлас России, астрономически точно определенных пунктов на русской карте было больше, чем на германских того времени...» [Вернадский, 2002 б, с. 240].*

Итак, «Генеральная карта Российской империи» была завершена 28 мая [8 июня] 1745 г. По этому поводу в адрес императрицы Елизаветы Петровны и Правительствующий Сенат из Академии наук было направлено доношение: *«В кабинет Ея И. В. и в правительствующий сенат внести доношения, в которых написать:*

По указу е. и. в. блаженные и вечnodостойныя пмяти государыни императрицы Екатерины Алексеевны из бывшего кабинета в 1726-м году и по разным указам правительствующаго сената, при академии наук профессорами Делилем, Эйлером, Винсгеймом и Гейнзиусом из находившихся в географическом департаменте известий со всяким прилежанием и возможною исправностию сочинена генеральная карта Российской империи...» [Материалы..., 1895 а, док. 475 от 28 мая 1745 г., с. 403].

Генеральная карта Российской империи. Санкт-Петербург, подготовленная И.К. Кириловым. 1734 г. НЭБ. Книжные памятники.

Из: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/generalnaya-karta-o-rossiyskoy-imperii>

Генеральная карта Российской империи, 1745 г.

Из: Факсимильное переиздание 1745 г. СПб.: Альфарет, 2007 г.

Еще один крупный шаг в изучении географии Российской империи был связан с работой Великой Северной экспедиции (1733–1743), проходившей под руководством Адмиралтейств-коллегии и под командованием Витуса Беринга. Ее цель – комплексное исследование Сибири, уточнение российских границ на Востоке России, изучение возможностей судоходства по Северному Ледовитому океану, решение вопроса о существовании пролива между Северной Азией и Америкой, поиск путей в Японию и к берегам Северо-Западной Америки и др.

По свидетельству Миллера, большую роль в организации этой экспедиции сыграл обер-секретарь Сената И.К. Кирилов, особенно много сделавший для формирования задач экспедиции. Известно также, что первым идею о необходимости повторной экспедиции к берегам Америки высказал Жозеф Николя Делиль в ранее упомянутом письме к Кирилову:

«Когда я буду обнадежен чрез операции морския капитана Беренгса о правдивом местоположении [ситуации] Камчатки и самых тоя ближних стран, и когда их означу в моей карте генеральной, тогда присовокуплю к ней подлинное местоположение берегов американских, самых ближних, по самым последним обречениям чрез французов и гиспанцев, еже прилично будет к произведению втораго мореплавания кораблем российским, ежели наки заблагоразсудится воспрять оное на сем море» [Материалы..., 1885, док. 908 от 6 ноября 1730 г., с. 676].

Новое научное мероприятие не имело себе равных в истории по масштабам поставленных задач, привлеченным материальным и людским ресурсам, научным и практическим результатам. В составе экспедиции в значительной мере самостоятельно действовало шесть морских отрядов. Так, отряд Витуса Беринга обследовал северную часть Тихого океана, другие морские отряды – территории Севера и Северо-Востока Азии, прибрежные районы Северного Ледовитого океана. В них участвовали такие выдающиеся мореплаватели и исследователи Арктики и Дальнего Востока, как Семен Иванович Челюскин (около 1700–после 1760), Харитон Прокофьевич Лаптев (1700–1763), Дмитрий Яковлевич Лаптев (1701–1771), Алексей Ильич Чириков (1703–1748), Дмитрий Леонтьевич Овцын (1708–1757), Мартын Петрович Шпанберг (Спанберг) (1696–1761) и мн. др.

Помимо морских отрядов в Великой Северной экспедиции работал крупный академический отряд, осуществлявший комплексное

Е.Н. Широков. «Начало Великого Северного похода Витуса Беринга. Оса, 1733 г.». Холст, масло, 1993 г. Состав участников встречи в Оса по версии автора картины, слева направо изображены: Лассиниус Питер, Челюскин Семен Иванович, Ваксель Свен, Овцын Дмитрий Леонтьевич, Беринг Витус Ионассен, Елагин Иван Фомич, Чириков Алексей Ильич, Хитрово Сафрон Федорович, Стерлигов Дмитрий Васильевич, Минин Федор Алексеевич, Лаптев Харитон Прокофьевич, Прончищев Василий Васильевич, Прончищева Татьяна Федоровна – первая женщина-полярница (в правом нижнем углу картины). *Из открытых источников*

естественнонаучное и историко-географическое описание внутренних районов Сибири и ее народов, деятельность которого продолжалась до 1746 г. В состав отряда входили профессора Академии – историк Г.Ф. Миллер, натуралист И.Г. Гмелин, астроном Делиль де ля Кройер. В этом же отряде работали адъютанты **И.Э. Фишер***,

* **Иоган Эбергард Фишер** (1697–1771) – российский историк и археолог немецкого происхождения, академик Санкт-Петербургской академии наук (1747). В 1730 г. Фишер, имевший ученую степень магистра, прибыл в Россию и занял при Санкт-Петербургской академической гимназии место проректора, а затем и ректора. Зимой 1739 г. командирован Академией наук в Сибирь на смену академика Миллера. В 1749 г. ему было поручено преподавание в университете элоквенции (риторики). В 1750 г. уволен

Г.В. Стеллер*, а также геодезисты, переводчики, художники и студенты, среди последних выделялись **С.П. Крашенинников****,

от заведования гимназией в связи с командировкой его во Псков для пересмотра и разбора хранившихся там разных книг, вывезенных из завоеванных шведских городов. Из научных работ Фишера заслуживает внимания составленная по материалам, привезенным Миллером из сибирского путешествия и изданная в 1768 г. при Академии наук, «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием» (нем. *Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russischen Waffen*).

* **Георг Вильгельм Стеллер** (1709–1746) – немецкий врач и ученый-естествоиспытатель, находившийся на службе в России. Вместе с Берингом достиг берегов Америки. После крушения судна в период зимовки на острове, впоследствии названном Беринговым, продолжал научную работу, лечил заболевших, собирал растения и животных. Ему удалось спасти научные сборы американского путешествия. Во время вынужденной зимовки он обнаружил и описал морскую (Стеллерову) корову – неизвестное морское животное с телом тюленя и рыбьим хвостом, большого очкового баклана, сивуча, морского котика, морского бобра, голубого песка. По возвращении в Петропавловск-Камчатский Стеллер еще два года оставался на полуострове, где впервые описал этнографические особенности коренного населения Камчатки – камчадалов. Путешествуя по полуострову, он изучал причину возникновения цинги. Стеллер сделал вывод, что эта болезнь является следствием недоедания. Здесь же он написал свою лучшую работу «*De bestiis marinis*» («О морских животных»). В 1744 г. Стеллер уехал с Камчатки и с 16 ящиками коллекций весной 1745 г. прибыл в Иркутск. В 1746 г. один из участников экспедиции, по каким-то причинам невзлюбивший Стеллера, написал на него донос, в котором утверждал, что Стеллер самовольно отпустил из Большерецкого острога камчадалов, считавшихся зачинщиками бунта. Лишь в конце года со Стеллера сняли обвинения. В январе 1746 г. ученый отправился в Красноярск, затем в Соликамск и Пермский край. Вскоре по ошибке его вновь задержали и направили в Иркутск для допроса, однако около Тары (ныне Омская область) отпустили. По пути в Петербург Стеллер простудился и умер в Тюмени. Георгу Стеллеру на тот момент было всего 37 лет.

** **Степан Петрович Крашенинников** (1711–1755) – географ, основоположник этнографии и спелеологии в России. Родился в бедной семье солдата лейб-гвардейского Преображенского полка. В 1724 г. поступил в Славяно-греко-латинскую академию. В конце 1732 г. направлен в Санкт-Петербургскую академию наук для приобретения знаний по физике, географии и естественной истории. Участник Великой Северной экспедиции (1733–1743). Сопровождал И.Г. Гмелина в его трехлетнем путешествии по Сибири (1733–1736). Путевой дневник, который он вел, и отчеты о путешествии содержат сведения по ботанике, этнографии, зоологии, истории, географии Сибири, словари тунгусского и бурятского языков. В июле 1737 г. Крашенинников отделился от академического отряда и в августе пришел в Охотск пешком, где организовал метеорологические наблюдения, составил описания местных птиц, рыб и зверей. 16 октября 1737 г. молодой ученый на парусном боте «Фортуна» отправился на Камчатку. На подходе к полуострову во время шторма бот потерпел крушение, и Крашенинников оказался на берегу без имущества и снаряжения. Из устья реки Большой он со своим отрядом на долбленых лодках с непомерными трудностями поднялся вверх по реке до Большерецкого острога – центра управления Камчаткой. Об этом Крашенинников смог дать знать Гмелину лишь в 1738 г., Гмелин получил известие в начале 1739 г.

Степан Петрович
Крашенинников.
Галерея РАН

впоследствии первый русский профессор натуральной истории и ботаники Академии наук, и **А.Д. Красильников***, впоследствии первый русский астроном, адъютант Академии наук. Среди геодезистов рекордсменом по выявлению астрономических широт стал Александр Иванов, определивший свыше 40 координат [Шипилов, 2023]. Ученые объехали все без исключения уральские и сибирские уезды и собрали колоссальный по объему и научной значимости материал практически по всем отраслям знания.

Вторая Камчатская экспедиция – впоследствии названная Великой Северной – открыла для мира громадные, неведомые до того пространства Сибири и Америки**. Ведь в то время не было ни одной точной карты Сибири,

На полуострове Крашенинников пробыл четыре года (1737–1741). Профессор астрономии Делиль де ла Кройер и адъютант натуральной истории Стеллер прибыли на полуостров только через три года, в 1740 г. Работая в одиночку, Крашенинников собрал уникальный естественно-исторический материал об этом не изученном тогда районе России, его растительном и животном мире, природных условиях, полезных ископаемых, жизни и языке коренного населения – курильцев (айнов), ительменов, коряков, истории завоевания и заселения Камчатки. В 1745 г. был избран адъютантом натуральной истории и ботаники, а в 1750 г. назначен профессором Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. Ректор университета Академии наук и инспектор академической гимназии (1750). Главный труд – «Описание земли Камчатки» (1755).

* **Андрей Дмитриевич Красильников** (1705–1773) – русский астроном и геодезист, адъютант по астрономии Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге (1753), «первый русский астроном». Родился в Москве в семье солдата Семеновского полка. Окончил Морскую академию в Санкт-Петербурге в 1724 г., затем, в 1731–1733 гг., обучался практической астрономии в Академии наук у Ж.Н. Делиля. Участник Великой Северной экспедиции. После смерти Делиля де ла Кроера переслал в Академию находившиеся на Камчатке его документы и возглавил астрономические исследования. После возвращения работал в Астрономической обсерватории Академии наук, преподавал в Морской академии. Им первым получена количественная оценка протяженности российской территории от острова Даго (Хийумаа) до восточного берега Камчатки. Автор первого русскоязычного учебника по астрономии и «ряда календарей». Сотрудничал с М.В. Ломоносовым в Географическом департаменте, в подготовке штурманов для Северной экспедиции В.Я. Чичагова. Прадед поэта А.А. Дельвига, мать которого Любовь Матвеевна – урожденная Красильникова.

** Многие маршруты отрядов проходили в исключительно сложных условиях. Так, 4 [15] июня 1741 г. – в год, когда Витусу Берингу исполнилось 60 лет, – пакетботы

никто не знал о ее положении по отношению к Америке и Японии. Не было ясности, где кончается полярная суровая зима и начинается умеренный или теплый климат. Ведь некоторые европейские ученые (например, Лейбниц) считали, что в северной части Сибири имеются выходы «к теплым морям и богатым теплым странам» [Вернадский, 2002 б].

В целом Великая Северная экспедиция насчитывала около трех тысяч участников и оказалась самым масштабным научным предприятием по изучению страны за всю ее историю. В результате деятельности экспедиции впервые была произведена опись отдельных участков побережья Северного Ледовитого океана, открыт американский

«Святой Петр» под командованием В. Беринга и «Святой Павел» под командованием А. Чирикова вышли к северо-западным берегам Америки. 20 июня [1 июля] в условиях шторма и густого тумана суда потеряли друг друга. Мореплавателям пришлось продолжать путь поодиночке. «Святой Петр» 16 [27] июля 1741 г. (на один день позже «Святого Павла» и третьим из русских кораблей) достиг берега Северной Америки в районе горы Св. Ильи. На обратном пути 5 [16] ноября пакетбот зашел для пополнения запасов воды на остров, впоследствии названный островом Беринга, где 28 ноября [9 дек.] сильным ветром был выброшен на берег. В тяжелейшем положении вынужденной зимовки от цинги умерли 19 человек, а 8 декабря скончался и Витус Беринг. Командование экипажем принял на себя штурман поручик Свен Ваксель. Весной 1742 г. 46 оставшихся (из 75) членов экипажа сумели построить из обломков пакетбота гукор (также названный «Святой Петр») и в августе 1742 г., преодолев 250 км, достигли Авачинской губы [по материалам справочных источников].

Трагическая судьба постигла в экспедиции и профессора астрономии Людовика Делиля де ла Кроера, который участвовал в Камчатской экспедиции с июля 1732 г. и отвечал за астрономические и физические исследования. Делиль отправился к берегам Америки на пакетботе «Святой Павел». 15 [26] июля 1741 г. Чириков и его спутники стали первыми в мире европейцами, увидевшими северо-западный район Северной Америки [Блох, 2020]. «Святой Павел» продолжил движение на северо-запад вдоль американского берега, к которому 18 [29] июля был послан бот с командой, но обратно они не вернулись. На поиски бота отправили лодку и несколько человек, но и те пропали, причем поодаль от корабля заметили две лодки с местными жителями. В итоге 15 членов экипажа были признаны погибшими. Потери бота и лодки лишили экипаж «Святого Павла» возможности подходить к берегу и пополнять запасы пресной воды, поэтому было принято решение возвращаться на Камчатку. На обратном пути экспедиция открыла Алеутские острова, но причалить к ним возможностей не имела. Суровые условия, сопровождаемые дефицитом питьевой воды, вызвали массовое заболевание цингой. Люди стали умирать, и когда в октябре судно добралось до Авачинской бухты, многие, в том числе Людовик Делиль де ла Кроер, были уже в крайне плохом состоянии. Ученый скончался на борту пакетбота в Авачинской бухте 11 [22] октября 1741 г. в 10 часов утра [Блох, 2020]. Похоронен он был в Петропавловске-Камчатском, а его могила стала первым христианским захоронением на берегу бухты [Калмыков, 2011]. После смерти ученого астрономические исследования в экспедиции возглавил А.Д. Красильников, который и переслал в Академию находившиеся на Камчатке документы Делиля.

берег и подтверждено наличие пролива между Евразией и Америкой, открыты и нанесены на карту Южные Курильские острова, доказано отсутствие каких-либо земель между Камчаткой и Северной Америкой, обследованы побережья Камчатки, Охотского моря и отдельные участки побережья Японии. По материалам экспедиции были составлены первые географические карты Сибири, получены важные сведения о природе этого региона, его рудных и пушных богатствах, положены начала изучению этнографии и культуры народов Сибири и Камчатки. Представленные на картах данные оказались настолько новыми, что потребовались десятилетия, прежде чем их достоверность была признана всеми европейскими картографами и географами. Вернадский писал: *«Трудно сейчас даже представить себе то огромное значение, какое имело для мировой науки этого времени исследование России, во главе которого в течение всего столетия, 1724–1824 гг., стояла Академия наук. Ее работа не только отразилась на научном материале – она дала определенные новые [данные] для представления о мироздании и Евразийском континенте среднего образованного человека Европы. Так, например, границы между Евразией и Америкой определены Великой Северной экспедицией (1733–1743), та же экспедиция окончательно установила обычное для нас теперь представление, что, двигаясь к северу, мы наблюдаем все более холодные страны, а не можем встретить более жаркие. В ученой литературе XVIII в., после достижения этого результата, Академию наук обвиняли в скрывании истины из-за политических интересов, не желая признавать этого факта! Думали, что Великая Сибирская экспедиция 1733–1743 гг. за пределами тундр и холодных стран севера Азии достигла и открыла пути к тем жарким и богатым областям, которые должны были там находиться, по мнению многих»* [Вернадский, 2002 в, с. 344].

<...>

Л. Блюментрост после вступления на престол Анны Иоанновны продолжал руководить Академией формально, главным образом через Шумахера, поддерживая его жесткий стиль правления. С 11 [22] января 1732 г. президент назначил академика Гольдбаха присутствовать вместо себя на заседаниях в конференциях. С этого времени все академические постановления подписывал Шумахер единолично.

Доверие двора к Блюментросту постепенно утрачивалось из-за, по словам Мюллера, *«много особь императорскаго семейства умерло на его руках»*. Лишь герцогиня мекленбургская Екатерина Иоанновна

(старшая сестра императрицы Анны Иоанновны), при которой Блюментрост состоял лейб-медиком, не хотела с ним расставаться. Тем не менее 14 [25] июня 1733 г. Екатерина Иоанновна скончалась, и хотя вины Блюментроста в ее кончине установлено не было, 19 [30] июня того же года по повелению императрицы он был лишен места и жалования, а 18 [29] июля президентом Академии был назначен барон **Герман Кейзерлинг***. Новый президент принадлежал к знатному курляндскому дворянскому роду, получил хорошее образование в Кёнигсбергском университете и был одним из тех, кто в 1730 г. прибыл с императрицей Анной в Петербург из Курляндии. Императрица предписала Кейзерлингу рассмотреть, *«в каком состоянии она (Академия наук. – Авт.) ныне обретается и в каком порядке до сего времени отправлялась...»* [Материалы..., 1886 а, док. 380 от 20 июля 1733 г., с. 344]. Надо отметить, что как раз в этот период происходила отправка профессоров и членов академического отряда в Камчатскую экспедицию, что требовало скорейшего налаживания работы самой Академии.

Новый президент весьма ответственно подошел к поручению императрицы. Уже 26 июля [6 авг.] 1733 г. он разработал инструкцию по ведению финансовой отчетности, согласно которой любые расходы и выплаты без письменного президентского указа запрещались, а Канцелярия обязывалась ежемесячно представлять президенту отчеты *«для просматривания и освидетельствования»* [там же, док. 383 от 26 июля 1733 г., с. 345]. Кейзерлинг делал попытки разрешить неурядицы между научным сообществом и Канцелярией, занимался научно-организационными проблемами. Так, 7 [18] сентября 1733 г. руководитель Академии распространил среди ее членов вопросник по проблеме содержания **в составе Академии наук** и художеств: *«Вышеописанного числа призываны были, по повелению его высокоблагородия президента академии наук господина барона фон Кейзерлинга, в чрезвычайную конференцию все господа профессора, и о оной академии художеств предложено. Такжеже учиненное понынее исследование и статья, восколько она впредь стать может...»* [там же, док. 398 от 7 сент. 1733 г., с. 367]. В дискуссии приняли участие 8 членов

* **Герман Карл фон Кейзерлинг** (1697–1764) – барон, с 1742 – граф. Родился в Блидене, Курляндия. Образование получил в Данциге и Кёнигсберге, где его наставниками были Бекенштейн и Байер, впоследствии академики в Санкт-Петербурге. В 1733–1734 гг. возглавлял Санкт-Петербургскую академию наук. Действительный тайный советник (1746). Неоднократно занимал пост посланника России в Священной Римской империи и в Речи Посполитой.

Академии: юрист **Иоганн Симон Бекенштейн (Бекенштейн)**, анатом и зоолог **Иоганн Георг Дювернуа**, астроном **Жозеф Никола Делиль**, математик, конференц-секретарь и академический советник **Христиан Гольдбах**, филолог и ориенталист **Готлиб Зигфрид Байер**, математик **Леонард Эйлер**, физик **Георг Вольфганг Крафт** и ботаник **Иоганн Амман**.

На обсуждение Конференции было вынесено 3 группы вопросов:

1. Насколько Академия художеств необходима при Академии наук, и какую пользу она может принести государству?

2. Возможно ли содержать Академию художеств за счет средств, отпускаемых на Академию наук?

3. Соответствует ли современное положение Академии художеств своему статусу, и нужно ли в этом положении что-либо изменить?

По первому вопросу все академики подтвердили полезность Академии художеств для государства, однако по поводу ее наличия в составе Академии наук мнения опрошенных разделились. Так, доктор **Бекенштейн** отметил, что для Академии наук Академия художеств *«непотребна»*, поскольку *«академия наук тягость от оныя имеет»* [там же, с. 368]. Доктор **Дювернуа** со ссылкой на зарубежный опыт заметил, что *«академия художеств государству немалую честь и пользу приносить может; что же до одного намерения касается, чтоб оную с академиею наук соединить, чтоб не только общая сумма на оныя употреблена была, но чтоб он обе за одно почитались, то он за весьма неудобное признавает, понеже и в других академиях наук того не уделено, и академия наук сама собою довольно тягости имеет»* [там же, с. 368]. Профессор **Делиль** в своих рассуждениях уточнил назначение художественного подразделения: *«академиею художеств называют, не что иное, как собрание художников и ремесленных людей, которые в государстве употреблены быть могут...»* [там же, с. 369]. Однако по поводу объединения Академии художеств с Академией наук он отозвался резко негативно: *«что оное, которое основанием академии художеств названо, поныне безчестие и убыток академии наук произвело»* [там же, с. 369]. В итоге **Делиль** предложил: *«оба сии основания всеконечно разделить надлежит, ежели хотят, чтоб академия наук себя в состоянии удержать возмогла»* [там же, с. 369].

Другую точку зрения высказал «господин юстиции советник» **Гольдбах**, отметив, *«что понеже академия художеств как государству, так и академии наук добрая услуга показала и еще впредь полезна быть может; такожде доходы академии наук, ежели*

Барон Кейзерлинг
(впоследствии граф). Президент
Академии наук в 1733–1734 гг.
Из: [Материалы..., 1886 а]

Иоганн Альбрехт Корф (барон).
Главный командир Академии наук
в 1734–1740 гг.
Из: [Материалы..., 1886 а]

Ея И. В. особливую сумму на академию художеств всемилостивейше положить изволит, тем убавлены не будут, содержание то академии художеств по прежнему основанию продолжаться может» [там же, с. 370]. Его поддержал профессор **Байер** (Бейэр): «академия художеств не токмо государству полезна, но и здешней академии наук зело надобна есть» [там же, с. 370]. Особую полезность для Академии наук Байер усмотрел в наличии типографии, так как «без оныя ничего полезного при академии наук учинено и ея слава у иностранных содержана быть не может» [там же, с. 370]. Аналогичное отношение ученого проявлено к грьдоровальной печатной палате, «по скольку она к изданию книг академических и членов оныя требуется» [там же, с. 371]. Наконец, одобрение со стороны **Байера** вызвало и «живописное искусство», так как «оно к произведению (в) физике, анатомии и древностях случающихся вещей и прочаго употреблено быть может» [там же, с. 371]. В конечном итоге профессор заключил, что Академию художеств не следует «отлучать» от Академии наук. Такого же мнения придерживался и **Эйлер**, который свое мнение выразил так: «наибольшая часто академии художеств при академии наук не только полезна, но еще и потребна есть, а целая академия художеств государству добрыя услуги показать может. Чего ради сие наипольнейшее есть, когда академия художеств при академии наук под одним правительством совокупно содержана будет, понеже тем и знатное число денег сохранено будет» [там же, с. 371]. Вслед

высказыванию Эйлера профессор **Крафт** уточнил: «...академия художеств не токмо всему государству полезна, но и ея правление при академии наук быть долженствует, понеже:

- 1) Художества никуда инуды лучше не принадлежат, как до наук, от которых они происходят и в совершенство приводятся.
- 2) Академия наук оных к произведению своих дел лишиться не может.
- 3) Всенародно в 1728 году объявленная декларация е. и. в. Петра I, блаженные памяти, о том упоминает, и
- 4) Все против соединения академии художеств с академиею наук прежде объявленные причины такого состояния суть, что оныя не легко утверждать можно» [там же, с. 372].

Сохранение Академии художеств в составе Академии наук поддерживал и доктор **Амман**, аргументировав эту идею следующим образом:

«1) Академия художеств всему государству полезна, и 2) Что помянутая академия, а особливо типография с грыдоровальным и рисовальным искусством, академии наук весьма полезна и нужна есть, понеже бы в противном случае “Комментарии”, от господ профессоров сочиняемые, в другия земли посылали и там печатать надлежало» [там же, с. 373].

По вопросу о возможности содержания Академии художеств за счет средств, отпускаемых на Академию наук, участники опроса проявили полное единодушие. Говоря словами Аммана: «обеих академий сею суммою содержать невозможно» [там же, с. 375].

На третий вопрос о современном статусе Академии художеств большинство членов Академии ушло от ответов, говоря современным языком – из-за некомпетентности в этом вопросе. В частности, по мнению **Бекенштейна** по данному вопросу «*ежели бы художников прилежнее допросить*» [там же, с. 375]. От обсуждения вопроса также отказались академики **Делиль** и **Амман**. **Гольдбах** свое рассуждение выразил так: «*оная академия при нынешнем состоянии остаться может, пока к перемене онаго важной причины иметь не будет*» [там же, с. 376]. **Байер** при этом добавил: «*ежели большее рассмотрение в том учинено будет, то могут разные вещи найтися, которья или переменить, или отставить, или умножит надлежит*» [там же, с. 376]. **Эйлер**, впрочем, конкретизировал высказывание Байера: «*ежели оные умножены будут, то и государства большую пользу от того иметь будет. А для нынешняго состояния академии наук и к ея употреблению настоящее число персон при академии*

художеств довольно» [там же, с. 376–377]. То же мнение высказал и профессор Крафт.

Вероятно, с учетом результатов опроса 17 [28] сентября Кейзерлинг направил на имя императрицы Анны Иоанновны письмо, в котором, в частности, сказано: *«По всемилоствейшему В. И. В. (Вашего Императорского Величества. – Авт.) данному мне указу, в котором мне повелено было нынешнее состояние академии наук изследовать, сим всенижайше доношу, что по нынешнему состоянию академии наук ежегодныя ея доходы к исправлению всех расходов весьма не довольны, и от того происходящий денежный недостаток причиною всех поныне явившихся не порядков и оттуду родившихся жалоб был: ибо хотя оные персоны, из которых собственно академия наук состоит, из определенных на то от Петра I, блаженные и вечнодостояныя памяти, 25000 рублей ежегодным жалованьем удовольствованы быть и могут, однакож с начала сего основания довольно примечено было, что к надлежащему продолжению онаго некоторое число грыдоровальщиков, типографщиков, словолитчиков и прочая, потребно, откуду потом так называемая академия художеств произошла... Но понеже на содержание художников никаких новых доходов назначено не было... Но понеже кроме выдачи вперед денег, все другие учреждения, как профессоров, так и протчих при академии обретающихся служителей, которые на сей год еще ничего не получили, удовольствовать и их жалоб прекратить не могут, то принужден я В. И. В. о состоящей в 30000 рублях сумме нижайше просить...»* [там же, док. 401 от 17 сент. 1733 г., с. 381–382]. Императрица решила удовлетворить просьбу президента Академии наук и на письме оставила резолюцию: *«Вышеозначенную сумму 30000 рублей отпустить из штатс-конторы»* [там же, с. 383]. О выплате этой суммы в Материалах... [1886 а] имеется *«в правительствующий сенат доношение»* от 7 марта 1735 г., в котором сказано: *«На присланный из правительствующаго сената в академию наук указ от 25 дня генваря прилагаю при сем, под литерою А, обстоятельно щетъ оным тридцати тысячам рублям, которые по именному Ея И. В. указу академии наук в прошлом 1733 году сентября 22 дня выданы...»* [там же, док. 701 от 7 марта 1735 г., с. 612]. Здесь же перечислены «нужды», на которые выделенные средства «в расход употреблены» были.

Показательно, что художественные подразделения, несмотря на сложности с их финансированием в составе Академии наук, были сохранены. Лишь в 1747 г. с принятием первого академического

Регламента художественная часть Академии получила свое целевое финансирование.

<...>

Некоторое время спустя, в декабре 1733 г., Кейзерлинг был послан в Польшу. Перед отъездом он оставил «Инструкцию» по управлению Академией, состоящую из 30 пунктов [Материалы..., 1886 а, док. 418 от 18 дек. 1733 г., с. 409–414], в которой, в частности, сообщалось, что вместо профессора Крафта секретарем Академии императрица «пожаловала» Христофора Медера «для принятия писем и ведения протокола» [там же, с. 410]. Правление на конференциях Кейзерлингом было поручено пяти старшим членам Академии: «господину юстицкому советнику Гольдбаху, господину доктору и профессору Бекенштейну, господину профессору Дель Иль, господину доктору Дювернои и господину профессору Бейэру, таким образом, что они ежемесячно во оном пременяться имеют» [там же]. Еще одно важное указание касалось управления Академией: «Иметь господину секретарю Медеру надзирание и смотрение над всею академиею и делами ея, а господину библиотекарю Шумахеру – над библиотекою, кунсткамерою и натуралиен-камерою, но так, что сие все равномерно правительству подлежат долженствует» [там же, с. 412].

Книжной палате было рекомендовано: «...чтоб стараться по всякой возможности о произведении штатскаго и газетнаго лексикона, также и о поправлении российской и немецкой грамматики, понеже сие в пользу академии будет, и из которых перво господин Юнкер (1705–1746; Готлиб Фридрих Вильгельм Юнкер – профессор поэзии с 1734 г., приглашен в Россию по рекомендации Мюллера. – Авт.), а последнее господин Ададунов* в состояние привести на свои труды приняли» [там же, с. 413].

Среди поручений не было забыто и печатное дело: «коль скоро потребная бумага получена будет, то можно Tom. IV Commentar.

* **Василий Евдокимович Адодунов (Ададунов)** (1709–1780) – русский ученый (математик и филолог-русист), педагог, первый этнически русский адъюнкт (1733) Санкт-Петербургской академии наук по кафедре высшей математики у Леонарда Эйлера, почетный член (1777) Санкт-Петербургской академии наук, куратор Московского университета. Образование получил в Новгородской школе Лихудов, затем в Славяно-греко-латинской академии (1723–1726) и в Санкт-Петербургской академической гимназии (1726). С 1731 г. – переводчик при Санкт-Петербургской академии наук; под руководством Л. Эйлера занимался математикой. Издал значительное число переводов с иностранных языков и составил (1740) русскую грамматику. Учитель Ломоносова и будущей императрицы Екатерины II [Василий Евдокимович Адодунов..., 2014].

печатать... Надлежит такожде смотреть, чтоб незамедленное изготовление календарей на приближающиеся годы отправлялось» [там же, с. 414]. А все, что «здесь именно не изобразилось», президент поручал к рассмотрению членов «упомянутого департамента... по большей части голосов и резолюциям определено будет» [там же].

Очевидно, что государственные интересы и дипломатические успехи барона Кейзерлинга требовали длительного его присутствия в Польше, поэтому 23 сентября 1734 г. он был официально освобожден от должности президента Академии наук. В дальнейшем Кейзерлинга ждала успешная карьера дипломата, которой не смогли помешать даже смены властей на российском престоле.

<...>

Императорским указом от 18 [29] сентября 1734 г. «главным при Академии командиром» был назначен камергер **барон Иоганн Альбрехт Корф***. В дальнейшем, по крайней мере до 1739 г., все поручения или распоряжения Корфа открывались фразой: *«По указу Ея И. В. в академии наук обретающий главный командир, действительный камергер барон фон Корф, приказал: ...»*.

На протяжении шести лет пребывания на посту руководителя Академии Корф пытался решать вопросы расширения академического штата с учетом входивших в ее состав вспомогательных учреждений (типографии со словолитней, различных мастерских, гравировальной и рисовальной палат) и регулярного финансирования Академии наук в необходимом объеме. Однако он смог добиться для Академии лишь двух дополнительных выплат – в 1736 и 1737 гг. – в размере 10000 и 20000 руб. соответственно.

В годы президентства Корфа особое внимание уделялось астрономическим исследованиям. Так, учитывая требования проф. Делиля, Корф распорядился послать вексель в Амстердам *«денег семьсот пятьдесят рублей, для покупки в академию астрономических часов и протчих инструментов, понеже здесь при академии в скорости сделать невозможно, а оных завсегда требуют в разныя*

* **Барон Иоганн Альбрехт фон Корф** (1697–1766) – русский дипломат, действительный тайный советник. Родился в Курляндии. Выдвинулся благодаря службе при дворе курляндской герцогини (затем русской императрицы) Анны Иоанновны. Получил образование в Йенском университете. Президент Санкт-Петербургской академии наук и художеств (1734–1740). С 1740 г. был русским посланником в Дании и Нижней Саксонии. За дипломатическую деятельность Корф 31 января 1748 г. был пожалован в тайные советники, 9 марта 1762 г. – в действительные тайные советники. Скончался 7 апреля 1766 г. на 70-м году жизни в Дании.

экспедиции» [там же, 1886 б, док. 158 от 4 авг. 1736 г., с. 153]. Главный командир Академии неоднократно ходатайствовал перед правительством по делам Камчатской экспедиции. Например, 23 мая 1738 г. Корф писал Правительствующему Сенату доношение в защиту профессоров Иоганна Гмелина и Герхарда Миллера *«от капитана командора Беринга камчатской экспедиции профессорам обидах...»*. Из доношения следует, что Беринг отказал в помощи Гмелину после случившегося в Якутске пожара, в котором были утрачены некоторые вещи ученого, а Миллеру отказал в провианте, *«которых довольствоваться им не может»*. В связи с этим Корф просил Сенат: *«Того ради по преждеподанному и по присланным оных профессоров, Гмелина и Миллера, доношениям учинить милостивое решение, чтоб от таких великих затруднений и недостатков оные профессеры были свободны и всем удовольствованы, дабы оная экспедиция к благополучному окончанию приведена быть могла»* [там же, док. 434 от 23 мая 1737 г., с. 391].

Корф постоянно помогал обеспечению отряда Миллера продовольствием, оборудованием, книгами, способствовал отправке в экспедицию дополнительных специалистов и членов Академии *«для такого случая, ежели один занеможет или умрет, то бы обсервации с употребленным на них изданием не пропали»* [там же, док. 842 от 9 сент. 1738 г., с. 793]. В частности, в начале 1739 г. Академия дополнительно направила на Камчатку адъюнкта Г.В. Стеллера, а затем адъюнкта И.Э. Фишера для последующей замены заболевшего в поездке профессора Миллера. Причем Фишеру было обещано *«по окончании сей экспедиции, как за его при гимназии и академии показанную службу, так и в разсуждении оных заслуг и верности, которые от него при сей экспедиции показаны быть могут, учинен он был при академии наук действительным профессором...»* [там же, док. 715 от 8 мая 1738 г., с. 688].

Значительную роль Академия наук при Корфе играла и при устройстве новых городов и селений. Так, В. Татищев при закладке нового города Оренбурга направил в Академию наук «промемоторию» следующего содержания: *«А хотя живописец нужен, токмо-б был искусен и прилежен, котораго академия наук, надеюся, сыскать может в год за триста рублей... Хотя так знатный город Оренбург строить начать, токмо без всякаго архитектурного порядка: того ради сим императорской академии наук почтенно представляю, чтоб химика, по сношению с медицинскою коллегиею, живописца и архитекта искусных благоволила приискать...»* [там же, док. 552 от 16 окт. 1737 г., с. 501].

Благодаря усилиям Корфа заметно оживилась переписка Академии с иностранными учеными, расширился книгообмен, наладились

связи с научными журналами европейских стран, был сформирован институт иностранных членов Академии наук, закрепленный позднее Регламентом 1747 г. Причем, если ранее число иностранных почетных членов Академии увеличивалось преимущественно за счет ее же бывших академиков, уволившихся по разным причинам, то с приходом Корфа состав иностранных почетных членов стал ощутимо разнообразнее как по географии связей, так и по характеру их деятельности. Все эти мероприятия повышали научный престиж Санкт-Петербургской академии, так как труды русских ученых становились достоянием европейской науки. Например, почетный член Санкт-Петербургской академии наук французский физик и математик Дорту де Меран* в 1736 г. так отзывался о работе нашей Академии: *«Петербургская академия со времени своего рождения поднялась на выдающуюся высоту науки, до которой академии Парижская и Лондонская добрались только за 60 лет упорного труда»* [Осипов, 1999, с. 29]. Действительно, в те времена, несмотря на хроническое недофинансирование, Академия показывала блестящие результаты в математических науках, изучении географии и ресурсов собственной страны, в познании неведомых территорий, этнографии и истории населяющих ее народов. Французскому ученому было с чем сравнивать, ведь он состоял в ряде европейских научных обществ, включая Французскую академию наук и Британское Королевское общество.

В марте 1735 г. при участии Корфа было разработано «предложение о семинарии»: *«При академии старались уже несколько лет, чтоб учредить семинариум из малолетних, которые-б без всякаго препятствия, с довольным руководством, в науках происходить и потом отечеству полезныя услуги учинить могли. Германия подобными*

Жан-Жак Дорту де Меран.
Из открытых источников

* **Жан-Жак Дорту де Меран** (1678–1771) – французский геофизик, математик, астроном и хронобиолог. Открыл циркадные ритмы растений и космическое происхождение полярных сияний, внес существенный вклад в физику, астрономию и анализ древних текстов. Член Французской академии наук, Французской академии и Британского Королевского общества, иностранный член академий и научных обществ Швеции, Шотландии и Италии. Первый избранный почетный член Санкт-Петербургской академии наук и художеств (избран 22 ноября [3 дек.] 1734 г.).

сему учреждениям так наполнена, что ни малаго города нет, в котором бы либо градской совет из общих доходов, или частныя особа о таких учреждениях не старался; от чего и произошло, что как Германия прежде сего в потребных людях возымела великий недостаток, так она ныне изобильством оных к всегдашнему изобранию хвалиться может.

Ежели таким образом при академии учредить семинариум, то от того польза хотя в первые семь лет и не очень явно окажется, однакож по прошествии оных лет, повсягодно больших плодов ожидать можно» [Материалы..., 1886 а, док. 726 от 25 марта 1735 г., с. 666]. Этот проект не был осуществлен, но он послужил основанием для проведения в 1736 г. отбора наиболее способных учеников из Славяно-греко-латинской академии в Москве и направления их в Академию наук для упражнения в «высших науках» (среди отобранных учеников оказались Михаил Ломоносов, а также Никита Попов, ставший впоследствии академиком по астрономии, Василий Лебедев и Иван Голубцов – известные в будущем переводчики).

Изначально в соответствии с указом императрицы планировалось отобрать 20 чел.: *«По тому академии наук доношению (об организации семинарии. – Авт.), из учеников, кои есть в Москве, в Спаском училищном монастыре, выбрать в науках достойных двадцать человек, и о свидетельстве их наук подписаться ректору и учителям, и выслать в Санктпетербург, в академию наук...»* [там же, док. 880 от 13 окт. 1735 г., с. 805]. Однако следом из коллегии экономии синодального правления в Академию пришло сообщение: *«А декабря 3 дня... в контору в вышеписанное число учеников представлены двенадцать человек... ...а оные ученики из коллегии экономии посылаются при сей промемории»* [там же, док. 936 от 23 дек. 1735 г., с. 840, 841]. Вскоре троих из отобранных учеников – М.В. Ломоносова, Г.У. Рейзера и Д.И. Виноградова – правительственным указом от 13 [24] марта 1736 г. было решено направить на учебу в Марбург (Германия) к профессору Х. Вольфу, а уже через 3 года по распоряжению Корфа было опубликовано первое сочинение Ломоносова – «Ода на взятие Хотина» (1739), присланное ему из Марбурга.

Способности Корфа как организатора науки проявились при учреждении им профессиональных объединений ученых. В частности, в 1735 г. им было образовано Российское собрание, члены которого занимались усовершенствованием русского языка, составлением грамматик и словарей, подготовкой к изданию переводов. Затем приказом Корфа от 26 августа [7 сентября] 1735 г. была организована

Математическая конференция, а 29 октября [10 ноября] 1739 г. Сенатом, по представлению Корфа, был учрежден Географический департамент. Это были первые попытки создания творческих коллективов, работающих по одной специальности и решающих общую задачу.

Как человек образованный и любознательный, Корф пользовался большим авторитетом у профессоров Академии наук. Его личная библиотека являлась одним из наиболее обширных книжных собраний того времени – около 35 тыс. томов. Известно, что в 1764 г. Екатерина II приобрела ее для цесаревича Павла Петровича за 50.000 руб. (по материалам сайта <https://www.ras.ru/presidents/52ba5927-6c8a-44c2-b8ef-5f7bb55700e2.aspx>).

27 марта 1740 г. Корф был назначен чрезвычайным посланником в Данию, и дальнейшая его жизнь была связана с дипломатической работой. На посту президента Академии наук его заменил действительный тайный советник **Карл фон Бреверн**^{*}, который занимал эту должность почти год (с 24 апреля 1740 г. по 15 апреля 1741 г.). Считается, что в связи с малым сроком пребывания в Академии деятельность Бреверна на ход академических дел существенного влияния не оказала. Однако надо иметь в виду, что время президентства Бреверна пришлось на сложный период смены трех правлений: императрицы Анны Иоанновны, регента Э.И. Бирона и правительницы Анны Леопольдовны. Тем не менее Академия наук в период его службы не только сохранила свою работоспособность, но по некоторым направлениям получила новый импульс к развитию. Так, в 1740 г. Бреверном были предприняты шаги для ускорения работ по подготовке «Российской империи генеральной ландкарты», к составлению которой были привлечены профессора Леонард Эйлер и Готфрид Гейнциг (профессор астрономии. – *Авт.*).

При Бреверне была успешно завершена экспедиция профессора Ж. Делиля к реке Обь в г. Обдорск (ныне – Салехард), в которой проводились наблюдения за прохождением Меркурия через диск Солнца (организация экспедиции состоялась при Корфе в феврале

^{*} **Карл Герман (Германович) фон Бреверн** (1704–1744) – действительный тайный советник, один из руководителей русской дипломатии в начале 1740-х гг. Учился в рижской гимназии, затем изучал юридические науки в Кёнигсбергском университете. В 1740–1741 гг. президент Академии наук. По вступлении на престол Елизаветы Петровны Бреверн был назначен конференц-министром. С 1742 г. вместе с канцлером графом Алексеем Петровичем Бестужевым-Рюминым возглавил Коллегию иностранных дел. Его супругой была дочь бывшего президента Академии наук Г.К. фон Кейзерлинга.

Карл фон Бреверн.
Президент Академии наук
в 1740–1741 гг.
Из: [Материалы..., 1887]

1740 г.). Президент плотно занимался поддержкой академического отряда в Камчатской экспедиции. В частности, он оказывал содействие исследованиям Миллера в Уральском регионе, в том числе при получении разрешения на осмотр горных и рудопромышленных заводов. Бреверном в связи с предполагаемым возвращением в Санкт-Петербург профессора Гмелина (реально Гмелин возвратился в Санкт-Петербург в 1742 г.) были определены новые инструкции членам экспедиции, а по представлению профессоров Гмелина и Миллера им было подано «доношение» в Правительствующий Сенат на увеличение жалования студенту Крашенинникову [Материалы..., 1887, док. 610 от 4 июля 1740 г., с. 425]. Участник экспедиции адъюнкты Стеллер по решению президента получил разрешение все свои рапорты и сборы высылать через Правительствующий Сенат непосредственно в Академию наук (это право имели только профессора), «как и профессора прежде сего делали». Кроме того, Сенату было предложено предоставить Стеллеру патент, который *«по табели о рангах в девятый класс вставить можно. И ежели правительствующий сенат вышеозначенного адъюнкта Штеллера патентом пожаловать соблаговолит, то академия наук со вторичною уничиженностью просит оный патент ему, адъюнкту, вышепомянутым образом пожаловать»* [там же, док. 715 от 5 дек. 1740 г., с. 508].

Известно, что Бреверн представлял императрице проект расширения штатов Академии, но не успел обеспечить согласия в связи с кончиной Анны Иоанновны. Среди наиболее значимых кадровых вопросов отметим решения Бреверна о возвращении Ломоносова из Германии в Санкт-Петербург и определении адъюнкта Г.В. Рихмана – талантливого русского физика немецкого происхождения – в профессора [там же, док. 778 от 20 февр. 1741 г., с. 573]. Кроме того, Бреверн провел замену секретаря Академии Христофора Медера на Сергея Саввича Волчкова (1707–1773; переводчик, вызванный ранее из Берлина Корфом для русских переводов

в Академии), который после отставки президента несколько лет помогал Шумахеру управлять Академией.

После падения Бирона Бреверн потерял свое влияние при дворе и пост президента Академии наук. Буквально за месяц до отставки Бреверн удовлетворил просьбу Леонарда Эйлера по поводу его увольнения из Академии наук *«за слабостью его здоровья (ухудшение зрения. – Авт.) и за другими, выше сего показанными обстоятельствами... а для вящего впредь к верным и Российской Империи полезным услугам при обязанности, некоторое ему, профессору, награждение учинить»* [там же, док. 799 от 15 марта 1741 г., с. 613]. Причем в представленном «доношении» имелся пункт, позволявший Эйлеру в случае выздоровления вернуться на службу: *«А ежели ему, Эйлеру, при отпуске от академии наук какое милостивое награждение учинено будет, то сие онаго профессора к тому побудить, что он, пришедши в лутчее здоровье, из Немецкой земли опять в Россию возвратиться и академии наук большую пред нынешним услугу и пользу принести может»* [там же, с. 612]. Этим пунктом Эйлер воспользуется лишь через четверть века, при Екатерине II, когда 17 [28] июля 1766 г. 60-летний ученый, его семья и домочадцы (всего 18 человек) повторно прибудут в российскую столицу.

<...>

5 [16] октября 1740 г. Анна Иоанновна во время обеда с Бироном почувствовала себя плохо и потеряла сознание. Болезнь признали опасной. Вскоре, 16 [27] октября, с больной императрицей сделался припадок, предвещавший скорую кончину. Императрица приказала позвать вице-канцлера графа Остермана и герцога Курляндского Бирона. В их присутствии она подписала две бумаги – о наследстве после нее Иоанна Антоновича – правнука Ивана V – и о регентстве Бирона. В 9 часов вечера 17 [28] октября 1740 г. Анна Иоанновна скончалась на 48-м году жизни. Врачи причиной смерти объявили подагру в соединении с мочекаменной болезнью.

Следующим императором и самодержцем Всероссийским, как и завещала Анна Иоанновна, стал младенец **Иван VI Антонович**. Формально новый император царствовал первый год своей жизни при регентстве сначала Бирона, а затем собственной матери Анны Леопольдовны (племянница Анны Иоанновны). Император-младенец был свергнут **Елизаветой Петровной*** и провел почти всю жизнь

* **Елизавета Петровна** (18 [29] декабря 1709, Коломенское – 25 декабря 1761 [5 января 1762], Санкт-Петербург) – императрица и самодержица Всероссийская из династии

в одиночном заключении, а в царствование Екатерины II был убит охраной в 23-летнем возрасте во время попытки его освобождения. В ночь на 25 ноября [6 дек.] 1741 г. Елизавета Петровна при поддержке гвардейцев гренадерской роты Преображенского полка провозгласила себя новой императрицей.

<...>

После восхождения на престол Елизаветы Петровны Академия наук в течение 5 лет работала без президента, и это был один из наиболее трудных периодов ее истории. Финансовое положение Академии оставалось тяжелым, некоторые известные ученые покинули Россию. В эти годы Академией наук управлял советник ее Канцелярии И.Д. Шумахер, действия которого часто вызывали протест академиков.

Елизавета Петровна старалась быть приверженной «всему русскому». В числе прочего она в 1746 г. назначила президентом Академии наук графа **Кирилла Григорьевича Разумовского** (1728–1803; фамилия при рождении – *Рóзум*), последнего гетмана Малороссии (1750–1764), младшего брата обер-егермейстера Александра Григорьевича (1709–1771) – графа (1744), генерала-фельдмаршала (1756), участника переворота 1741 г., возведшего на престол императрицу Елизавету Петровну.

Кириллу Григорьевичу в это время было всего 18 лет, и его назначение на должность президента Академии во многом было случайным актом. Однако проведенное назначение оказалось удачным. Именно с этого времени начался новый этап развития Императорской Санкт-Петербургской академии наук. В.И. Вернадский по данному поводу отмечал: *«...не будет неверным утверждение, что вплоть до начала царствования Елизаветы, т. е. до начала 1740-х годов, научная работа в России велась иноземцами. Прошло по крайней мере 50 лет после реформы Петра, пока, наконец, появились в России самостоятельные ученые – местные уроженцы. Их появление составляет грань в истории русского общества – его окончательный переход в новое [состояние]»* [Вернадский, 2002 б, с. 301].

Романовых с 25 ноября [6 декабря] 1741 г. по 25 декабря 1761 г. [5 января 1762], младшая дочь Петра I и Екатерины I. Правление Елизаветы Петровны отмечено возрождением традиций и идеалов петровского периода, учреждением Московского университета, постройкой грандиозных дворцов и роскошью при дворе, появлением первого банка. В елизаветинскую эпоху Российская империя успешно воевала в Русско-шведской войне 1741–1743 гг. и Семилетней войне 1756–1763 гг. Продолжилось исследование и покорение Сибири (по материалам справочных источников).

1.4. Ломоносовский период

В Иллюстрированном энциклопедическом словаре [1995, с. 390] о Михаиле Васильевиче Ломоносове (1711–1765) сказано следующее (сокращения слов убраны. – Авт.): *«первый российский ученый-естествоиспытатель мирового значения, поэт, заложивший основы русского литературного языка, художник, поборник отечественного просвещения, науки и экономики. Родился в д. Денисовка Архангельской губ. (ныне с. Ломоносово) в семье помора. В 19 лет ушел учиться в Москву, затем учился в Санкт-Петербурге и Германии. Первый (с 1745) русский академик Петербургской Академии наук. В 1748 г. основал при Академии наук первую в России химическую лабораторию. По инициативе Ломоносова в 1755 г. основан Московский университет (носит имя Ломоносова). Развивал атомно-молекулярные представления о строении вещества, утверждал, что теплота обусловлена движением «корпускул» (молекул). Сформулировал всеобщий принцип сохранения материи и движения. Заложил основы физической химии. Изучал электричество и силу тяжести, природу цвета. Открыл атмосферу планеты Венера. Объяснил образование гор «трясением Земли», описал происхождение многих полезных ископаемых и минералов. Опубликовал руководство по металлургии и исследования по русской истории. Указал на необходимость освоения Северного морского пути и Сибири. Реформатор стиха (вместе с В.К. Тредиаковским ввел в русскую поэзию силлабо-тоническое стихосложение). Создатель русской оды религиозно-философского и гражданского звучания. Автор поэм, поэтических посланий, трагедий, сатир, фундаментальных филологических трудов и научной грамматики русского языка. Возродил искусство мозаики, производство смальты, создал с учениками мозаичные картины».*

Ныне мало кто сомневается, что Ломоносов был великим отечественным деятелем науки. Здесь лишь добавим, что необыкновенный талант Ломоносова, как ученого, признавал великий математик Л. Эйлер. Немецкий физик Х. Вольф, у которого учился Ломоносов, видел в нем одну из самых светлых надежд русской науки. Известно, что А.С. Пушкин в своих заметках «Путешествие из Москвы в Петербург» (1834 г.) [1993 г.] также говорил о Ломоносове как о великом ученом. Александр Сергеевич видел научный гений Ломоносова, и его мнение, как одного из самых образованных и глубоко понимающих русскую действительность людей, для нас очень важно. Пушкин отмечал, что Ломоносов не дорожил своей поэзией и гораздо

Портрет М.В. Ломоносова.
Копия Л.С. Миропольского с работы
Г.К. фон Преннера. 1787 г.
МАЭ РАН

Портрет И.И. Шувалова
работы Ф.С. Рокотова. 1760 г.
Государственный Эрмитаж

более заботился о химических опытах [Пушкин, 1993 г.]. И действительно, сохранившиеся документы и свидетельства современников указывают на то, что с самого начала пребывания в Академии Ломоносов сосредоточил свой талант на научной работе в области физики и химии.

К сожалению, уже к концу XVIII в. Ломоносов как ученый был практически забыт. Его, конечно, продолжали ценить как историка, как одного из создателей литературного русского языка, за его грамматику, за его переводы, как государственного деятеля, заботившегося о развитии образования и техники в России. В 1825 г. в Архангельске ему даже установили памятник, а в 1865 г., в год столетия со дня смерти Ломоносова, Академия наук учредила ежегодную премию его имени. Однако уже мало кто помнил Ломоносова как физика и химика [Капица, 1981]. Так продолжалось до начала XX столетия, когда профессор физической химии Борис Николаевич Меншуткин (1874–1938), исторические исследования которого будут цитироваться ниже, стал изучать оригинальные научные труды Ломоносова и публиковать их. И прежде, чем понять причины произошедшего, следует несколько слов сказать о самом Ломоносове, о времени и об условиях, в которых он жил, учился и творил.

Начнем с того, что в 1735 г. академическому отряду Камчатской экспедиции (Великой Северной экспедиции) дополнительно понадобились некоторые узкие на то время специалисты, в том числе химики, знающие горное дело. В Европе их поиском по просьбе барона Корфа занимался проф. И.Ф. Генкель (1678–1744), организовавший в 1733 г. собственную Химическую лабораторию во Фрейберге (исторический центр Рудных гор, расположенный в центре немецкой земли Саксония). Однако нужных работников найти так и не удалось, и Генкель предложил президенту Академии наук прислать в Германию российских юношей для обучения. Корф это предложение перенаправил в Кабинет Министров: «... по мнению славного и ученаго горнаго физика Генкеля, к которому я о том писал и от него на мое письмо... ответ получил... ни в Фрейберге, ни в других местах сыскать не можно будет... ..по его мнению было то полезнее всего, ежели бы несколько человек из подданных к нему в Фрейберг отослать, оных обещает он в год или в полтора года, ежели они остраго и свежаго разума, науки знают и к такому делу охоту показывают, такожде несколько латинскаго и немецкаго языков разумеют, в такое состояние привести, что они, кроме подземной геометрии, пробовальной, рудоконной и плавильной науки, и о всех металлах совершенное и основательное знание иметь будут...» [Доклад президента Академии в Кабинет Министров, от 23 февр. 1736 г. Сборник материалов..., 1865 б. С. 228–229].

Российское правительство предложение одобрило, и 5 марта 1736 г. Корф в Кабинет Министров направил новый доклад:

«Ежели по моему 23 февраля сего года поданному докладу Всемилостивейше повелено будет несколько молодых людей в Фрейберг, к берг-физику Генкелю, для обучения металлургии отправить, то могут выбраны быть из нижеозначенных учеников

1) *Густав Ульрих Рейзер советника Берг-Коллегии сын, рожден в Москве и имеет от роду семнадцать лет.*

2) *Дмитрий Виноградов, попovich из Суздаля, шестнадцати лет.*

3) *Михайло Ломоносов, крестьянский сын из архангелогородской губернии, двиницкаго уезда, куростровской волости, двадцати двух лет.*

Понеже они все те свойства в себе имеют, каких помянутой берг-физикус требует, то надеяться можно, что и они современем изученыя берг-физики будут.

Хотя Дмитрий Виноградов с Михайлом Ломоносовым немецкого языка и не знают, однако еще в бытность свою здесь через три

месяца столько научиться могут, сколько им надобно...» [Сборник материалов..., 1865 б. (Доклад бар. Корфа в Кабинет Министров, от 5 марта 1736 г.) С. 229–230].

При обсуждении программы занятий было принято во внимание замечание горного советника Рейзера (советник Берг-коллегии, отец студента Г.У. Рейзера. – *Авт.*), который в своем письме Корфу, отдавая должное заслугам и возможностям профессора Генкеля, отметил следующее: *«Так как главная цель при посылке трех молодых студентов в Фрейберг состоит в том, чтобы они систематически изучали химию, то цель эта не будет достигнута, если они предварительно не займутся физикой. Имея дело со множеством природных тел, химик должен быть знаком с силами природы и свойствами тех тел, которые входят в круг его занятий; ему должно быть известно, как одно тело действует на другое, какие при этом бывают явления, и отчего они происходят; наконец он должен знать положение и движение тел и т. п.»* [Сборник материалов..., 1865 б. (Письмо горного советника Райзера к бар. Корфу, от 28 марта 1736 г.) С. 233]. В итоге первоначально молодые люди были направлены на учебу в Марбург (Германия) к профессору физики Х. Вольфу, а лишь затем во Фрейберг к профессору Генкелю.

Жизнь русских студентов за границей постоянно осложнялась из-за задержек в получении денег на содержание и обучение. Тем не менее руководство Санкт-Петербургской академии наук требовало от молодых людей подробных научных и финансовых отчетов. Кроме того, каждое полугодие Ломоносов с отчетами отправлял в Академию и свои научные труды. Известно, что Х. Вольф был доволен успехами юноши, выделяя его из других студентов. Так, в 1738 г. он сообщал в Петербург: *«У г. Ломоносова, по-видимому, самая светлая голова между ними, при хорошем прилежании он мог бы и научиться многому, выказывая большую охоту и желание учиться»* [Ишлинский, Павлова, 1986, с. 26–27].

В июле 1739 г. молодые люди прибыли во Фрейберг к Генкелю для изучения горного дела и металлургии, практической и теоретической химии. В этот период Ломоносов увлекся теоретическими основами русской поэзии: изучил знаменитый трактат В.Е. Тредиаковского* о стихосложении, который он вез в своем багаже, попытался сам

* **Василий Кириллович Тредиаковский** (1703–1768) – русский поэт, переводчик и филолог XVIII в., один из основателей силлабо-тонического стихосложения в России, профессор Санкт-Петербургской академии наук с 25 июля [5 авг.] 1745 г. по 30 марта [10 апр.] 1759 г.).

сочинять стихи. Вдохновленный победой русских войск над турками в августе 1739 г., Ломоносов написал большую оду «На взятие Хотина». Это произведение стало первым опытом поэта в жанре победно-патриотической оды и силлабо-тонического стихосложения.

В предисловии к «Оде на смерть господина Ломоносова, члена Академии наук в С.-Петербурге», И.И. Шувалов* указывал: *«По возвращении на родину адресованная им (Ломоносовым. – Авт.) императрице Анне ода на победу при Хотине приобрела ему славу превосходного поэта. В самом деле, это первое произведение его исполнено энергии, новых идей и возвышенных образов. Его талант был вознагражден и с тех пор возрастал и укреплялся»* (<http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/bio/babkin-biografii-sovremennikov/shuvalov-predislovie-k-ode.htm>).

Впоследствии В.Г. Белинский в своей статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» отмечал: *«Тредьяковский был еще в цвете своей славы и еще только шесть лет величал себя «профессором элоквиции и хитростей пиитических»; еще молодой, но больной, слабый и уже близкий к смерти, Кантемир** был жив, когда в 1739 году двадцативосьмилетний Ломоносов – Петр Великий русской литературы – прислал из немецкой земли свою знаменитую «Оду на взятие Хотина», с которой, по всей справедливости, должно считать начало русской литературы»* [Белинский, 1914 б, с. 389].

В начале мая 1740 г. Ломоносов, неудовлетворенный программой преподавания, поссорился с Генкелем и уехал из Фрейберга в Марбург, где женился на дочери церковного старшины Елизавете Цирльх (этот брак Ломоносов долго держал в тайне). Академия наук после получения рапорта Генкеля от 20 июня вызвала Ломоносова обратно в Санкт-Петербург и известила Генкеля и русского посла в Дрездене барона Германа Карла фон Кейзерлинга, но не самого

* **Иван Иванович Шувалов** (1727–1797) – русский государственный деятель, меценат, фаворит императрицы Елизаветы Петровны, первый куратор Московского университета (1755), первый главный директор Императорской академии художеств (1757), почетный член Императорской академии наук (1778), действительный член Императорской академии российской (1783), член Лондонского королевского общества (1758). Друг и покровитель М.В. Ломоносова. Один из создателей Академического словаря, основатель первого в России литературного салона. Вместе с княгиней Е.Р. Дашковой (директором Академии наук и художеств, председателем Академии российской) Шувалов издавал журнал «Собеседник любителей российского слова».

** **Князь Антиох Дмитриевич Кантемир** (1709–1744) – русский поэт-сатирик и дипломат молдавского происхождения. Наиболее крупный русский поэт силлабической эпохи (см. раздел 2.3.). Принимал активное участие в событиях, приведших к приходу к власти императрицы Анны Иоанновны.

Ломоносова, поскольку его местопребывание никому не было известно. Русский студент сам стремился с помощью барона Кейзерлинга уехать в Россию. Он долго искал барона в разных городах Германии и Голландии однако нигде его не застал. Ломоносов решил вернуться в Марбург, но по дороге был схвачен и насильно завербован в прусскую армию, оказался в казарме в Везеле, прослужил несколько недель и смог оттуда сбежать. В октябре 1740 г. Ломоносов опять прибыл в Марбург, откуда 16 ноября отправил Шумахеру пространное письмо, в котором, в частности, сообщал: *«В настоящее время я живу инкогнито в Марбурге, у своих приятелей, и упражняюсь в алгебре, намереваясь оную к теоретической химии и физике приложить. Утешаю себя тем, что мне удалось в знаменитых городах побывать, поговорить с некоторыми искусными химиками, осмотреть их лаборатории и взглянуть на рудники в Гессене и Зигене»* [Меншуткин, 1936, с. 39].

М.В. Ломоносов возвратился в Санкт-Петербург в июне 1741 г., и неслучайно его первой научной работой в России стал «Каталог камней и окаменелостей Минерального кабинета Кунсткамеры Санкт-Петербургской академии наук», который он составил по поручению своего куратора профессора Иоганна Аммана. Кроме того, по указанию И. Шумахера Ломоносов переводил статьи академика по классу физики Г.В. Крафта для «Примечаний» к «Санкт-Петербургским ведомостям» [Меншуткин, 1936].

После дворцового переворота, произошедшего 25 ноября 1741 г. и возведшего на престол Елизавету Петровну, Ломоносов по поручению Шумахера переложил на русский язык оду профессора Якоба Штелина (1709–1785; профессор элоквенции и поэзии с 1737 г.), сочиненную на немецком языке к 18 декабря по случаю дня рождения императрицы. Этот стихотворный перевод, написанный новым тогда размером, понравился при дворе и доставил Ломоносову широкую известность в Свете.

<...>

В 1742 г. Ломоносов стал адъюнктом по классу физики, в связи с чем Шумахером и секретарем Сергеем Волчковым было подписано определение: *«По указу Ея И. В. академия наук, слушав поданного студента Михаила Ломоносова доношения, которым просит об определении его адъюнктом физического класса с награждением жалованья, того ради академия наук приказали: оному студенту Ломоносову, который специмен своей науки еще в июле месяце прошлого*

1741-го году в конференцию подал, который от всех профессоров оной конференции опробован, к тому-ж и в переводах с немецкаго и латинскаго языков на российский язык довольно трудился, до дальнаго указа из правительствующаго сената и до нарочнаго от академии определения быть ему, Ломоносову, адъюнктом физического класса, и жалованья производить ему сего 1742-го году генваря с 1-го числа по триста по шестьдесят рублей на год, считая в то число квартиру, дрова и свечи. И о том для ведома комиссару Камеру дать указ» [Материалы..., 1889, док. 21 от 28 янв. 1742 г., с. 29]. Звание адъюнкта давало Ломоносову право участвовать в академических конференциях (собраниях), открывало путь к самостоятельному научному творчеству. В то время Ломоносов, уже в качестве адъюнкта, приступил к созданию первого в России учебника по экспериментальной физике – перевода на русский язык шестого раздела книги Л.Ф. Тюмминга «Наставления по вольфианской философии, переработанные для университетов». Этот перевод в 1745 г. был опубликован под названием «Христиана Вольфа сокращенная экспериментальная физика, с латинского на российский язык переведенная» и стал первым учебником по экспериментальной физике на русском языке. Тем самым в российскую языковую практику были введены десятки важнейших физических понятий. В год издания вольфианской физики М.В. Ломоносов приступил в Академии к чтению публичных лекций по физике.

Следует напомнить, что после возвращения Ломоносова в Россию сама Академия наук была без президента. Это обстоятельство на фоне постоянного ее недофинансирования вызывало возмущение среди профессоров и недоверие к Шумахеру, как руководителю. Первыми, кто выразил недовольство Шумахером, стали профессор Ж. Делиль и советник академической Канцелярии механик **Андрей Константинович Нартов** (1693–1756; русский ученый, механик и скульптор, статский советник), которые обратились в Сенат с жалобой на злоупотребления своего руководителя. С устными обвинениями Шумахера в воровстве выступал и Ломоносов. В результате на место Шумахера был назначен сам А.К. Нартов: *«Понеже по высочайшему Ея И. В. именному сего 742-го году октября 7-го числа указу между прочим велено: оной академии наук о советнике Шумахере и о прочих в непорядочных поступках и в похищении многой казны изследовать; а чтоб оная академия между тем, пока следствие будет производиться, без действия не была, определить кого надлежит людей добрых, по разсуждению комиссии, а над всем тем, что было в ведении Шумахеровом,*

Андрей Константинович
Нартов. Неизвестный художник
середины XVIII в. на основе
прижизненного портрета
работы И.Н. Никитина.
Государственный Эрмитаж

*смотрение поручить советнику
Нартову до указу...»* [там же, док. 418
от 9 дек. 1742 г., с. 448].

Считается, что Нартов не сумел
найти взаимопонимания с академи-
ками и пробыл в этой должности
около года. Однако надо иметь
в виду, что деятельность Нартова, как
руководителя Академии, проходила
в условиях работы Следственной
комиссии, и Нартов по своему поло-
жению оказался напрямую вовлечен
в следственные мероприятия. Он был
поставлен в условия, при которых
сложно сохранить ровные отно-
шения с коллегами. Налаживанию
взаимопонимания с профессорами
мешало также незнание Нартовым
иностраных языков, на которых
общались между собой члены Ака-

демии. Сторонникам Шумахера удалось организовать конфликт Ломоносова с профессором Х.Н. Винсгеймом, при этом Ломоносов даже был лишен права посещать академические конференции, служившие важной формой научной деятельности Академии. Отсутствие допуска к участию в академической Конференции спровоцировало еще больший скандал между русским ученым и некоторыми профессорами, причем форма, которую Ломоносов придал своему протесту, была груба, хотя при нравах того времени в Академии это не являлось исключительным случаем [Ишлинский, Павлова, 1986].

Работа Следственной комиссии сложилась так, что обвинители сами вскоре оказались на положении обвиняемых. В документе Следственной комиссии, подводящем итоги проводимого следствия [Материалы..., 1889, док. 682 от 13 июля 1743 г., с. 741–753], по отношению к Ломоносову, в частности, было сказано: *«А оные свидетели допрашиваны, и объявили по присяжной должности, кто что видел и слышал: 1) что оный Ломоносов в вышепоказанные департаменты приходил пьян, в шляпе. 2) Как вошел в архиву ко оному профессору Винсгейму, который де по учивству встал, и оный де Ломоносов стал ему говорить, чтоб он опять сел, то профессор ему, Ломоносову,*

ответствовал, что де он сядет и без его просьбы; а ежели де он, Ломоносов, безчинствовать не перестанет, то можно будет сыскать способ, чтоб его вывести вон. 3) После которых слов он, Ломоносов, бранил всех, которые ему отказали от конференции, позорною немецкою бранью; на что де ему профессор отвечивал: “Изрядно! Я запишу и донесу в надлежащем месте”. И на то де Ломоносов сказал: “Пиши! Я сам столько разумею, сколько профессор, да к тому ж я де природный русский”, 4) и надев шляпу, повторил те ж речи позорную немецкою бранью и называл тех ворами, которые ему отказали от конференции, а потом де с гордою и презрительною поступкою пошел в географический департамент. 5) Он же, Ломоносов, притом ставил кукиши и бил в ладони, 6) да при том же он, Ломоносов, профессора Винсгейма бранил всякими ругательными словами: что де он о себе думает, ведь де он не генерал. Я де не хуже его, Винсгейма. А потом, вышел вон, всех профессоров поносил непристойными словами, с криком, и советника Шумахера называл вором, а профессоров всех плутами. 7) И ежели де профессор Винсгейм ему хотя одно слово скажет, то де он ему зубы поправит, указывая притом руками, каким образом он то сделать хочет. 8) А как из тех свидетелей адъюнкту Трескоту* стал ему, Ломоносову, такие его непристойные поступки и бесчинства представлять, то де он, Ломоносов, ухватя его за грудь, хотел его бить, говоря притом самые скверные мужицкие брани, а потом осмелился его, Трескота, из полаты вон высылать. Да притом же он, Ломоносов, говорил, что де он, Винсгейм, капитан, и я де капитан. Я де календарь и сам сочиню не хуже его. Да справкою из академии наук об оном же Ломоносове показано: когда де еще оный Ломоносов в немецком городе Фрейберге учился, то от учителя и надзирателя его, горного советника Генкеля, были многия письма о непорядочных и беспокойных его поступках, отчего он и оттуда почти тайным образом уехал. А в сентябре месяце 742-го году в драке взят был на съезжую и отослан в полицию, а оттуда прислан при промемории в академию...» [там же, с. 748–749]. Ломоносову, по мнению комиссии,

* **Иван Фомич Трускотт (Трескотт)** (Иоганн или Джон) (1721–1786) – русский географ и картограф английского происхождения. Получил образование в академической гимназии, после чего стал ассистентом картографа и астронома Ж. Делиля. В июне 1742 г. он стал адъюнктом Императорской академии наук в Санкт-Петербурге, а с 1745 г. – действительным членом (профессором). В сотрудничестве с профессором-картографом Якобом Фридрихом Шмидтом в 1776 г. составил полную карту Российской империи, которая стала одной из лучших полных карт России того времени.

«надлежало было... учинить наказание. Однако оное мнение предать во всевысочайшую волю...» [там же, с. 752].

В конце мая 1743 г. Михайло Ломоносов был арестован и отправлен в караульное помещение. Вскоре, находясь под арестом, молодой адъюнкт заболел. За его освобождение выступили профессора Академии, причем причина их столь дружного участия в судьбе русского ученого заключалась не в его болезни, а в отлучении Ломоносова от научной работы: *«По указу Ея И. В. академия наук, по доношению адъюнкта Михайлы Ломоносова, которым представлял, что минувшаго мая 21-го дня сего 1743-го году в следственной о академии наук комиссии били челом на него, Ломоносова, академии профессоры, по которому их челобитью оная комиссия приказала его, Ломоносова, арестовать, под которым и поныне содержится, через что отлучен он от наук, а особливо от сочинения полезных книг и от чтения публичных лекций. А понеже от сего случая не токмо искренняя его ревность к наукам в упадок приходит, но и то время, в которое бы другим учением своим пользоваться мог, тратится напрасно, отечеству пользы не происходит, ибо оный находится в крайнем огорчении, и требовал, чтоб его, Ломоносова, из под аресту для показанных притчин освободить, – того ради приказали: в следственную о академии наук комиссию внести доношение, в котором написать, чтоб благоволила оная комиссия реченного Ломоносова, для показанных от него притчин, из под караулу свободить, дабы оный помянутыя свои, до наук касающиеся свободно исправить мог»* [Материалы..., 1889, док. 671 от 30 июня 1743 г., с. 729–730]. Подписали послание Андрей Нартов и секретарь Академии Сергей Волчков.

После возвращения домой Ломоносов продолжал содержаться под стражей. Именно в этот период ученый активно работал, успешно решая многие научные задачи: обосновал учение о строении вещества, развил свои естественно-научные и философские воззрения, выдвинул атомистическую теорию и т. п. Кроме того, в период содержания под стражей он сумел создать и поэтические произведения: «Утреннее размышление...», «Вечернее размышление...», собирал материалы для написания «Риторики» и др.

Материальное положение Ломоносова в тот период было крайне тяжелым, однако и в самой Академии дела шли не лучшим образом. В этом плане показательна резолюция Академии на доношение Ломоносова о своей бедственной ситуации:

«Академии наук доносит тоя же академии адъюнкт Михайло Ломоносов, а о чем, тому следуют пункты.

1.

Надлежит мне, нижайшему, из академии наук донять заслуженного мною жалованья за сентябрьскую треть прошлаго 1742-го года и почти за две трети сего 1743-го года. И так почти за целой год я нижайший жалованья от академии не получал и от того пришел в крайню скудость.

2.

А ныне я нижайший нахожусь болен и при том не токмо лекарства, но и дневной пищи себе купить на что не имею, и денег взаймы достать нигде не могу.

Того ради академию наук покорнейше прошу, дабы повелено было на щет заслуженного мною жалованья для моего содержания выдать денег сколько академия наук за благо рассудить.

Доношение писал адъюнкт Михайло Ломоносов и руку приложил.

Подано в канцелярию акад. наук 9-го сентября 1743-го году.

За неимением в казне денег, выдать Ломоносову пять рублей (выделено мной. – В.Б.)» [там же, док. 757 от авг. 1743 г., с. 854–855].

Очевидно, прав был русский химик и историк химии биограф М.В. Ломоносова Борис Николаевич Меншуткин, утверждая, что «Повидимому, арест послужил ему (Ломоносову. – Авт.) на пользу: создается впечатление, что он таким образом получил необходимые досуг и покой, позволившие предаться научной работе...» [Меншуткин, 1936, с. 52].

В конце 1743 г. в Академию возвратился Шумахер, с которого были сняты все выдвинутые против него обвинения: «По указу Ея И. В. академия наук, по присланному Ея И. В. указу сего декабря 5-го дня из правительствующаго сената, в котором объявлен именной Ея И. В. указ, за подписанием Ея И. В. собственныя руки, которым все милостивейше повелено советнику Шумахеру быть у дел в академии попрежнему, и на которое время жалованья он не получал, оное ему выдать, а касающиеся до него по той академии дела рассмотреть в сенате, чего ради в правительствующем сенате определено: объявленного советника Шумахера призвав в сенат, оный Ея И. В. указ ему объявить, и чтоб он в то дело вступил конечно сего числа; а советнику Нартову быть у прежняго дела, у которого он до отрешения советника Шумахера был; а оному советнику Шумахеру заслуженное жалование на которое время он не получал, выдать; а вышеписанные дела, кои следовались в комиссии, внести при доношении с описью в сенат немедленно, – и во исполнение оных Ея И. В. указов, академия наук приказали: во все академические

департаменты, також и в экспедицию лаборатории механических и инструментальных наук, послать указы, в которых написать, чтоб все академические служители ему, советнику господину Шумахеру, были во всем послушны, а притом от всех департаментов потребовать ведомости, что со вступления советника господина Нартова сделано и ныне что делают и что чего недоделано, дабы канцелярии оное все было известно». Подписи И.Д. Шумахера и секретаря Сергея Волчкова [Материалы..., 1889, док. 908, от 7 дек. 1743, с. 985–986].

Следом, после снятия обвинений с Шумахера, Ломоносов в середине января 1744 г. был освобожден из-под ареста, причем ученый по постановлению Сената вынужден был принести извинение профессорам, с которыми находился в ссоре. Фактически Ломоносов провел в заключении семь месяцев – два в тюрьме и пять под домашним арестом. В качестве наказания Ломоносову решено было выплачивать лишь половину жалования в течение года, тем не менее уже в июле жалование было восстановлено. Вскоре к Ломоносову из Германии приехала жена с ребенком, которых он из-за неопределенности по службе не мог выписать в Россию раньше.

Удивительно, но ни арест, ни тяжелое материальное положение, ни болезнь не помешали Ломоносову в 1744 – первой половине 1745 г. написать и представить в академическое собрание три диссертации, получившие общее одобрение: «О действии химических растворителей вообще», «Физические размышления о причинах тепла и холода», «О вольном движении воздуха, в рудниках примечаемом». Причем первые две работы были посланы Эйлеру, приславшему восхищенный отзыв: *«Все сии сочинения не токмо хороши, но и превосходны, ибо он изъясняет физические и химические материи самые нужные и трудные, кои совсем неизвестны и невозможны были к истолкованию самым остроумным ученым людям, с таким основательством, что я совсем уверен в точности его доказательств...»* [Ломоносов..., 2011, с. 24].

В начале 1745 г. Двор вернулся из Москвы в Санкт-Петербург, и Ломоносов в апреле подал на высочайшее имя прошение-челобитную о производстве в профессору. Обращение было рассмотрено на Конференции 3 мая 1745 г., и академики решили *«для большего порядка, чтобы конференции был представлен образчик в виде диссертации»* [Меншуткин, 1936, с. 53]. Ломоносову было предложено взять тему по металлургии. Защита диссертации «о светлости металлов» во внеочередном порядке была защищена на Конференции 14 июня того же года. Члены академического собрания признали возможным присвоить

Скульптура М.В. Ломоносова.
Скульптор Леонид Баранов.
Москва, парк искусств «Музеон».
Фото В. Богатова

Портрет В.К. Тредиаковского.
Лит. Бирстена. Государственный
музей-усадьба «Остафьево» –
«Русский Парнас»

Ломоносову звание профессора по классу химии, в связи с чем в Правительствующий Сенат ушло доношение, в котором вместе с Ломоносовым предлагалось рассмотреть вопрос и о присвоении звания адъюнкта русскому студенту Степану Крашенинникову:

«Адъюнкт академии Михайла Ломоносов да студент Степан Крашенинников в разных месяцах и числах сего году били челом о произведении своем, Ломоносов в профессору, а Крашенинников в адъюнкты. По которому их челобитью требовано от конференции о успехах их в науках и о достоинстве к произведению письменного известия, которое в конференции от профессора Винсгейма 4-го числа сего июля и получено, с таким засвидетельствованием, что Ломоносов по искусству своему в науках и по усмотрению профессоров, бывших в собрании профессорском, химии, а Крашенинников адъюнктом натуральной истории быть удостоены. Но понеже канцелярия академии наук, будучи ныне без президента, оных Ломоносова и Крашенинникова в аттестованные чины собою определить не смеет, того ради в канцелярии академии наук определено: внести о том в правительствующий сенат доношение и требовать о определении их, Ломоносова и Крашенинникова, в означенные чины указа...»
[Материалы..., 1895 а, док. 531 от 8 июля 1745 г., с. 448].

Вскоре, 7 августа, последовал высочайший указ: «*секретарю Тредьяковскому (Тредиаковскому) и адъюнкту Ломоносову быть при Академии профессорами с июля 25 дня... Правительствующий Сенат приказали: означенных Тредьяковского и Ломоносова призвав в Правительствующий Сенат и о пожаловании их профессорами, тако ж и студенту Крашенинникову о бытии по указанному представлению адъюнктом объявить указ и привести к присяге и за повышение их учинить вычет по указу...*» [Меншуткин, 1936, с. 54].

Получив академическое звание, Ломоносов представил коллегам обоснование о необходимости постройки при Академии химической лаборатории, доказывая важность и государственную значимость химических исследований. Идея Ломоносова получила поддержку академического собрания, от имени которого в декабре 1745 г. в Правительствующий Сенат направлено доношение: «*Прошедшаго октября... профессор Михайла Ломоносов объявил в помянутом собрании, что он по возвращении своем из Германии, будучи адъюнктом, просил в канцелярии академической о учреждении химической лаборатории троекратно... И для того предложил он в том же собрании, чтоб именем всего собрания о учреждении помянутой химической лаборатории просить в правительствующем сенате. И понеже мы все обще усмотрели, что химическая лаборатория при академии для исследования натуральных вещей весьма нужна и профессор химии без оной надлежащая пользы приносить не может, равно как профессор астрономии без обсерватории и надлежащих к тому инструментов, того ради правительствующий сенат всепокорнейше просим, дабы по примеру других славных академий повелено было при академии наук построить химическую лабораторию, по приложенному при сем рисунку, и оную удовлетворить нужными к тому инструментами и другими принадлежностями, и на то определить особливую сумму, сверх положенной на академию наук...*» [Материалы..., 1895 а, док. 799 от дек. 1745 г., с. 753–754].

Предпринятые меры принесли успех: Указ о постройке лаборатории был подписан в середине 1746 г. Это обстоятельство позволило Ломоносову вплотную заняться организацией будущих физико-химических исследований, оснастить лабораторию новейшими приборами, обеспечить ее широким набором реактивов. В химической лаборатории Ломоносов проводил исследования по химии и технологии силикатов, по обоснованию теории растворов, опыты по обжигу металлов, пробы и анализы руд. Так, благодаря опытам по обжигу металлов он высказал мнение, что увеличение веса металла при

обжигании происходит от соединений металла с воздухом... К сожалению, члены академического собрания не поддерживали ученого, и поэтому эта работа не была опубликована. Лишь через 17 лет француз А. Лаувазье, пользуясь более совершенными приборами, провел аналогичные опыты, а позднее сформулировал закон сохранения вещества.

В своей лаборатории Ломоносов открыл способ изготовления цветного стекла. Впоследствии он начал строительство фабрики для его производства, которое использовали как в мозаике, так и для изготовления бусин и бисера. Мозаичные картины, выполненные М.В. Ломоносовым и сотрудниками его мастерской, сыграли новаторскую роль в русской культуре XVIII в., возродив мозаичное искусство, утраченное в России после XIII в. Одним из выдающихся мозаичных произведений Ломоносова стало панно размером 4,81 на 6,44 м «Полтавская баталия», посвященное победе Петра I в Полтавской битве, которое и по настоящее время находится в здании Санкт-Петербургской академии наук. 10 октября 1763 г. Ломоносов за мозаичные работы избран членом Академии трех знатнейших художеств (см ниже).

Мозаичное полотно «Полтавская баталия» М.В. Ломоносова. 1762–1764. Санкт-Петербург. Здание Академии наук. Фото из открытых источников

Создание химической лаборатории Б.Н. Меншуткин считал великой заслугой Ломоносова, поскольку здесь велись не только *«всевозможные научные и аналитические исследования, но и где в то же время обучались и студенты: именно в этой лаборатории Ломоносов читал свои лекции физической химии и там же вел со своими слушателями учебные практические работы. Подобных лабораторий при высших учебных заведениях в то время не было; расширение практических сведений по химии происходило так, что желающий получить таковые становился учеником или ассистентом какого-нибудь выдающегося ученого и постепенно выучивался от него всему необходимому... У частных учителей были устроены такие лаборатории для своих учеников – в такой лаборатории И.Ф. Генкеля и обучался М.В. Ломоносов во Фрейберге»* [Меншуткин, 1936, с. 516].

<...>

21 мая 1746 г. произошло событие, оказавшее благоприятное влияние на развитие Академии наук. В этот день президентом Академии был назначен граф Кирилл Григорьевич Разумовский, который стал пятым президентом Императорской Академии наук и художеств и первым русским президентом, не немцем по происхождению [Материалы..., 1895 б, док. 152 от 23 мая 1746 г., с. 114].

Официально К.Г. Разумовский занимал этот пост по 1798 г., а фактически – до 1765 г. Таким образом, его президентство в основном совпало с периодом царствования императрицы Елизаветы Петровны.

Сам Кирилл Григорьевич благодаря влиянию старшего брата – фаворита императрицы – получил хорошее образование, одной из составляющих которого стало его двухлетнее путешествие по Европе под присмотром адъютанта Г.Н. Теплова, прохождение курса в Геттингенском университете и обучение под началом самого Леонарда Эйлера.

Первых и весьма положительных результатов новому президенту удалось добиться уже через год после вступления в должность. В частности, 24 июля [4 авг.] 1747 г. был утвержден первый «Регламент Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге» с разделением ее на Академию и университет* и «Штат Санкт-Петербургской

* После принятия Регламента университет и академия художеств в официальных документах стали указываться, как отдельные новоучрежденные составляющие Академии наук: *«Понеже данный за собственноручным подписанием Ея И. В. именной указ правительствующему сенату о том, чтоб ... все верноподданные не пренебрегали доброго случая отдавать своих детей для обучения наукам и художествам в новоучрежденном*

Императорской академии наук и художеств» [Регламент..., 1747]*. Впервые к официальному названию Академии наук было добавлено слово «императорская», что свидетельствовало о повышении ее статуса в государстве.

Было определено, что «Академиков должно быть десять, и они собственно сим именем называются, а не Профессоров...» [ст. 8; здесь и далее – ссылки на статьи из: «Регламент..., 1747»], которыми отныне именовались преподаватели университета. «Всяк Академик иметь должен при себе Адъюнкта, который должность имеет помощника академику...» [ст. 9]. Президент Академии имел право «выписать или отпустить

надлежащим порядком всякого Академика» [ст. 12], а что касается при «произведении кого в Академики из Адъюнктов», то необходимо было «при том стараться, чтоб адъюнкты были все из русских...» [ст. 13].

Впервые в деятельность Академии вводился собственный конкурс научных работ по аналогии с европейскими конкурсами: «При начале всякого года Академики должны предложить задачу, которую Президент через Конференц-Секретаря публиковать имеет в свет для решения, с обещанием положенного награждения, которое дано будет тому, кто решит справедливее задачу, а производить сие таким образом, как то при прочих Академиях водится» [ст. 21].

В Регламенте закреплялся статус университета и гимназии, обосновывался принцип бесплатного обучения, действовавший

университете и академии художеств... (выделено мной. – В.Б.)» [Материалы..., 1895 б, док. 705 от 18 авг. 1747 г., с. 530].

* Следом Сенатом было принято решение, «...итат хранить в секрете, для тех резонов, которые довольно видимы в регламенте» [Материалы..., 1895 б, док. 705 от 18 авг. 1747 г., с. 531], с последующим уточнением: «чтоб о окладах содержано было в секрете» [там же, док. 812 от 17 ноября 1747 г., с. 602].

Граф Кирилл Григорьевич Разумовский. Президент Академии наук в 1746–1798 гг. Художник Луи Токке. 1758 г. Третьяковская галерея

со времени создания Академии. Работа и обучение стали более организованными.

Полный курс университетского обучения включал 12 предметов [ст. 45]:

«1. Латинский язык через русский, в которой не должен мешаться никакой иностранной Французской и Немецкой.

2. Просодия (система фонетических средств речи. – Авт.).

3. Язык греческий.

4. Латинское красноречие.

5. Арифметика.

6. Рисовать.

7. Геометрия и прочия части математики.

8. География, история, генеалогия и геральдика.

9. Логика и метафизика.

10. Физика теоретическая и экспериментальная.

11. Древности и история литеральная (прил.устар. – буквальная. – Авт.).

12. Права натуральные и философия практическая или нравоучительная».

Университет являлся отдельной частью Академии, и при отсутствии в стране иных светских высших учебных заведений был необходимым условием подготовки будущих национальных кадров ученых. В частности, в Регламенте было указано, что *«Россия не может еще тем довольствоваться, чтоб только иметь людей ученых, которые уже плоды науками своими приносят, но чтобы всегда на их места заблаговременно наставлять в науках молодых людей; а особливо что за первый случай учреждение Академическое не может быть сочинено иначе как из иностранных по большей части людей, а впредь должно оно состоять из природных Российских: того ради к Академии другая ея часть присоединяется университет»* [ст. 36]. Было определено, что *«Университет есть собрание учащихся и учащих людей. Первые называются Профессоры, а другие студенты. Профессоры не обучают языков, но обучают наук. Того ради студенты должны уже искусны быть в языке латинском.....»* [ст. 37], то есть студенты университета помимо русского уже должны были владеть латинским языком, а для отбора пригодных студентов при Академии учреждалась гимназия, в которой преподавание проводилось учителями на русском языке: *«Учители все обучать должны на Русском языке, а Профессоры на Латинском»* [ст. 46]. В университете должно было обучаться

Часть текста Регламента Императорской академии наук и художеств
в Санктпетербурге. 1747 г.

30 студентов, а в гимназии — 20 учеников. Официальным языком Академии кроме латинского признавался и русский язык.

С принятием Регламента финансирование Академии было увеличено почти вдвое и составило 53.298 рублей. Причем увеличение финансирования было направлено в основном на содержание при Академии наук Академии художеств, что следует из повеления «нашему сенату» императрицы Елизаветы Петровны от 24 июля 1747 г.: «...Но понеже государя родителя Нашего намерение было к оной (Академии наук. — Авт.) и академию художеств, без которой академия наук сама собою толь совершенной пользы производить не может, присоединить, еже мало-по-малу и заведено и империи Нашей действительные плоды принесло, а по сие время на содержание и размножение оной надлежащей суммы не положено; того ради, имея матернее попечение о приращении в народе Нашем художеств и совершая полезные родителей наших виды, всемилостивейше повелеваем: к помянутой академической сумме, на содержание академии художеств и на распространение Нашей библиотеки и кунсткамеры, еще двадцать восемь тысяч триста восемьдесят шесть рублей прибавить... А каким образом ученые люди при академии наук и в прочем поступать имеют, о том мы сочиненный регламент всемилостивейше апробовав, академию наук снабдили» [Материалы..., 1895 б, док. 679 от 24 июля 1747 г., с. 516, 517]. Таким образом, одновременно с утверждением Регламента впервые отдельной строкой выделялось финансирование для художественной части Академии,

которая в повелении императрицы именовалась Академией художеств, а сама Академия наук и художеств – Академией наук без второй части названия, что в совокупности определяло фактическую самостоятельность Академии художеств.

Отныне в деятельности Академии закреплялось два направления работы – науки и искусства, что в том числе следовало из ее официального названия: «Академия наук и художеств». В соответствии с Регламентом к искусствам были отнесены две типографии (одна для печатания книг на иностранных, а другая – на русском языках), книжная лавка, словолитное искусство, переплетное мастерство, типография грьдоровальных фигур, а также художники и мастерские люди, в том числе: архитектор, грьдоровальщики портретов, проспектов и литер, живописцы и инвенторы (устар. – авторы изображений на медалях, фейерверков и иллюминаций, архитектурных украшений и пр. – Авт.), а также *«разного дела мастер, механик для делания инструментов математических, мастер барометров, часовой, слесарной, столярной, и токарной мастер»* [ст. 59]. Распоряжением Канцелярии от 18 [29] мая 1748 г. при Академии наук для решения различных дел, «до художеств касающихся», было учреждено так называемое Собрание Академии художеств. В него первоначально вошли надворный советник Штелин, архитектор И.Я. Шумахер и работавшие в Академии наук художники Гриммель и Валериани [Материалы..., 1897, док. 263 от 18 мая 1748, с. 214].

Несмотря на утвержденные Регламентом и Штатом два официальных названия Академии, как Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге» и «Санкт-Петербургской Императорской академии наук и художеств», в документообороте эти названия практически не использовались. Как и ранее, входящие документы наиболее часто сопровождалось обращением: «*В канцелярию академии наук репорт/доношение...*»; реже – «*В канцелярию императорской академии наук репорт*» [например, Материалы..., 1900, с. 149, 150 и др.] или «*санктпетбургской императорской академии наук...*» [там же, с. 162].

В Академии наук в то время было 2 канцелярии – в Москве главная и санктпетбургская. Например, в преамбуле к документу № 178 от 5 окт. 1749 г. читаем: «*В главную канцелярию академии наук, в Москву, послать репорт...*» [там же, с. 119]. Можно встретить и такие обращения: «*В санктпетбургскую канцелярию академии наук доношение...*» [там же, с. 144] или: «*По указу Ея И. В. из главной канцелярии академии наук и по резолюции санктпетбургской*

канцелярии академии наук... велено...» [там же, с. 165]. Документы, поступающие из главной Канцелярии, шли за подписью Григория Теплова, а из санктпетербургской – советника Шумахера.

В официальных документах Академия художеств упоминается исключительно как самостоятельное подразделение. Например, в документе № 179 от 6 окт. 1749 г. указано, что «...*статуя, коя находится в канцелярии, отослать в академию художеств при копии с сего журнала...*» [Материалы..., 1900, с. 119]. Или в документе № 213, читаем строки: «*В канцелярию императорской академии наук репорт. Понеже намерение принято академию художеств в наисовершеннейшее состояние привести...*» [там же, с. 150]. Вопросы Академии художеств в Канцелярию Академии наук направлялись следующим образом: «*Рапорт в канцелярию академии наук из собрания академии художеств*» [там же, с. 132]. И, наконец, в документе № 892 от 10 дек. 1750 г. читаем: «*В канцелярию академии наук из канцелярии (выделено мной) академии художеств репорт...*», включавший запрос об оплате труда мастера Вортмана за подписью I. Stehlin [там же, с. 669]. Таким образом, к концу 1750 г. Академия художеств обзавелась даже собственной канцелярией.

Следует напомнить, что преподавание живописи и скульптуры было введено в Академии наук еще при Екатерине I, однако рисовальные классы Академии первоначально были предназначены исключительно для обслуживания научных целей. Что касается развития в последующие годы художественного образования, то как справедливо отмечал Вернадский: «... *такое соединение было мертворожденным; оно встретило глухое сопротивление в академической среде, противоборствующие ему традиции были слишком сильны, а борьба с ними не очень убежденных влиятельных кругов оказалась невозможной. В 1764 г. была образована отдельная императорская Академия художеств, а Академия наук понемногу свела на нет исполнение чуждых ей задач*» [Вернадский, 2002 в, с. 326].

Любопытно, что науки в самой Императорской академии наук и художеств откровенно ставились много выше художеств. В частности, по Регламенту 1747 г. для академической гимназии рекомендовалось: «*годных производить в студенты, а не годных отдавать в Академию художеств*» [ст. 37]. Эта позиция продолжала практику первого года работы Академии, когда в печатном объявлении от 14 января 1726 г. о начале публичных лекций академиков говорилось, что юноши, «*которые высоким наукам учиться не могут, но однакож другие художества, в житии человеческом преползные,*

переимать желают...» [Материалы, 1885, док. 362 от 14 янв. 1726, с. 171].

<...>

При Разумовском широко развернулась не только научная, но и научно-организационная и педагогическая деятельность М.В. Ломоносова. В начале 1750-х гг. Ломоносов начинает читать новый курс по физической химии* в академическом университете. С 1755 г. под началом Ломоносова при Академии наук начинает издаваться первый в России русскоязычный научно-популярный журнал «Ежемесячные Сочинения к пользе и увеселению служащих». Позднее появились «Академические известия» и другие популярные издания, переводы иностранной научно-популярной литературы. В октябре 1755 г. Разумовский распорядился о печатании «Российской грамматики» М.В. Ломоносова, которая стала первой научной грамматикой русского языка и сводом правил русских слов.

В 1755 г. по инициативе Ломоносова и Ивана Ивановича Шувалова был основан Императорский Московский университет**, в котором, в отличие от западноевропейских университетов, предусматривался светский характер преподавания, т. е. без богословского факультета. В Университете создали три факультета – философский, медицинский и юридический. Всех учащихся разделили на «своекоштных» и «казеннокоштных». Первые платили за обучение сами, вторые – студенты из бедных семей – содержались за счет государства. Поступить в учебное заведение могли представители любых сословий и ранжины, кроме крепостных крестьян, преподавание велось на русском языке. Неотъемлемой составной частью Университета являлась гимназия, «без которой, как писал Ломоносов Шувалову, *Университет, как пашня без семян*» (Письмо Шувалову от июня–июля 1754 г.; АРАН. Ф. 20. Оп. 3. № 55. Л. 16–17; <http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/>

* Содержание, которое вкладывал Ломоносов в термин «физическая химия», отличалось от понимания этого термина его предшественниками и современниками. Провозглашая физическую химию наукой, Ломоносов, несомненно, видел ее цель в изучении химических превращений физическими методами [Ишлинский, Павлова, 1986]. Как отмечал Б.Н. Меншуткин: «Химия в середине XVIII в. стояла еще на невысокой степени развития, уступая в этом отношении место своей старшей сестре – физике, которая в то время была уже вполне создавшейся наукою, тогда как химия представляла собою искусство... М.В. Ломоносов вполне понимал, что прочные научные основания может дать лишь физика» [Меншуткин, 1936, с. 4].

** Считается, что открыть университет в Москве, а не в Санкт-Петербурге, предложил Ломоносов, поскольку так было дешевле для казны и в Москву было проще добираться студентам из других городов России [Белявский, 1955; Буторина, 2005].

Фасад первого здания Университета на Красной пл.
Рисунок О. Бове, 1816 г. *Из открытых источников*

pisma/letter-47.htm). Кроме того, Шувалову пришла идея основать при Университете первую неправительственную газету «*Московские ведомости*», в которой печатались в основном официальные объявления и статьи университетских профессоров. В 1756 г. при Университете были открыты типография и книжная лавка. В 1779–1789 гг. университетскую типографию возглавлял питомец университетской гимназии, русский просветитель, писатель, журналист, издатель Николай Иванович Новиков (см. раздел 2.3).

Указ об учреждении Московского университета императрица Елизавета Петровна подписала 12 [23] января 1755 г. в День святой Татьяны по православному календарю. И.И. Шувалов выбрал его неспроста – это был день именин его матери, Татьяны Родионовны. Позже этот день стал отмечаться как День российского студенчества. Первые занятия прошли в мае того же года. Организация университета в Москве получила широкую поддержку общественности. Вернадский в «Очерках по истории Академии наук» отмечал: «*Вторая половина XVIII в. резко изменила научную жизнь Москвы. Здесь к 1824 г. оказались независимые и крупные центры научного искания во главе с университетом. Характерной чертой этих центров явилось их быстрое пополнение русскими учеными и горячая поддержка русским обществом. В Московский университет и связанные с ним учреждения за немногие десятки лет притекло столько пожертвований частных лиц, столько созданий библиотек, музеев и т. д., сколько Академия наук не получала в целое столетие своей жизни*» [Вернадский, 2002 в, с. 347].

Еще одно важное событие в жизни российского общества произошло в 1757 г., когда по инициативе И.И. Шувалова и, по-видимому, при участии Ломоносова, указом Сената от 6 [17] ноября была образована «Академия трех знатнейших художеств» (живописи, скульптуры и архитектуры) при Московском университете.* Причем в своем «Представлении президенту Академии наук об ”излишествах, замешательствах и недостатках“ в Академии наук и о мерах ее положения» от 7 [18] января 1758 г. Ломоносов определил задачи академической Академии художеств, как лишней, т. е. отдельной от Академии наук организации, следующим образом: *«главное дело Академии Художеств в том состоит, чтобы обучать рисованью и обще живописи, дабы происходили из ней в общество люди, которые бы во всех тех мастерствах употреблены быть могли, где живописное искусство необходимо потребно, притом пуссировать и архитекторы»* (<http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/document/proekty-pereustroystva-akademii-nauk/science-5.htm>). Очевидно, что здесь Ломоносов имел в виду только что созданную «Академию трех знатнейших художеств», которая в документах часто называлась московской. Что касается художественных подразделений Императорской академии наук, то ученый высказывался за их передачу новой Академии. В частности, в своих «Предложениях об устройстве и уставе Петербургской Академии», составленных в мае–сентябре 1764 г., Ломоносов отмечал: *«Прочие части Академии, в нынешнем ее устройстве, а именно: так называемая Академия Художеств с мастерскими, Типография, Книжная лавка, Ведомственная экспедиция, Переплетная мастерская – все это должно быть отделено от научной корпорации, и каждое учреждение – по своим причинам... Подлинная Академия Художеств – это учреждение чрезвычайно деятельное и нуждающееся в отдельной коллегии для ведения множества особых дел под особым же руководством и надзором. Поэтому, чтобы художества не отвлекали от наук и обратно, надо изъять художества из ведения Академии Наук, тем более, что в этом же городе основана другая Академия Художеств, намного опередившая ту, которая у нас является Академией Художеств скорее по имени, чем по существу. Великая польза произойдет для художеств, если обе Академии Художеств, прочно объединившись в одно целое, совместными усилиями примутся за свое дело. И это соответствовало бы наилучшим иностранным примерам»*

* Первый проект об учреждении в России Академии художеств был представлен императору Петру I Андреем Нартовым 1 [12] декабря 1873 г. [Бумаги императора..., 1873, с. 560–562] (см. раздел 2.2.).

Титульный лист «Привилегия и устав Императорской академии трех знатнейших художеств» [1765]

Печать Императорской академии живописи, скульптуры и архитектуры. Из: [Привилегии и устав, 1765, с. 47]

(<http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/document/proekty-pereustrojstva-akademii-nauk/science-16.htm>). В 1766 г., уже после смерти Ломоносова, Академия художеств при Императорской Академии наук была ликвидирована.

И.И. Шувалов, став первым директором Академии трех знатнейших художеств, разместил ее не в Москве, а в своем дворце в Санкт-Петербурге на Садовой улице. Он пожертвовал ей богатое собрание картин и рисунков, а также библиотеку, позаботился о привлечении опытных педагогов. Занятия начались в 1758 г. Через шесть лет, 4 ноября 1764 г., высочайшим указом Академия художеств была преобразована в самостоятельное учреждение с собственными привилегиями и уставом [Гаврилова, 1973]. С одной стороны, организация художественной Академии снимала с Академии наук не свои-ственные ей функции, с другой – заработал полноценный центр подготовки национальных художников и архитекторов, что позволило в дальнейшем сформировать и отечественные преподавательские силы.

Еще важно упомянуть, что по представлению И.И. Шувалова и с участием Московского университета 21 января [1 февр.] 1759 г. в Казани была открыта Казанская гимназия (учреждена указом Сената

21 июля [1 авг.] 1758 г.), директором которой был назначен один из трех ассессоров, состоявших при Московском университете – известный своей литературной деятельностью **М.И. Веревкин***. Среди первых 14 дворянских детей, поступивших в гимназию, были и братья Державины, один из которых, **Гавриил Романович Державин****, вскоре станет известным поэтом второй половины XIX – начала XIX в. Именно Г.Р. Державин, присутствуя на экзаменах, проходивших в январе 1815 г. в Царскосельском лицее, откроет миру А.С. Пушкина. Наличие в Казани гимназии позволило императору Александру I в 1804 г. на ее основе создать Императорский Казанский университет.

Для понимания значимости организационной деятельности И.И. Шувалова обратим внимание на время, в котором просвещенный вельможа организовывал новые для империи учебные заведения. Дело в том, что в 1756–1762 гг. Россия была вовлечена в так называемую Семилетнюю войну***, в связи с чем экономическое положение в стране было напряженным. Финансовое и организационное участие Шувалова в создании новых учебных заведений в России было, таким образом, определяющим и до последнего времени еще недооценено его потомками по достоинству. Несомненно, Шувалов оставил очень заметный след в истории России. В немалой степени благодаря ему российские наука и искусство того времени смогли выйти на новый уровень своего развития.

<...>

Интересный факт: в ходе Семилетней войны в 1758 г. русские войска впервые заняли территорию Пруссии, причем Кёнигсберг был взят без боя. Пруссакки приветствовали новую власть и русскому генерал-аншефу Виллиму Фермору (1702–1771) горожане 22 января

* **Михаил Иванович Веревкин** (1732–1795) – русский поэт, прозаик, драматург, переводчик. Член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук (1782), член Академии российской (1785).

** **Гавриил Романович Державин** (1743–1816), русский поэт, драматург, крупнейший представитель русского классицизма. Известный государственный деятель при дворе Екатерины II, сенатор (1793), действительный тайный советник (1800), первый министр юстиции (1802–1803).

*** **Семилетняя война** 1756–1763 гг. между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией, Швецией, с одной стороны, и Пруссией, Великобританией (в унии с Ганновером) и Португалией – с другой, вызвана обострением англо-французской борьбы за колонии и столкновением агрессивной политики Пруссии с интересами Австрии, Франции и России. Победы русско-австрийских войск в Кунерсдорфском сражении (1759) поставили Пруссию на грань катастрофы, но новый русский император Петр III заключил с Пруссией в 1762 г. союз, который вззошедшая в том же году на престол Екатерина II расторгла, но войны не возобновила.

[2 февр.] 1758 г. торжественно преподнесли ключи от города у главных городских ворот. Уже через 2 дня, в день рождения короля Пруссии Фридриха II, жители Прусского королевства, желая войти в состав России, добровольно приняли присягу на верность императрице Елизавете Петровне, в том числе присягу принял и знаменитый философ **Иммануил Кант** (1724–1804). Четыре года (с 1758 по 1762 г.) Пруссия являлась частью Российской империи, причем весь этот период русские не нарушали права и свободы местных жителей. Один из старейших университетов Европы Кёнигсбергский университет на это время вошел в состав высших учебных учреждений империи. Надо отметить, что ранее, до вхождения Пруссии в состав России, в этом университете учились герцог Бирон и будущий президент Санкт-Петербургской академии наук граф Кирилл Разумовский. Уже после возвращения Пруссии Германии в Университете учились будущие герои войны 1812 г. граф Андрей Гудович (1781/1782–1867) и граф Михаил Милорадович (1771–1825). Всего в течение XVIII в. в Университете обучались более ста российских подданных.

Все время, пока Кёнигсберг находился под управлением русской администрации, Университет продолжал бесперебойно работать. Лекции Канта охотно посещали русские офицеры. В числе слушателей великого философа были Григорий Орлов, будущий фаворит Екатерины II, находившийся тогда в Кёнигсберге на излечении, и будущий великий полководец А.В. Суворов, в то время еще подполковник, навещавший отца, Василия Ивановича Суворова – генерал-губернатора Восточной Пруссии в 1761–1762 гг.

После восшествия на престол императора Петра III в 1762 г. был подписан указ о возвращении Кёнигсберга под власть прусского короля. Однако особых формальностей для освобождения жителей от присяги не потребовалось, тем не менее Кант до конца жизни формально остался российским подданным. Король Пруссии Фридрих II

Портрет Иммануила Канта, выполненный в 1755 г. Каролиной фон Кейзерлинг (1727–1791; была почетным членом Прусской академии художеств в Берлине).

Из открытых источников

после возвращения города под свою власть предпочел «не замечать» этого инцидента.

Впоследствии 28 июля 1794 г. княгиня Е.Р. Дашкова, будучи директором Санкт-Петербургской академии наук и художеств, отобрала Канта в числе других ученых для принятия в почетные члены Академии. Несомненно, членство в Санкт-Петербургской академии Кант считал важным для себя событием. И когда летом 1797 г. Кант узнал, что Петербургская академия наук не числит его своим членом (оказалось, что от него не поступило ответного письма с согласием принять высокое звание), Кант немедленно написал новое благодарственное послание, адресовав его И.А. Эйлеру, который был в то время конференц-секретарем Петербургской академии.

Императорская Санкт-Петербургская академия наук вправе гордиться тем, что в конце XVIII столетия ее членом стал выдающийся немецкий философ и в то же время российский подданный Иммануил Кант, оказавший своей творческой деятельностью существенное влияние на развитие мировой философской мысли.

В.И. Вернадский по поводу формирования новых философских взглядов, охвативших Европу в ломоносовский период, отмечал: *«Новое научное мировоззрение, возникшее в XV–XVI вв., требовало новой философской переработки, должно было дать начало новым построениям, ибо философские стремления являются неизбежными сторонами человеческой природы, ее настроения, понимания ею мира. И оно дало их»* [Вернадский, 2002 а, с. 66]. В отношении философских взглядов Ломоносова Вернадский считал, что ученый до конца оставался верен вольфианству*, *«которое недолго царило даже в Германии; оно быстро заменилось более легкой философией Просвещения, главным образом Лессинга**», исчезло перед блестящими созданиями французской мысли энциклопедистов и перед взошедшим обликом Канта»* [Вернадский, 1988, с. 18]. Как известно, Вернадский особую роль отводил влиянию кантовской философии на развитие научных идей в различных областях естествознания на протяжении не только XVIII, но и даже XIX в. В частности, в своей речи,

* **Вольфианство** – философская школа, основателем которой был Христиан Вольф (см. выше), родоначальник философского просвещения в Германии, наставник М.В. Ломоносова. Вплоть до второй половины XVIII в. вольфианство оставалось самой влиятельной философской школой в Германии.

** **Готхольд Эфраим Лессинг** (1729–1781) – немецкий поэт, драматург, теоретик искусства и литературный критик-просветитель, основоположник немецкой классической литературы.

произнесенной 28 декабря 1904 г. на заседании Московского Психологического общества, посвященном памяти Канта, Вернадский говорил следующее: *«Я хочу здесь, однако, еще раз подчеркнуть своеобразную и важную черту научных интересов и научных проблем, которые ставились Кантом. Этой чертой является их современность для всего XIX столетия. Благодаря такому характеру научной работы Канта и его глубокому пониманию научных проблем точного знания в течение всего XIX столетия его философская система в своих основах не могла устареть, не могла войти в резкое противоречие с основными вопросами точного знания... Они свободно и просто находили в ней свое место, так как основы их были охвачены философскою и научною мыслью Канта. Дело будущего развития науки – подойти к таким задачам и к таким научным вопросам, которые заставят философскую мысль искать новых путей, как искал и нашел их Кант, когда наука XVIII столетия вошла в коллизию с философскими системами XVII века»* [Вернадский, 1905, с. 36–37].

<...>

С 1757 г. М.В. Ломоносов был назначен советником академической Канцелярии, а с 24 марта 1758 г. – руководителем учебной части Академии наук, т. е. фактически ректором университета и гимназии. 19 января 1760 г. последовало распоряжение президента Академии наук о передаче Ломоносову в единоличное ведение университета и гимназии без участия других членов Канцелярии*. Впоследствии Ломоносов приложил большие усилия для организации и упорядочения учебного процесса, приведения его в соответствие европейским университетским традициям. По инициативе Ломоносова в гимназии был создан «директорский класс» из самых способных и успевающих учеников, где преподавался «заклочительный курс, близкий по методу

* Со смертью Ломоносова (1766) академический университет фактически прекратил свое существование и в 1767 г. был упразднен. Несомненно, академический университет активно участвовал в воспитании и становлении первых отечественных ученых. Однако, как отмечал Вернадский, *«Академия никогда не считала эти свои обязанности основными, не могла для них жертвовать своей научной работой. Она не стремилась к их развитию. Реформы, приведшие к созданию самостоятельных высших и низших школ, совершенно независимых от Академии, и к освобождению Академии наук от педагогических или школьно-административных обязанностей, были проведены в России при деятельном участии академиков, игравших крупнейшую роль в ее жизни и самых влиятельных в ее управлении»* [Вернадский, 2002 в, с. 324]. В результате такой деятельности в конце XVIII – начале XIX в. в России появилась сеть университетов и научных обществ, за счет чего функции Академии изменились, а ее деятельность стала носить исключительно исследовательский характер.

и уровню изложения к университетскому», тем самым гимназистов заранее готовили к будущему студенчеству. Также важным нововведением было учреждение в гимназии «российских классов», в которых были организованы циклы занятий по изучению русского языка и российской истории. Кроме того, для воспитанников было создано общежитие и введены знаки отличия.

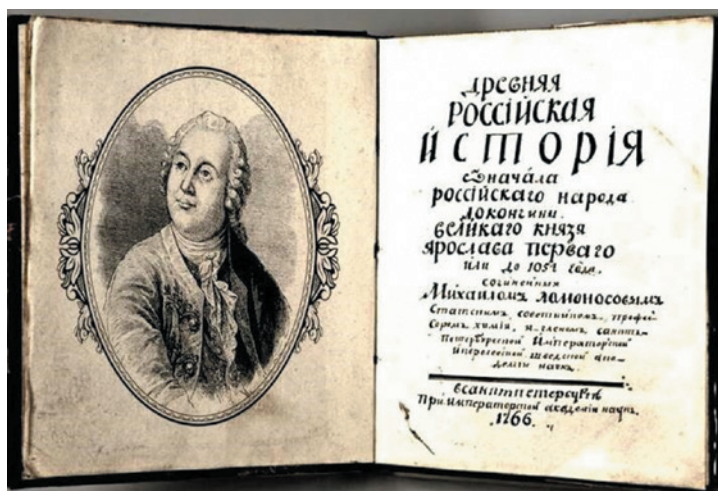
В 1759 г. Разумовским была учреждена новая категория сотрудников Академии наук – членов-корреспондентов*. Первым из них стал **Петр Иванович Рычков** (1712–1777; географ, историк, экономист), которому это звание было присвоено за «оригинальные ландкарты и геодезические описания» Сибири. Изначально Рычкову конференц-секретарем академиком Миллером 30 марта 1758 г. было предложено присвоить звание почетного члена Академии. Однако *«когда в Канцелярии стали говорить, что "примера еще такого нет", чтобы в почетные члены Академии избирались русские, и что «надлежит прежде почтить сим званием некоторых из первейших господ здешних»*. В итоге 21 января 1759 г. Ломоносовым, Иваном Таубертом (1717–1771; с 1758 г. заведовал всеми академическими мастерскими, а также типографией и книжной лавкой академии) и Штелиным на имя президента Академии было направлено «Представление», в котором, в частности, говорилось, что *«по мнению Канцелярии академической кажется, что для важности и славы Академии Наук без дальнего рассмотрения в оную членов не принимать, а особливо тех, кои общего в ученом свете латинского языка основательно не знают и главных ученому человеку необходимо нужных словесных наук, также математики, по последней мере элементарной, и философии не разумеют, но только тех по разбору в члены вписывать, которые в вышепомянутом знании имеют, а особливо себя показали в чем ученому свету, но ежели кто хотя вышепомянутых знаний, требуемых для надлежащего члена, не имеет, а может какими записками и известиями служить Академии, таких принимать в корреспонденты, и для того по примеру Парижской академии наук не соблаговолено ли будет учредить класс корреспондентов, которым давать на то дипломы,*

* Исторически членами-корреспондентами академий были ученые, которые, в отличие от действительных членов, не участвовали в заседаниях Академии, а связывались с ней по переписке (корреспонденции). В Российской империи к числу членов-корреспондентов принадлежали выдающиеся зарубежные специалисты, а также ученые с периферии, не уступавшие действительным членам по квалификации. Ныне член-корреспондент в сравнении с академиком является младшей ступенью членства в Академии наук.

и для произведения в действо сего учреждения принять в академические корреспонденты вышеобъявленного г. советника Рычкова и дать на то диплому» (<http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/document/proekty-pereustrojstva-akademii-nauk/science-10.htm>), (АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 470. Л. 33). Данное «Представление» президентом было утверждено, по-видимому, в тот же день (там же, л. 35).

К началу 1760-х гг. Ломоносов к своим обязанностям добавил руководство Географическим департаментом и Историческим собранием. В эти годы он занимался исправлением «Атласа Российского» и организацией географических экспедиций, написал «Слово о рождении металлов от трясения земли», в котором предложил классификацию землетрясений, использующуюся до сих пор. Он объяснил природу космических тел и физическую природу цветового зрения, высказал мысль о происхождении каменного угля из торфяника, стал автором атомно-корпускулярной теории вещества. 26 мая 1761 г. Ломоносов впервые установил наличие атмосферы на Венере.

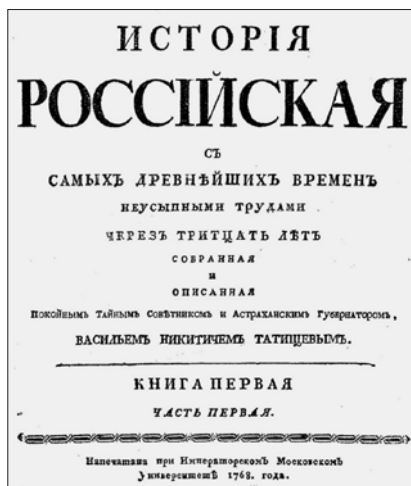
В последние годы жизни Ломоносов работал над созданием «Древней российской истории», которая была опубликована через год после смерти ученого. Этот фундаментальный труд пользовался популярностью не только в России, но и за рубежом. В 1768 г. эта работа была переведена на немецкий язык, в 1769 г. вышла во французском переводе, а потом еще дважды переиздавалась – в 1773 и 1776 гг. [Ишлинский, Павлова, 1986].

Здесь напомним, что интерес в отечественной истории питал еще сам Петр I, и по информации М.М. Богословского «это выразилось,

во-первых, в указах о собирании и сохранении рукописных памятников старины, а затем и в заботах о составлении истории российской в литературной обработке. В 1716 г., будучи в Кёнигсберге и найдя там один из списков древней русской летописи – Кёнигсберской, он приказал снять с него копию... Литературная обработка русской истории предпринималась неоднократно. Еще в 1708 г. она была поручена справщику Московской типографии, ученику знаменитых основателей Славяно-греко-латинской академии братьев Лихудов, а потом и преподавателю той же академии Федору Поликарпову, который должен был составить русскую историю до начала царствования Петра, при чем написать ее в двух редакциях: краткой и пространной...» [Богословский, 1926, с. 14].

Продолжая историческую тему ломоносовского периода, необходимо добавить, что с 1768 г. Академией наук стараниями академика Миллера стала издаваться «История Российская» при полном названии первого издания: «История Российская с самых древнейших времен, неуспынными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым». Василий Никитич на протяжении своей научной и государственной деятельности поддерживал тесную связь с Академией наук, отправляя в Академию свои отчеты, образцы горных пород, исторические артефакты и пр. Его крупный исторический труд наравне с исторической работой Ломоносова стал одним из важнейших произведений русской историографии второй четверти

Титульный лист «История Российская...». В.Н. Татищев, 1768 г.

XVIII в., значительный этап в ее переходе от средневекового летописного к критическому стилю повествования. «История Российская...» Татищева публиковалась в 1768–1784, 1848, 1962–1968, 1979 и 1994–1996 гг. Тем не менее отметим, что этот труд включает в себя, в частности, и информацию, не имеющую аналогов в известных в настоящее время исторических источниках, – так называемые «татищевские известия», происхождение и достоверность которых до сих пор вызывают сомнения у специалистов и носят дискуссионный характер.

В дальнейшем, во второй половине XVIII в., второй официальный историограф Российской империи, почетный член Императорской академии наук князь Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790) опубликовал «Историю Российскую от древних времен» (доведена до 1610 г.), в которой подчеркивал роль феодальной аристократии. Им были найдены и опубликованы ценные исторические памятники, такие как «Царственная книга», «Журнал Петра Великого», «Летопись о многих мятежах» и др.

Научное изучение российской истории в конце XVIII – начале XIX в. продолжил литератор, историк, а также третий и последний официальный историограф Российской империи **Николай Михайлович Карамзин** (1766–1826). Его труд получил широкую известность и был достойно оценен Императорской академией наук, которая в 1818 г. избрала Карамзина своим почетным членом (см. раздел 2.3). «История Государства Российского» Карамзина остается популярной и в наши дни.

<...>

На Рождество 25 декабря 1761 [5 января 1762] г. в три часа пополудни скончалась императрица Елизавета Петровна. После ее смерти на престол вступил Петр III, который через полгода был свергнут в результате дворцового переворота, возведшего на престол его жену Екатерину II. Вскоре Петр III лишился жизни при неясных обстоятельствах. С великой княгиней Екатериной, будущей императрицей Екатериной II, у К.Г. Разумовского сложились хорошие отношения. Поэтому он оказался в числе тех вельмож, которые активно поддерживали государственный переворот. В то же время Екатерина II в начале своего правления обошла Ломоносова «милостями», его же враги по Академии, участвовавшие в перевороте, получили высокие чины. К оскорбленному самолюбию ученого присоединилась болезнь, приковавшая его к постели. В июле 1762 г. он подал прошение об увольнении со службы, но лишь 2 мая 1763 г. получил отставку. Однако вскоре

Коронационный портрет Екатерины II. Ф. Рокотов. 1763.
Государственная Третьяковская галерея

императрица отменила указ об отставке Ломоносова, но его силы к этому моменту уже были истощены не только огромной научной и организаторской деятельностью, но и постоянной борьбой с тяжелой болезнью.

Тем не менее в конце жизни Ломоносов все-таки получил признание. Он был избран почетным членом Шведской (1760) и Болонской (1764) академий наук, почетным членом Санкт-Петербургской академии художеств (1763). Обсуждался вопрос о его избрании в Парижскую академию. Екатерина II также достойно оценила вклад Ломоносова в российскую науку, пожаловав ему чин статского советника. Еще одним подтверждением признания заслуг ученого стало посещение императрицей его дома 7 июля 1764 г.

К сожалению, Ломоносов так и не смог получить полного удовлетворения от своего творчества в той степени, на которую имел право благодаря своему гению. Михаил Васильевич Ломоносов скончался от воспаления легких в собственном доме в Санкт-Петербурге на реке Мойке 4 [15] апреля 1765 г. В бумагах Ломоносова осталась

его записка: *«За то терплю, что стараюсь защитить труд Петра Великого, чтоб научились россияне, чтобы показали свое достоинство... Я не тужу о смерти: пожил, потерпел, и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют»*. По приказу Екатерины II граф Г.Г. Орлов опечатал кабинет ученого. Было изъято большое количество его работ, в том числе работы по истории России. Куда исчезли данные рукописи, неизвестно до сих пор...

<...>

Подводя краткий итог деятельности ученого, нужно отметить, что Ломоносов был новатором не только в делах организации науки, но и в общественной и экономической жизни страны. Он выступал с целым рядом проектов об организации русского общества, намеревался написать большую работу, в которой хотел осветить вопросы экономической политики, связанные с подъемом производительных сил империи, сохранением и ростом ее народонаселения. Деятельность Ломоносова охватила развитие культуры всей России. Как отмечал Б.Н. Меншуткин: *«... основным мотивом деятельности Ломоносова в Академии Наук является стремление возможно широко распространить просвещение среди русского народа. И это проводилось им особенно энергично в последние годы его жизни, когда в его распоряжение были отданы гимназия и университет, когда выполнялись все его просьбы, касавшиеся поднятия этих учреждений...»*. Однако *«... весь тот огромный труд Ломоносова “по профессии”, в области физики и химии, который прошел перед нами, остался недоступным почти всем его современникам; но они видели все значение того, что он сделал для русского языка и родного слова, и высоко ценили именно это. Поэтому, опубликованные Ломоносовым научные произведения, за исключением может быть первых оснований металлургии (во второй половине XVIII в. служивших у нас в качестве учебного руководства), очень скоро позабылись; а так как добрая треть их не увидела света, потому что они или не были закончены, или остались в архивах Академии Наук, то имя Ломоносова, как ученого, перестало упоминаться даже у нас»* [Меншуткин, 1936, с. 522–523].

Тем не менее Меншуткин свое исследование трудов Ломоносова заканчивает словами П.И. Вальдена: *«Невольно напрашивается сравнение первого русского химика М.В. Ломоносова с величайшим русским химиком Д.И. Менделеевым. Первого можно назвать Менделеевым XVIII в. Оба показывают поразительное сходство в характере и гениальности... Оба – философы-мыслители, с возвышенной точки*

зрения излагающие свою науку; оба, однако, практики-патриоты, всей душою старающиеся приложить науку к реальной жизни, на пользу родине. В обоих мы видим мастеров слова и слога, обогативших русский язык новыми формами и терминами. По объему трудов оба являются титанами, по силе научных идей – ясновидцами, опередившими свой век» [Меншуткин, 1936, с. 523].

Действительно, многие прогрессивные идеи Ломоносова не были поняты современниками. Более того, по словам В.И. Вернадского, «молодые ученики следующего поколения, вроде будущего академика Румовского, смеялись над странностями старомодного ученого, шедшего своим путем, считавшего себя выше крупных светил их времени и признававшего истинными свои воззрения, которые казались им чуть ли не невежественными фантазиями» [Вернадский, 2002 в, с. 337]. И все-таки наиболее точно и полно многогранную деятельность Ломоносова оценил А.С. Пушкин: «Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец он все испытал и все проник» [Пушкин, 1993, с. 722]. И, конечно, прав был нобелевский лауреат академик П.Л. Капица: «Мы знаем, что Ломоносову повезло – он вовремя попал в Петербург, чтобы стать одним из первых русских ученых в Академии наук. Но, конечно, еще больше повезло Академии наук, что первым русским ученым стал Ломоносов» [Капица, 1981, с. 331].

<...>

В годы президентства К.Г. Разумовского в Академию наук вслед за Ломоносовым и Тредиаковским академиками были избраны этнически русские ученые: естествоиспытатель и путешественник С.П. Крашенинников, положивший начало естественнонаучным книгам на русском языке («Описание Земли Камчатки»), астрономы Н.И. Попов (1720–1782), С.Я. Румовский (1734–1812), П.Б. Иноходцев (1742–1806), натуралисты И.И. Лепёхин (1740–1802), Н.Я. Озерецковский (1750–1827), В.Ф. Зуев (1754–1794), математики С.К. Котельников (1723–1803), М. Софронов (1729–1760), химик Н.П. Соколов (1748–1795), литераторы Г.В. Козицкий (1724–1775), Н.Н. Мотонис (?–1787) и др.

В 1766 г. в Академию вернулся Л. Эйлер.

В 1765 г. К.Г. Разумовский отправился за границу «для поправления своего здоровья», и с этого момента уже не участвовал в делах Академии наук. Перед отъездом К.Г. Разумовский обратился

к Екатерине II с просьбой об увольнении его с поста президента Академии наук, но высочайшего согласия на это не последовало. Поэтому К.Г. Разумовский продолжал формально числиться президентом Академии вплоть до апреля 1798 г. В этот длительный период Академией наук руководили директора: граф Владимир Григорьевич Орлов (1766–1774), Алексей Андреевич Ржевский (временно исполнял директорские обязанности в 1771–1773 гг.), Сергей Герасимович Домашнев (1775–1782), княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1783–1794), Павел Петрович Бакунин (1794–1798). В апреле 1798 г. император Павел I отменил директорскую практику управления Академией наук, уволил президента К.Г. Разумовского и назначил руководителем Академии барона Генриха Людвиг (Андрея Львовича) Николаи (1798–1803) [Кирикова, 2024 а].

1.5. Академия наук в Екатерининский период

В 1766 г. императрицей Екатериной II директором Санкт-Петербургской Императорской академии наук и художеств (далее – Академии, Академии наук или Санкт-Петербургской академии наук) был назначен граф **Владимир Григорьевич Орлов** (1743–1831), принадлежащий к клану ее фаворитов (младший из пяти братьев Орловых). При этом еще до вступления Орлова в должность Екатерина 30 октября 1766 г. издала указ об упразднении академической Канцелярии и о создании вместо нее Комиссии из академиков в составе конференц-секретаря Я.Я. Штелина, Л. Эйлера, И.А. Эйлера, И.Г. Лемана, С.К. Котельникова и С.Я. Румовского. Известно, что все эти изменения были введены из-за того, что самодержца считала финансовые и хозяйственные дела в Академии наук не вполне удовлетворительными. К активной работе граф Орлов приступил лишь в 1767 г., вернувшись из путешествия в свите Екатерины II по Волге. Формально Орлов числился директором Академии с 1766 по 1774 г., но из-за болезни и лечения за границей его с 29 мая 1771 г. по 25 октября 1773 г. официально замещал **Алексей Андреевич Ржевский** (1737–1804).

Первый директор Академии наук имел власть, соответствующую должности президента. Он, несомненно, старался оправдать свое назначение, наведя порядок в бюджете Академии. Кроме того, он провел ревизию иностранной книжной лавки, проявил заботу о рассылке «книг академической печати» в провинцию. Увлечение В.Г. Орлова астрономией позволило академикам с его помощью организовать в 1769 г. в разных точках страны наблюдения за прохождением Венеры по диску Солнца, ожидавшегося 23 мая [3 июня]*. Академии удалось снарядить 5 астрономических отрядов, в задачи которых помимо наблюдений за Венерой, входило определение координат отдельных населенных пунктов и природных объектов, необходимых для составления новой, более точной генеральной карты Российской империи:

* В XVIII в. происходил бурный рост экономики и морской торговли, что способствовало развитию навигации, картографии и повышению требований к более строгому определению координат географических пунктов не только на суше, но и на море. Главным препятствием для составления выверенных астрономических таблиц было отсутствие точного значения основной астрономической постоянной – параллаксы Солнца, которая позволяет определить расстояние от Земли до Солнца и получить масштаб всей Солнечной системы. Поэтому с древних времен ученые проявляли повышенный интерес к определению этой константы, используя в своих астрономических расчетах движение планет Венеры и Меркурия.

Владимир Григорьевич
Орлов. Неизвестный
художник. ГИМ

Алексей Андреевич Ржевский.
Неизвестный художник.
Из открытых источников

- отряд академика **Степана Яковлевича Румовского*** (1734–1812) и швейцарских астрономов Ж.А. Малле и Ж.Л. Пикте, приглашенных Академией наук для участия в астрономических исследованиях. В 1769–1770 гг. исследователи посетили Крайний Север, причем для наблюдения за Венерой отряд разделился на три группы: сам С.Я. Румовский обосновался в Коле, Ж.А. Малле – в Поное, а Ж.Л. Пикте – в Умбе;
- отряд поручика **Христофора Леонтьевича Эйлера** (1743–1808; третий сын академика Леонарда Эйлера, впоследствии генерал-майор, участник войны со Швецией 1788–1790 гг.), посетившего в 1768–1771 гг. Орскую крепость;
- отряд академика **Георга Морица Ловица** (1722–1774) и адъютанта **Петра Борисовича Иноходцева** (1742–1806), исследовавших в 1768–1774 гг. юго-восток Европейской России (см. ниже);
- отряд адъютанта **Вольфганга Людвиг Крафта** (1743–1814;

* **Степан Яковлевич Румовский** (1734–1812) – русский астроном и математик, ученик Ломоносова и Эйлера, академик с 1767 г. В 1761 и 1769 гг. он участвовал в международных мероприятиях по определению параллакса Солнца путем наблюдения прохождений Венеры по диску Солнца. В 1763–1803 гг. руководил академической обсерваторией. В 1786 г. составил каталог астрономических пунктов России. Принимал участие в составлении словаря русского языка. Иностранный член Стокгольмской академии наук, член Академии российской (1783), инициатор открытия Казанского университета [Павлова, 1979].

сын академика Г.В. Крафта; астроном, физик; адъюнкт с 1767 г., академик с 1771 г.), руководившего в 1768–1771 гг. астрономической экспедицией в Оренбургском крае;

- отряд капитана **Ивана Ивановича Исленьева** (1738–1784; адъюнкт Академии наук с 1771 г. по Географическому департаменту), который в 1768–1772 гг. совместно с геодезистом **Федором Осиповичем Чёрным** (1745–1790; адъюнкт Академии наук с 1785 г. по Географическому департаменту) проводил астрономические исследования сибирских территорий до Якутска, а также в юго-западной части Европейской России.

Наблюдения за прохождением Венеры были организованы и на обсерватории Санкт-Петербурга **Христианом Майером** (1719–1783; немецкий астроном, член Лондонского королевского общества с 1765 г.) совместно с российским астрономом шведского происхождения **Андреем Ивановичем Лекселем** (1740–1784; адъюнкт по астрономии с 1769 г., академик Санкт-Петербургской академии наук с 1771 г.).

Все астрономические работы велись в рамках начатой еще с конца 1750-х гг. по инициативе М.В. Ломоносова широкомасштабной программы по картографированию российских владений с целью составления нового атласа. Это была важнейшая государственная задача, так как публикация точных карт служила доказательством суверенного права Российской империи на свои исторические, вновь открытые и присоединенные территории Сибири, Дальнего Востока, Тихоокеанского Севера и Аляски.

Что касается итогов наблюдений за прохождением Венеры по диску Солнца, то финальный расчет солнечного параллакса был произведен Леонардом Эйлером. Он получил результат в 8,62", что соответствовало расстоянию от Земли до Солнца 152,6 миллиона километров. Таким образом, Россия, затратив огромные усилия на организацию астрономических наблюдений, внесла достойный вклад в решении этой научной проблемы. В дальнейшем общее руководство картографическими работами осуществлял академик С.Я. Румовский.

<...>

При В.Г. Орлове, в 1767 г., т. е. буквально через два года после смерти М.В. Ломоносова, в Санкт-Петербург по приглашению Академии наук прибыл молодой немецкий исследователь **Пётр Симон Паллас** (1741–1811), с именем которого будут связаны так называемые физические экспедиции Академии наук 1768–1775 гг. по комплексному

Пётр Симон Паллас.
С. Амбруаз

Пётр Симон Паллас.
Гравюра Амбруаза Тардьё.
XVIII в. МАЭ РАН

Степан Яковлевич Румовский.
Художник М.А. Кашенцев.
1850 г. Из открытых
источников

исследованию территории Российской империи (от древнегреч. φύσις [фюсис] – природа). «Физические» экспедиции работали на территории империи одновременно с астрономическими и определенным образом дополняли друг друга. Помимо Академии наук подготовкой к «физическим» экспедициям были заняты многие государственные и общественные учреждения, такие как Государственная берг-коллегия, Императорское Вольное экономическое общество, губернаторы. Задачи «физических» экспедиций были много шире астрономических, а их организация была связана с общегосударственной необходимостью изучения природных ресурсов и экономического потенциала слабо исследованных территорий, в том числе их флоры и фауны, минеральных и сельскохозяйственных ресурсов, составления новых географических карт, описания проживавших на российских территориях народов, их быта, языков и пр. [Киссер, 2019].

Ныне наиболее детально история подготовки и проведения «физических» экспедиций Академии наук обобщена в увлекательном очерке Л.Д. Бондарь и О.А. Кириковой [2024], в основу которого положены уникальные документы Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.

<...>

Итак, Пётр Симон Паллас родился в семье врача. Обучался в Германии, Голландии и Англии. В 1767 г. он был приглашен в Россию и избран академиком по естественной истории. Паллас был членом

Санкт-Петербургской академии наук 44 года (по 1811 г.). Его отличала широта научных интересов, необыкновенная работоспособность и владение научными методом. Результаты академических экспедиций ученый опубликовал в книге «Путешествие по различным провинциям Российского государства». Кроме того, с 1767 по 1793 г. Паллас заведовал зоологическими коллекциями Кунсткамеры, а в 1793–1794 гг. посетил южные губернии России для описания их климата. С 1795 по 1810 г. ученый жил в Крыму, где написал трехтомную монографию по фауне России. Он также стал автором «Флоры России» и многих трудов в области зоологии, палеонтологии, ботаники, этнографии и др. Работы Палласа до сих пор лежат в основании наших знаний о природе и людях нашей страны. По мнению В.И. Вернадского: *«Его путешествия, совершенные по поручению Академии наук, являются в своих изложениях неисчерпаемым источником разнообразнейших крупных и мелких, но всегда научно точных данных»*. Паллас *«...был и творцом теоретических обобщений – его значение как теоретика геолога, физико-географа и биолога даже более высоко и глубоко, чем обычно рисуется в столь мало изученной области знания, каковой является история науки в новое время. Паллас до сих пор еще не занял в нашем сознании того исторического места, которое отвечает его реальному значению»*. Отмечая вклад Палласа в науку, Вернадский приходит к заключению: *«Паллас явился в первом столетии работы Академии самым крупным из натуралистов-академиков, традиции работ которых не прерываются у нас два столетия»* [Вернадский, 2002 в, с. 339].

В «физических» экспедициях Палласа работало несколько отрядов, одним из которых руководил сам Пётр Симон, другие отряды (их нумерация приведена условно) возглавляли:

- **Самуил Готтлиб Гмелин (1744–1774)***, руководил первым Астраханским отрядом;

* **Самуил Готтлиб Гмелин (1744–1774)** – немецкий и российский путешественник и натуралист на русской службе. Академик Санкт-Петербургской академии наук (1767). Племянник И.Г. Гмелина (Гмелина-старшего). Изучал медицину в Тюбингенском университете. В 1766 г. был приглашен в Санкт-Петербургскую академию наук, где 4 апреля 1767 г. был избран ее действительным членом. Вместе с П.С. Палласом разработал план академической экспедиции. В 1768–1774 гг. возглавлял первый Астраханской отряд экспедиции Академии наук. В феврале 1774 г. в районе Дербента был ограблен и взят в плен кайтагским уцмием Амир-Хамзой (один из феодальных владетелей Дагестана того времени). Самуил Готтлиб Гмелин скончался в плену от лихорадки и истощения 27 июля 1774 г.

- **Иоганн Антон Гюльденштедт** (1745–1781)*, руководил вторым Астраханским отрядом;
- **Иван Иванович Лепёхин** (1740–1802)** , руководил первым Оренбургским отрядом;
- **Иоганн Петер Фальк** (1732–1774)*** и **Иоганн Готтлиб Георги** (1729–1802)****, руководили вторым Оренбургским отрядом.

* **Иоганн Антон Гюльденштедт** (1745–1781) – естествоиспытатель и путешественник из балтийских немцев на русской службе. Родился 26 апреля [7 мая] 1745 г. в Риге. В 1765 г. окончил Берлинскую медико-хирургическую академию. Получил степень доктора медицины во Франкфурте-на-Одере и в 1767 г. в Берлине. В 1768 г. был приглашен в Санкт-Петербургскую академию наук, где в 1769 г. был избран адъюнктом, а в апреле 1771 г. профессором натуральной истории. Участвовал в академических экспедициях 1768–1774 гг., возглавлял второй Астраханский отряд. Президент Вольного экономического общества (1780–1781). Во время эпидемии тифа 1781 г. самоотверженно лечил больных, умер на 36 году жизни, заразившись при лечении обитателей своего дома в Санкт-Петербурге.

** **Иван Иванович Лепёхин** (1740–1802). Родился в семье младшего офицера лейб-гвардии Преображенского полка. Учился в академической гимназии, затем в академическом университете Санкт-Петербургской академии наук (ученик С.П. Крашенинникова). В 1762 г. направлен в Страсбургский университет, где изучал медицину. В 1767 г. получил степень доктора медицины и возвратился в Петербург, где был избран адъюнктом и секретарем Академии наук, а с 1771 г. – академиком по естественным наукам. В 1768–1772 гг. возглавлял первый Оренбургский отряд экспедиции Академии наук, которому предстояло исследовать территории Поволжья и Урала, а также Север европейской части России. С 1783 г. был непременным секретарем Академии российской и принимал участие в работе над «Словарем Академии Российской». Написал предисловие к его второму изданию (1806), соответствующее лингвистическим взглядам М.В. Ломоносова. Член Берлинского общества испытателей природы.

*** **Иоганн (Юхан) Петер Фальк** (1732–1774) – шведский и российский путешественник и натуралист на русской службе. Благодаря рекомендации Карла Линнея был принят в Санкт-Петербургскую академию наук и художеств и определен на должность управителя (директора) Аптекарского огорода (1765). В 1768 г. возглавил второй Оренбургский отряд (1768–1774), снаряженный Академией наук в Восточную Россию. Во время путешествий по России Фальк тяжело заболел и весной 1774 г. в Казани во время очередного приступа болезни застрелился. Ценные научные материалы, оставшиеся после Фалька, были собраны И.И. Георги и изданы Академией наук (1785–1786).

**** **Иоганн Готтлиб (Иван Иванович) Гебрги** (1729–1802) – немецкий и российский медик, химик, натуралист, этнограф, путешественник на русской службе. Родился 31 декабря 1729 г. в семье священника. Закончил Уппсальский университет (Швеция), где учился, в частности, у К. Линнея. Получил степень доктора медицины и работал фармацевтом. Прибыл в Россию по приглашению Санкт-Петербургской академии наук. Участник академических экспедиций 1768–1774 гг. С июля 1770 г. был назначен в помощь И.П. Фальку, занимался исследованием Поволжья, Среднего и Южного Приуралья, Западной Сибири, Прибайкалья, Даурии. Адъюнкт (с 1776 г.), академик Академии наук (с 1783 г.).

Самуил Готтлиб Гмелин.
Неизвестный художник.
Волгоградское отд. РГО

Иоганн Антон
Гюльденштедт.
Неизвестный художник.
Из открытых источников

Иван Иванович Лепёхин.
Рисунок М.А. Кашенцева.
Литография А.О. Мошарского.
МАЭ РАН

Иоганн Готтлиб Георги.
Галерея РАН

Еще одно немаловажное обстоятельство: в преддверии «физических» экспедиций по поручению Академии наук обширные территории Центральной и Юго-Восточной Сибири исследовал **Кирилл Густавович Лаксман** (1737–1796)*. Используя свое формальное

* **Эрик Густав (Кирилл Густавович) Лаксман** (1737–1796) – российский ученый и путешественник шведского происхождения; химик, ботаник, географ, минеролог.

назначение в качестве пастора лютеранской общины в Барнауле, он с 1764 по 1768 г. провел в регионе исследования по ботанике, зоологии, метеорологии, минералогии и химии. Лаксман побывал на границе Монголии и Китая, посетил Даурию (район Забайкалья и запад Приамурья), рудники у Шилки и Аргуни, достиг устья р. Турки, исследовал Алтайские горы, в т. ч. рудные месторождения Колывано-Воскресенского округа. В процессе путешествий исследователь собрал богатейшую коллекцию минералов, животных и растений. Пример Лаксмана и многочисленные открытия, сделанные им во время первой его поездки в Сибирь, вызвали живой интерес в петербургской научной среде, что оказало заметную роль в идейной подготовке «физических» экспедиций. Собранные Лаксманом материалы были использованы Палласом и при научных публикациях [Раскин, Шафрановский, 1971].

<...>

Период, в который проводились астрономические и первые «физические» экспедиции, был крайне беспокойным. В 1769–1774 гг. шла Русско-турецкая война. Внутри страны бунтовали приписные крестьяне на мануфактурах и заводах. Продолжало волноваться казачество, лишенное самоуправления на Дону после восстания К.А. Булавина (войсковой атаман донских казаков, предводитель восстания) 1707–1708 гг. Крупные волнения прошли в Москве в период Чумного бунта 1771 г., вызванного вспышкой чумы, пришедшей с Черного моря. И самое главное: 28 сентября 1773 г. началось масштабное восстание

В январе 1764 г. принял должность пастора лютеранской общины в Барнауле, а 19 [30] января того же года избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук. С 1764 по 1768 г. проводил обширные исследования в центральных районах Сибири. В 1769 г. стал членом Вольного экономического общества, избран иностранным членом Шведской Королевской академии наук, а в 1770 г. – академиком Санкт-Петербургской академии наук по кафедре экономии и химии. Из-за конфликта с директором Академии С.Г. Домашневым (см. ниже) в начале января 1781 г. Лаксман был переведен в число почетных академиков, а в марте 1781 г. был исключен из списка почетных членов. В 1784 г. (после отставки Домашнего и при назначении директором Академии Е.Р. Дашковой) с ученого были сняты все обвинения в служебных проступках и он был восстановлен в звании. В 1781 г. Лаксман заступил в должность помощника начальника Нерчинских рудников, но через год уволился оттуда на должность минералогического путешественника от Кабинета императрицы. С 1784 г. жил в Иркутске, где вместе с купцом А.А. Барановым (1747–1819; первый Главный правитель русских поселений в Северной Америке в 1790–1818 гг.) основал стекольный завод на р. Тальце близ Иркутска; открыл способ получения стекла с применением глауберовой соли вместо поташа. Одновременно в этот период Лаксман продолжал исследовать обширные территории Восточной Сибири и Дальнего Востока.

яицких (уральских) казаков под предводительством беглого донского казака Емельяна Пугачева. В этот день Пугачев якобы от имени императора Петра III в Бударинском форпосте (ныне с. Бударино Акжайкского р-на Западно-Казахстанской обл., Казахстан. – *Авт.*) обнародовал «указ», в котором объявил о пожаловании старинными казачьими вольностями и привилегиями яицких казаков, а также татар и калмыков, служивших в Яицком войске. В дальнейшем всем участникам восстания он обещал *«вечную вольность, реки, леса, все выгоды ... чины и честь»* и др.

Изначально казаки объявили поход на Яицкий городок, один из крупных центров уральского казачества. Постепенно местный бунт перерос в полномасштабную войну казаков, крестьян и народов Урала и Поволжья с правительством императрицы Екатерины II, продолжавшуюся до середины 1775 г. и закончившуюся поражением восставших и казнью их атаманов*. Первый период восстания с сентября 1773 по март 1774 г. ознаменовался военными успехами войск Пугачева, которые осадили Оренбург, Яицкий городок, Уфу, овладели множеством городков, крепостей и заводов. В целом пугачевщиной были охвачены Оренбургская, Казанская, Нижегородская, Астраханская и Сибирская губернии, т. е. те регионы, которые входили в сферы интересов академических отрядов (по материалам Советской и Российской энциклопедий). Отметим, что восстание Пугачева 1773–1775 гг. стало самым крупным за всю историю Российской империи.

Несомненно, от участников академических экспедиций требовалось неимоверное мужество. Ведь помимо природных невзгод исследователей постоянно сопровождала смертельная опасность. В 1774 г. несчастье постигло астрономический отряд **Георга Морица Ловица**** – физика, астронома и математика, приглашенного в 1767 г.

* Реакцией Екатерины II на пугачевское восстание стало проведение губернской реформы 1775 г., в результате которой была усилена власть на местах. В 1775 г. была ликвидирована Запорожская Сечь, а через восемь лет здесь было введено крепостное право. Восстание повлияло на исход Русско-турецкой войны 1769–1774 гг., когда Россия добилась преимущества над Турцией, но не смогла закрепить его, так как в тылу уже шла крестьянская война. Пришлось заключить половинчатый Кючук-Кайнарджийский мирный договор.

** **Георг Мориц (Давид Егорович) Ловиц** (1722–1774) – немецкий и русский математик, астроном и географ, отец Товия Ловица. В 1746 г. начал сотрудничество с Тобиасом Майером (1723–1762; немецкий картограф и астроном). Впоследствии стал картографом в Нюрнберге. К астрономии его привлекло солнечное затмение 30 янв. 1748 г. В 1767 г. приглашен в Санкт-Петербургскую академию наук, где в апреле 1768 г. он был избран профессором (академиком) по классу астрономии. Совершил

в Санкт-Петербургскую академию наук из Гёттингена и уже через год отправленного в экспедицию. Первоначально в задачу отряда входило наблюдение прохождения Венеры по диску Солнца, успешно проведенное в Гурьеве 23 мая 1769 г. Кроме того, в 1769–1774 гг. отряд Ловица определял географические координаты населенных пунктов в юго-восточных районах европейской России, а также выяснял возможности сооружения канала между Волгой и Доном (признано нецелесообразным).

В середине августа 1774 г. отряд Ловица в районе г. Дмитриевска (с 1780 г. – Камышин)* попал в руки пугачевцев. Разумеется, что одетый по-иностранному человек, причем плохо владеющий русским языком, привлек внимание мятежников. После краткого допроса участники экспедиции были казнены. Спасти удалось лишь сыну академика Ловица Товию**, который входил в состав экспедиционного отряда отца, и адъютанту Петру Иноходцеву***. Все рукописи и журналы экспедиции были уничтожены.

несколько путешествий по южной России; в 1769 г. наблюдал прохождение Венеры по диску Солнца в Гурьеве (ныне – Атырау, Казахстан). Первым определил высоту горы Бештау с помощью барометра (изолированная пятиглавая гора-лакколлит на Кавказских минеральных водах. Высота 1400 м). В 1774 г. во время астрономической экспедиции попал в плен к Пугачеву и был казнен 13 [24] августа.

* В 1769 г. Дмитриевск посетил руководитель Оренбургской «физической» экспедиции И.И. Лепёхин с целью изучения природных богатств, животного и растительного мира Камышинского края. Кроме города были описаны озеро Эльтон и горы Уши.

** **Иоганн Тобиас (Товий Егорович) Ловиц** (1757–1804) – русский ученый-химик. В 1768 г. вместе с отцом, астрономом Г.М. Ловицем, приехал в Россию. После трагической гибели отца во время Пугачевского бунта воспитывался у Леонарда Эйлера. В 1779 г. стал помощником аптекаря, много читал и занимался «химическими экспериментами». Известен как открывший явление адсорбции на угле и первооткрыватель редких форм гало – дуг Ловица. В 1784 г. обнаружил явление пересыщения и переохлаждения растворов, установил условия выращивания кристаллов. В 1789 г. открыл способ получения ледяной уксусной кислоты. Член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук с 04.10.1787 г., ординарный академик с 13.05.1793 г. Награжден орденом Святой Анны 2-й степени.

*** **Петр Борисович Иноходцев** (1742–1806) – русский астроном. Родился в Москве в семье солдата Преображенского полка. 9 ноября 1752 г. отдан в академическую гимназию. В 1760 г. поступил в университет при Санкт-Петербургской академии наук, где слушал лекции профессоров С.Я. Румовского, И. Фишера, С.К. Котельникова, И.А. Брауна. Как один из лучших студентов университета был назначен преподавателем математики в академическую гимназию. В 1765 г. по инициативе М.В. Ломоносова в числе семи лучших студентов университета направлен за границу для дальнейшего обучения. Два года учился в Гёттингенском университете, где изучал аэрометрию, гидродинамику, оптику, статику, механику и преимущественно физическую астрономию. После возвращения в Россию два года работал под руководством Л. Эйлера,

Георг Мориц
(Давыд Егорович)
Ловиц. Художник
Konrad Westermayr.
*Из: Allgemeine
geographische
Ephemeriden, Bd. 6.
1800. S. 192.*

Иоганн Тобиас
(Товий Егорович)
Ловиц. *Из открытых
источников*

Пётр Борисович
Иноходцев. Литогра-
фия А. Мошарского
с портрета неизвестного
художника. *Из откры-
тых источников*

По одной из распространенных версий, которую опубликовал А.С. Пушкин в своем историческом произведении «История Пугачевского бунта», Ловиц был повешен по приказу предводителя восстания. По версии историка М.И. Сухомлинова, ученый мог быть убит повстанцами, которым не понравились его акцент и одежда. Еще существует версия, согласно которой ученого казнили за то, что он готовил строительство Волго-Донского канала: ведь при попытке строительства этого канала при Петре I погибло множество задействованных на этих работах крестьян [Зяблов, 1977].

Эпизод казни, описанный Пушкиным, относится к моменту, когда 13 [24] августа 1774 г. армия Пугачева, отступая от правительственных войск, приблизилась к Дмитриевску. Далее Пушкин повествует следующее: *«Пугачев бежал по берегу Волги. Тут он встретил астронома Ловица и спросил, что он за человек. Услыша, что Ловиц наблюдал течение светил небесных, он велел его повесить поближе к звездам*

участвовал в переводе на русский язык трудов Л. Эйлера и «Естественной истории» Ж. Бюффона. 10 октября 1768 г. избран адъюнктом Академии наук. В 1774 г. участвовал вместе с Д.Е. Ловицем в экспедиции на Волге, попал в плен к пугачевцам, но остался невредим. В 1779 г. стал академиком Санкт-Петербургской академии наук. В 1781–1785 гг. возглавлял экспедицию по определению долготы и широты многих городов центральной России и Новороссии.

(выделено Пушкиным. – Авт.). Адъюнкт Иноходцев, бывший тут же, успел убежать» [Пушкин, 1993 б, с. 710].

Несомненно, это историческое произведение Пушкина не является творческим вымыслом. Ведь в предисловии к «Истории Пугачевского бунта» Пушкин отмечал: *«Сей исторический отрывок составлял часть труда, мною оставленного. В нем собрано все, что было обнародовано правительством касательно Пугачева, и то, что показалось мне достоверным в иностранных писателях, говоривших о нем. Также имел я случай пользоваться некоторыми рукописями, преданиями и свидетельством живых»*. Свой труд Пушкин оценивал, как *«конечно несовершенный, но добросовестный»* [Пушкин, 1993 б, с. 681]. Работа над «Историей Пугачевского бунта» была для Пушкина крайне трудоемкой. В частности, в ответе на одну из рецензий, опубликованную в «Сыне отечества» (русский общественно-политический журнал XIX в. – Авт.) за подписью «П. К.» (имя ее автора, В.Б. Броневского, автора «Истории войска Донского», стало известно лишь в июне 1836 г. – Авт.), Пушкин писал: *«Я прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов in folio разных рукописей, указов, донесений и проч. Я посетил 275 мест, где произошли главные события эпохи, мною описанной, проверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь проверяя их дряхлеющую память историческою*

В.Г. Перов. Суд Пугачева. 1885 г. ГИМ

критикою» [Пушкин, 1836, с. 274–275]. Анализ архивных материалов был довольно сложным. В письме В.Д. Вольховскому (лицейский товарищ Пушкина. – *Авт.*) от 22 июля 1835 г. Пушкин указывал: *«Я старался в нем (сочинение «История Пугачевского бунта». – Авт.) исследовать военные тогдашние действия и думал только о ясном их изложении, что стоило мне немалого труда, ибо начальники, действовавшие довольно запутанно, еще запутаннее писали свои донесения, хвастаясь или оправдываясь равно бестолково. Все это нужно было сличать, верить etc...»* [Пушкин, 1949, с. 541].

Через описание казни Ловица Пушкин приоткрыл читателю некую бездумную «разудальность» пугачевской фигуры. Тем не менее буквально следом, при обрисовке встречи академика Рычкова* с уже плененным Пугачевым, предводитель мятежного войска предстал перед читателем во всей внутренней сложности, трагизме и противоречивости своего характера: *«Он (Пугачев. – Авт.) посажен был под крепкий караул, скованный по рукам и ногам, с железным обручем около поясицы, на цепи, привинченной к стене. Академик Рычков, отец убитого симбирского коменданта, видел его тут и описал свое свидание. Пугачев ел уху на деревянном блюде. Увидя Рычкова, он сказал ему: “Добро пожаловать”, и пригласил его с ним отобедать. “Из чего, – пишет академик, – я познал его подлый дух”. Рычков спросил его, как мог он отважиться на такие великие злодеяния? – Пугачев отвечал: “Виноват перед Богом и государыней, но буду стараться заслужить все мои вины”. И подтверждал слова свои божбою (по подлости своей, опять замечает Рычков). Говоря о своем сыне, Рычков не мог удержаться от слез; Пугачев, глядя на него, сам заплакал»* [Пушкин, 1993 а, с. 711].

Считается, что предание о трагической судьбе академика Ловица Пушкин услышал и записал в Симбирске во время поездок по местам Пугачевского восстания и сбора показаний живых свидетелей тех событий [Абрамович, 1994]. Был ли на самом деле описанный Пушкиным диалог между Ловицем и Пугачевым, мы уже не узнаем. Но этот разговор, учитывая нравы того времени, вполне мог бы состояться. Тем не менее, оценивая имеющиеся версии о причинах гибели отряда Ловица, мы можем говорить о совокупности предшествующих факторов: и малопонятная для мятежников деятельность

* Пётр Иванович Рычков – русский чиновник, путешественник, экономист, историк и краевед. Первый член-корреспондент Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге (1759) (см. раздел 1.4).

ученого, и его иностранный наряд, и акцент, и возможные высказывания Ловица о строительстве Волго-Донского канала...

«История Пугачевского бунта» стала первым крупным научно-историческим произведением А.С. Пушкина. Нам нет оснований не доверять приведенным в книге фактам. В связи с этим подчеркнем, что, благодаря скрупулезному историческому исследованию Пушкина, сегодня мы имеем возможность оценить подлинную обстановку второй половины XVIII в., в которой работали астрономические и «физические» экспедиции, организованные Императорской академией наук и художеств в Санкт-Петербурге.

<...>

«Физические» экспедиционные отряды Академии наук также не избежали испытаний. В особо сложном положении оказался первый Астраханский отряд **Самуила Готлиба Гмелина**, исследовавшего в 1768–1774 гг. Астраханский край, Кавказ и Персию. За время поездок отряд изучил природу степного юга, Поволжья и Придонья, Азовского и Каспийского морей, подготовил карты этих районов, описал нравы и обычаи местных жителей [Бондарь, Кирикова, 2024]. В первые два года основной базой для отряда стала Астрахань. Здесь обрабатывался собранный материал, готовились отчеты и публикации, намечались новые маршруты. В июне 1770 г. отряд Гмелина выдвинулся в район Западного Прикаспия. Морем исследователи достигли Баку, намереваясь проникнуть к предгорьям Большого Кавказа. Как пишут Л.Д. Бондарь и О.А. Кирикова: *«Отряду предстояло работать в землях, где то и дело вспыхивали вооруженные конфликты, поэтому астраханский губернатор снабдил столичного ученого рекомендательными письмами ко всем правителям, чьи владения он намеревался посетить, дал знающего переводчика и команду солдат... незваные гости, желавшие объехать местность, показались Бакинскому хану шпионами, не помогли ни письма, ни переводчик. Скрепя сердце он позволил им остаться в городе на несколько дней и осмотреть окрестности...»* [Бондарь, Кирикова, 2024, с. 89, 91]. Вскоре отряд перебрался в города Шемаха и Сальян, а также персидские портовые города Энзели и Решт. На обратном пути путешественники были пленены одним из местных ханов, потребовавшим под страхом смерти вылечить его брата от болезни глаз. Несмотря на то что у Гмелина не было инструментов, ученый взялся за исцеление, и пациент, на удивление самому Гмелину, вскоре поправился. Однако пленники получили возможность вернуться в Астрахань лишь в начале ноября.

В плену все участники похода «*слегли в горячке, от которой скончались рисовальщик И. Борисов и несколько матросов из команды сопровождения*» [там же, с. 92–93]. Здоровье руководителя похода было подорвано, но речь о возвращении в Санкт-Петербург не шла, так как программа исследования еще не была закончена. Кроме того, в Астрахани Гмелин вскоре женился, поэтому этот город стал для молодого ученого и постоянным домом.

В 1774 г. Гмелин решил возобновить исследования западного побережья Каспийского моря. В регионе было неспокойно, но кизлярский комендант И.И. фон Штендер обещал дать в провожатые терских казаков. Далее вновь обратимся к очерку Бондаря и Кириковой: «*Несмотря на все предосторожности, в дороге из Кизляра в Дербент С.Г. Гмелин и его спутники были захвачены в плен одним из владетелей Дагестана – воинственным кайтагским ханом Усмей Амир-Амзой (уцмий Амир-Хамза. – Авт.). Освободить ученых никак не получалось, поскольку хан постоянно менял условия... Обеспокоенные судьбой молодого коллеги академики попросили о помощи саму императрицу*... 27 июня С.Г. Гмелин скончался от лихорадки и истощения, так и не дождавшись помощи. К счастью, научные работы С.Г. Гмелина не пропали с его смертью: их спасли и доставили в Академию наук отпущенные из плена студент И. Михайлов и рисовальщик Ф. Брауэр. Наблюдения С.Г. Гмелина были опубликованы в четырех томах...*» [там же, с. 93–94].

<...>

Второй Астраханский отряд молодого естествоиспытателя **Иоганна Антона Гюльденштедта** работал в 1768–1775 гг. не только в районе Астраханского края, но и на Кавказе. В сферу интересов отряда были также включены обширные районы Новороссии и Малороссии. В отличие от трагических путешествий Г.М. Ловица и С.Г. Гмелина, для Гюльденштедта экспедиционные исследования стали, как он сам отмечал, «подарком судьбы». Уже на второй год работы экспедиции, т. е. с 1769 г., Гюльденштедт стал адъюнктом по натуральной истории, затем, в 1771 г., – профессором, и, наконец, в 1774 г. – академиком

* Екатерина II планировала освободить Гмелина военной силой, но восстание Пугачева помешало этим планам. Пока шли переговоры с российской стороной, академик Самуил Готлиб Гмелин от тревог, волнений и плохого питания заболел и скончался в плену от лихорадки и истощения 27 июля 1774 г. в возрасте 30 лет. На следующий год после смерти Гмелина отряды Амир-Хамзы были разбиты русскими войсками, а записи и дневники Гмелина были возвращены его помощникам.

Санкт-Петербургской академии наук. В период своих поездок Гюльденштедт иногда пересекался с отрядом Гмелина. Ученые сдружились уже при первой встрече в Воронеже и первую зимовку 1768/69 г. провели вместе. За время поездок Гюльденштедт дал первые характеристики почв, растительности и животного мира южнорусских степей, одним из первых объяснил происхождение чернозема, впервые описал ряд до того неизвестных позвоночных (слепыш, новый вид суслика и др.). Также он одним из первых европейских ученых описал быт и культуру кумыков, ингушей, орстхойцев, осетин, чеченцев и других северокавказских народов. Тем не менее во время посещений Кавказского региона Гюльденштедту также не удалось избежать неприятных ситуаций. Из-за соображений безопасности исследователи старались держаться частей регулярной армии, причем Гюльденштедт дополнительно нанимал отставных гусар. Но однажды, находясь под прикрытием солдат, ученый и его спутники пережили ночной набег чеченцев, от которых удалось отбиться лишь благодаря артиллерии. Экспедиционный отряд сопровождали и болезни. В январе 1770 г. путешественникам пришлось идти в небывалую стужу. Все члены экспедиции мучились от болей в груди, а чучельник С. Тарбаев, который давно страдал от цинги, отморозил ноги и сказал об этом, когда уже началась гангрена. Гюльденштедту пришлось срочно его прооперировать. От холода иногда погибали солдаты сопровождения. Однажды, в начале сентября 1772 г., почти все члены отряда заболели лихорадкой, которая сопровождалась сильными головными болями и нарывами на теле... В начале октября отряд двинулся в обратный путь, который растянулся на два месяца из-за проблем с горными переправами, *«за которые с путников требовали высокой платы и даже не раз угрожали их жизни»* [Бондарь, Кирикова, 2024, с. 106].

В Санкт-Петербург Гюльденштедт благополучно вернулся 25 марта 1775 г. и вскоре впервые присутствовал в заседании академической Конференции как полноправный член Академии [Бондарь, Кирикова, 2024]. Многим его новым планам по изучению малоисследованных территорий Российской империи так и не удалось осуществиться. Ученый умер 23 марта 1781 г. в возрасте 35 лет, спасая больных во время эпидемии тифа.

<...>

Первый Оренбургский отряд Ивана Ивановича Лепёхина в 1768–1772 гг. исследовал районы Волги, Урала, севера Европейской России и Северного Ледовитого океана. Изучались

Николай Яковлевич
Озерецковский.

Художник М.А. Кашенцев.
Литография А.О. Мошарского.
СПФ АРАН. Р.Х. Оп. 1-О.
Д. 3. Л. 1. *Из открытых
источников*

природные богатства региона, сведения о хозяйстве, городах и населении. В ходе путешествия замечательно проявил себя в качестве исследователя будущий академик Николай Яковлевич Озерецковский*, который, кроме того, дважды провел самостоятельные маршруты. Записи, сделанные Лепёхиным во время своих поездок, легли в основу его книги «Дневные записки путешествия <...> по разным провинциям Российского государства» (1771–1805, в 4 частях), причем 4-я часть, изданная посмертно, была дописана и опубликована Н.Я. Озерецковским.

Другой Оренбургский отряд возглавил швед на русской службе ученик знаменитого Карла Линнея **Иоганн Петер Фальк**. Исследователи отправились в путь 5 сентября 1768 г. и сумели дойти до Сызрани, где и пере-

зимовали. В 1769 г. Фальк путешествовал по Поволжью, а затем через Астрахань добрался до Оренбурга. Напряженная программа работ сказалась на психическом состоянии Фалька. Академия, озабоченная судьбой экспедиции и ее руководителя, направила ему в помощники еще одного ученика К. Линнея **Иоганна Готтлиба Георги**, который

* **Николай Яковлевич Озерецковский** (1750–1827) – русский ученый-энциклопедист, естествоиспытатель, член Санкт-Петербургской академии наук (1782) и Академии российской (1783). Родился в семье священника Якова Озерецковского. В семилетнем возрасте был определен в семинарию Троице-Сергиевой лавры, где обучался в течение десяти лет. В 1768 г. в числе лучших семинаристов отправлен в академическую гимназию и 8 июня был включен в академическую экспедицию Академии наук в качестве помощника академика И.И. Лепёхина. В 1792 г. по указу Екатерины II пожалован орденом Святого Владимира IV степени, став одним из первых российских ученых, отмеченных государственной наградой. Вместе с Д.И. Фонвизиним, Г.Р. Державиным и другими авторами принял участие в составлении первого толкового словаря русского языка. Стал основоположником гидрологического и гидробиологического изучения Онежского (1785) и Ладожского (1812) озер, а также озер Ильмень (1805) и Селигер (1814). В 1814 г. Озерецковский установил место истока Волги. С Озерецковского отсчитывается хронология археологического изучения Новгородской округи. Последний директор единого Академического музея (Кунсткамеры), которым он руководил вплоть до своей кончины 28 февраля [12 марта] 1827 г.

прибыл к месту назначения в начале июля 1770 г. [Киссер, 2016]. Экспедиционный отряд собрал огромный материал о географии, топографии, полезных ископаемых, флоре и фауне, промышленном производстве Астраханского и Оренбургского краев, Юго-Западной Сибири, Южном Урале и Казани. По отдельным провинциям были собраны сведения по поставкам соли, плодородности земель, хлебопашестве и урожайности, поголовье и видах домашнего скота, местной торговле, болезнях и местных лечебных травах... В 1772 г. в соответствии с распоряжением Академии наук отряд Фалька разделился: самому руководителю было разрешено прекратить путешествие «по нездоровью», а И.Г. Георги двинулся в сторону Байкала. Фальк же не торопился возвращаться в Петербург, объясняя это «эпидемиями» и «волнениями в этих местах» яицких казаков под предводительством Емельяна Пугачева [Носкова, 2007]. В начале 1774 г. оба исследователя вновь встретились в Казани. К сожалению, после непростой зимы состояние здоровья Фалька ухудшилось. Георги в письме Эйлеру так описывал состояние своего руководителя: *«мучим он был сухим и мокрым почечуем, мучился также животом, имел жесткую в голове боль и одержим был ломной боли припадками»* [Бондарь, Кирикова, 2024, с. 130]. 31 марта 1744 г. при очередном приступе болезни ученый покончил жизнь самоубийством. Бондарь и Кирикова в своем очерке отмечали: *«После И.П. Фалька осталось огромное количество разрозненных записей на шведском, немецком и латинском языках. Работа по их прочтению и систематизации, которую вызвался взять на себя И.И. Георги, потребовала длительного труда, но в итоге результаты экспедиционных исследований были им опубликованы... Так, история второго оренбургского отряда явила пример товарищества и истинной научной солидарности»* [там же, с. 131–132].

Работы самого Георги также принесли ему широкую известность. Особую значимость имели его картографические исследования озера Байкал; он считается первооткрывателем байкальского омуля. Зарисовки Георги представителей народов России были частично опубликованы в «Путешествии» П.С. Палласа, затем издавались Георги в виде журнала и включены им в его «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» – первый обобщающий труд о народах России. В «Физико-географическом и естественно-историческом описании Российской империи» ученый предпринял попытку создания полного списка видов растений России (3627 видов). Георги также является автором трудов по химии и географии. Кроме того, он исследовал свойства минеральных вод России.

Поход руководителя «физических» экспедиций П.С. Палласа, по крайней мере в первые два года путешествия (1769–1770), проходил вполне благополучно. Ученый еще до начала Пугачевского бунта успел исследовать города и районы центральной и юго-восточной России. В частности, уже в первый год работы он открыл месторождения битуминозного известняка и нефти на Волге. В августе 1769 г. Паллас посетил Яицкий городок, где местный атаман предложил ему купить коллекцию буддийской скульптуры. В своих книгах исследователь опубликовал несколько изображений купленных им предметов. Ныне часть приобретенных Палласом коллекций хранится в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН [Иванов, 2008]. Во время зимовки в Уфе Паллас закончил первый том описания своего путешествия «*Reise durch verschiedene Provinzen des Rußischen Reichs*» («Путешествие по разным провинциям Российского государства»), который уже в следующем, 1771 г., был опубликован в Санкт-Петербурге.

Лето 1770 г. путешественник посвятил изучению Уральских гор. В Екатеринбурге он посетил местные горные заводы. Был на р. Туре (левый приток Тобола, бассейн Иртыша). На зиму остановился в Челябинске и уже зимой ездил в Тобольск и Тюмень. Зимой 1772 г. П.С. Паллас провел в Красноярске. За время зимовки он подготовил второй том своего труда «*Reise durch verschiedene Provinzen des Rußischen Reichs*». Тем не менее из его писем И.А. Эйлеру, секретарю Академии наук, мы узнаем, что он собирался продолжить свой путь в Китай, но из-за плохого здоровья Паллас вынужден был отказаться от этого плана. Также Паллас жаловался Эйлеру, что путешествие 1771 г. представляло собой сплошную череду неудач и неприятностей. К счастью, здоровье Палласа вскоре улучшилось, и в марте 1772 г. П.С. Паллас с отрядом отбыли из Красноярска. Через Иркутск по льду Байкала они добрались до Кяхты (город на юге Бурятии на границе с Монголией), а затем посетили Даурию. Через Селенгинск и Иркутск отряд вернулся в Красноярск, где пробыл до января 1773 г., после чего отправился в обратный путь, через Томск, Тару (самый северный город Омской области), Сарапул (город в Удмуртии) и Казань. В сентябре Паллас остановился в Царицыне (ныне – Волгоград) на зимовку, за время которой он совершил несколько поездок, в том числе побывал в Астрахани.

В Санкт-Петербург П.С. Паллас вернулся 30 июля 1774 г.

Как следует из справочных источников, в общей сложности маршрут только палласовского отряда составил 27 264 версты (около 29 085 км), из которых 6000 верст (около 6400 км) проделали студенты академической гимназии Василий Федорович Зуев (1754–1794; русский ученый-естествоиспытатель, путешественник, этнограф, академик Санкт-Петербургской академии наук с 1787 г., автор первого русского учебника по естествознанию «Начертание естественной истории» [Зуев, 1786]) и Никита Петрович Соколов (1748–1795; российский ученый-естествоиспытатель, химик, академик Санкт-Петербургской академии наук с 1787 г., заведовал химической лабораторией, один из авторов «Словаря Академии Российской»). Считается, что по своим масштабам и сложности подобный экспедиционный проект и сегодня выглядел бы трудновыполнимым.

За 7 лет путешествий всеми отрядами были исследованы Европейская Россия, Поволжье, Урал, Кавказ, Прикаспий, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, опубликованы первые научные описания исследованных регионов.

Астрономические и «физические» экспедиции стали крупнейшим научным мероприятием, организованным Императорской академией наук и художеств в Санкт-Петербурге во второй половине XVIII в. Значение академических экспедиций для экономики России было огромно. По своим результатам они и сегодня имеют большое значение как первое всестороннее научное обследование значительной части территории Российской империи. Эти экспедиции составили одно из наиболее значимых достижений Академии наук в XVIII в. [Трутнев, 1994]. При этом «физические» академические экспедиции, но в меньших масштабах, продолжались и в последней четверти XVIII в. Из наиболее крупных путешествий отметим: исследования Валдайской и Олонецкой возвышенностей 1778–1779 гг. (руководитель – академик К.Г. Лаксман), изучение территорий между реками Западный Буг и Днестр для уточнения границ Империи в 1781–1782 гг. (руководитель – академик В.Ф. Зуев), определение координат городов Крыма в 1785 г. (руководитель – адъютант Ф.О. Чёрный), астрономическую экспедицию по Европейской России в 1781–1785 гг. (руководитель – академик П.Б. Иноходцев), исследование берегов северо-восточной Сибири и Алеутских островов в 1785–1794 гг. (руководители – лейтенанты И. Биллингс, капитан-командор с 1799 г., и Г.А. Сарычев, генерал-гидрограф с 1803 г., почетный академик с 1809 г.), изучение бассейна Виллюй в 1790 г. (руководитель – академик К.Г. Лаксман)

и др. Кроме того, сам П.С. Паллас, поселившийся в 1796 г. в Крыму, обследовал почти все Южное побережье полуострова [Паллас, 1999].

Помимо научных трудов и описаний академических путешествий, материалы астрономических и «физических» экспедиций послужили основой для составления серии новейших карт Российской империи: «Новая генеральная карта России по новейшим наблюдениям и известиям сочиненная» (1776), «Новая карта Российской империи, разделенная на наместничества» (1786) и «Атлас Российской империи» (1796).

В грядущем XIX в. «физические» экспедиции становились более специализированными, а их география вышла за пределы страны. В дальнейшем особо значимую экспедиционную страницу прочно заняли организованные при участии Морского министерства, Императорской академии наук (официальное название Академии по регламенту 1803 г.), а позже и Императорского Географического общества морские кругосветные плавания, старт которым был дан блестящим путешествием под командованием И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского в 1803–1806 гг.

<...>

Вслед за Орловым с 1 июля 1775 г. директором Академии наук Екатериной II был назначен **Сергей Герасимович Домашнев** (1743–1795), который занимал эту должность до 15 января 1783 г. Сергей Герасимович родился 24 сентября [5 октября 1743 г.] в Москве в семье секретаря Главной соляной конторы. В январе 1759 г. поступил в Университетскую гимназию, где был отмечен золотой медалью (1761). Продолжая обучение, с февраля 1760 г. он числился солдатом в Измайловском полку и вскоре был произведен в офицеры, затем служил в Генеральном штабе. Одновременно будущий директор Академии начал литературную деятельность. В 1770 г. во время Русско-турецкой войны С.Г. Домашнев участвовал в Морейской экспедиции графа А.Г. Орлова. По возвращении в Россию пожалован действительные статские советники.

В Академии наук Домашнев сумел оживить литературно-популяризаторскую деятельность. В частности, конце 1775 г. он привлек к редактированию «Санкт-Петербургских ведомостей», издававшихся Академией, русского поэта и переводчика Ипполита Федоровича Богдановича (1744–1803), с 1778 г. ввел печатание популярных статей членов Академии и переводных материалов в «Календаре, или Месяцеслове...». 14 декабря 1778 г. Домашнев объявил об издании журнала «Академические известия» (1779–1781), где должны были

публиковаться описания открытий и изобретений, имеющих практическое значение, предпринял меры по распространению академических изданий в провинции – в частности, в 1780 г. при посредничестве Ф.О. Туманского (1746–1810; русский писатель и переводчик, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук с 1779 г., действительный член Российской академии, цензор в Риге в 1787–1801 гг.) была открыта книжная лавка в Глухове (в 1765–1773 гг. – административный центр Малороссийской губернии).

Так случилось, что к началу 1780-х гг. административная деятельность Сергея Герасимовича Домашнева стала сводиться к бюрократизации академической жизни. Он, например, стал лично, без баллотировки, назначать почетных и иностранных членов Академии и смещать с должностей ее действительных членов (смещение с должности руководителя Кабинетом естественной истории и редкостей академика С.К. Котельникова, увольнение из Академии академика Э.Г. Лаксмана и др.). В период проведения Екатериной II общеобразовательной реформы (о реформе см. ниже) С.Г. Домашнев постепенно сокращал финансирование академической гимназии, чем вызвал скандал. При этом он вступил в спор с ее инспектором, академиком И.И. Лепёхиным, обвинив последнего в несвоевременном докладе о бедственном положении гимназистов. Екатерина II из-за недовольства академиков деятельностью директора назначила комиссию во главе с генерал-прокурором князем А.А. Вяземским (1727–1793), который по результатам проверки принял сторону академиков.

С.Г. Домашнев был уволен с должности 15 января 1783 г.

<...>

В начале 1783 г. после увольнения С.Г. Домашнего Екатерина II принимает неожиданное для всех решение: на пост директора Академии наук именным указом она назначает женщину – княгиню **Екатерину Романовну Дашкову***. Позже сама Дашкова так напишет

* **Княгиня Екатерина Романовна Дашкова** (1743–1810). Многолетняя подруга и сподвижница императрицы Екатерины II, сыгравшая значительную роль в ее восшествии на престол в 1762 г. Первая в истории России женщина неимператорского происхождения, занимавшая высокие государственные посты: директор Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге (1783–1796), инициатор учреждения и первый председатель Императорской академии российской (1783–1796). Член Стокгольмской, Дублинской и Эрлангерской академий. Почетный член Шведской (1783) и Ирландской (1791) королевских академий, Американского философского общества в Филадельфии (1789), Берлинского общества любителей естествознания (1785) и Земледельческого общества курфюршества Брауншвейг-Люнебургского (1794).

об этом предложении: «...В следующем месяце был дан новый придворный пир, не помню, по какому обстоятельству; императрица, обходя общество, перемолвила несколько слов с некоторыми статс-дамами и иностранными министрами, потом обратившись ко мне сказала, “У меня есть до вас, княгиня, особенное дело; но теперь, я вижу, нельзя говорить о нем”. За тем она оставила меня и снова заговорила с посланниками на другой стороне залы; потом вдруг, остановившись в небольшом кругу, соединившимся среди комнаты, она подала мне знак подойти к ней. Я приблизилась, и если б упала прямо с облаков, я менее удивилась бы, чем в ту минуту, когда императрица предложила мне место директора академии искусств и наук... Нет, государыня, сказала я наконец, не по моим силам эта обязанность; если вы шутите, то я могла бы еще принять ради насмешки над собой это место, но никогда не соглашусь унижать ваше личное достоинство и умение избирать людей, вступая в такую должность, для которой я вовсе не способна» [Дашкова, 1859, с. 192].

После непродолжительных, но настойчивых уговоров Дашкова дала свое согласие, и Указом от 24 января [4 февр.] 1783 г. императрица назначила княгиню на пост директора Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге при президентстве графа К.Г. Разумовского. К этому времени Екатерина II была уже не так близка с Дашковой, но хорошо понимала широту и уровень личности княгини, известной в европейских ученых кругах. Таким образом, Екатерина Романовна Дашкова стала первой в мире женщиной, которой было поручено управлять Академией наук. Почитатель и биограф Дашковой Александр Иванович Герцен это назначение прокомментировал следующим образом: «Екатерина II, делая ее президентом Академии, признала политическое равенство обоих полов, совершенно последовательное в стране, принимавшей гражданскую правомерность женщин, остающийся на Западе прикрепленными к мужьям или в вечном несовершеннолетии» [Герцен, 1859, с. VII].

Е.Р. Дашкова была прекрасно образована, деятельна и независима. Сам Герцен недвусмысленно восхищался Дашковой: «В Дашковой чувствуется та самая сила, не совсем устроенная, которая рвалась к просторной жизни из-под плесени московского застоя, что-то сильное, многостороннее, деятельное, петровское, ломоносовское, но смягченное аристократическим воспитанием и женственностью» [там же, с. VII].

Говоря об Екатерине Романовне Дашковой, в девичестве Воронцовой, надо отметить, что она была третьей дочерью графа Романа

Илларионовича Воронцова, члена Сената и генерал-аншефа. Мать, Марфа Ивановна, урожденная Сурмина (1718–1745), происходила из богатой купеческой семьи. Рано лишившись матери, Екатерина была взята на воспитание в дом дяди – вице-канцлера Михаила Илларионовича Воронцова. Ее так называемое «превосходное», по понятиям того времени, «чисто французское» воспитание (вместе с кухней Анной) ограничивалось обучением языкам, танцам и рисованию. Однажды Екатерина заболела корью, и ее «отправили в деревню, за семнадцать верст от Петербурга», где она пристрастилась к чтению, став, таким образом, одной из образованнейших женщин своего времени. Ее любимыми писателями были французские просветители П. Байль, Н. Буало, Ф.М. Вольтер, Ш.Л. Монтескье, К.А. Гельвеций и др. Узнав о любви Екатерины к чтению, И.И. Шувалов стал присылать девушке литературные новинки того времени, которые он получал из Франции.

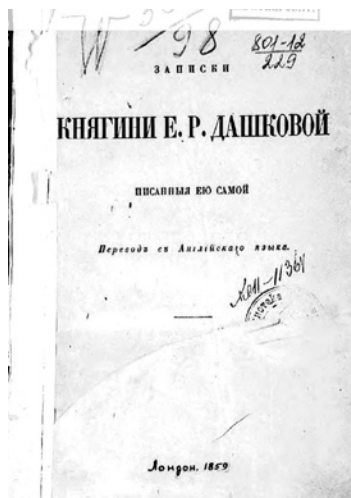
В 1758 г. Екатерина Воронцова сблизилась с будущей императрицей Екатериной II, несмотря на то, что одна из сестер Екатерины, Елизавета Романовна Полянская была фавориткой Петра III. В феврале 1759 г. Екатерина Воронцова вышла замуж за князя Михаила Ивановича Дашкова, потомка смоленских Рюриковичей, и переехала с ним в Москву.

Дашкова активно участвовала в перевороте 1762 г., приведшем Екатерину II на престол. Однако вскоре после переворота отношения императрицы к Дашковой охладели, и Екатерина Романовна вынуждена была удалиться от двора. В 1769 г. Дашкова отправилась в поездку по Европе, где посетила Ватикан, Великобританию, Пруссию, Голландию, Швейцарию, Австрию и Францию, встречалась с папой Пием VI, королем Фридрихом II, императором Иосифом II, виделась и беседовала с Дени Дидро и Вольтером. В 1782 г. Екатерина Романовна вернулась в российскую столицу, и ее отношения с Екатериной вновь наладились.

Деятельность Дашковой в Академии наук сосредоточилась на упорядочении академического хозяйства и финансов, научно-просветительской и издательской деятельности. По инициативе Дашковой были основаны три благотворительных фонда: для оплаты академиков, читавших на русском языке публичные лекции для всех желающих (1784), для развития академической гимназии (1790) и пенсионный фонд (1791). При Дашковой были построены главное здание Академии наук и академический дом на 7-й линии Васильевского острова, она уплатила многочисленные долги Академии, значительно

Е.Р. Дашкова. Портрет работы Д.Г. Левицкого. Ок. 1784 г. Частная коллекция. Из открытых источников

Титульный лист «Записок княгини Е.Р. Дашковой», изданных в Лондоне в 1859 г.

пополнила библиотеку, улучшила работу типографии, обогатила коллекцию минералов, способствовала организации множества ученых экспедиций по территории России. При участии княгини была активизирована работа Географического отдела, что позволило создать новые карты ряда губерний. Дашкова понимала государственную значимость работ, направленных на «...приготовление новых и точных карт провинций, границы которых никогда не были означены в очерках их, со времени последнего разделения империи. Это новое разделение России на области, как первый шаг к введению порядка и цивилизации в такой обширной стране, было истинно-великим делом Екатерины. Вследствие его дороги сделались более безопасны и удобны; внутренняя торговля оживилась, и частное благосостояние скоро проявилось к улучшению городов...» [Дашкова, 1859, с. 208].

Благодаря усилиям княгини была расширена учебная деятельность Академии, в т. ч. работа академической гимназии. Дашкова так писала о своих нововведениях: «В академических аудиториях я застала семнадцать студентов и двадцать одного ремесленника, получавших воспитание на казённый счет. Я увеличила число тех и других, – первых довела до пятидесяти, а вторых до сорока; я успела удержать Фусса (молодого человека, внука Эйлера, желавшего оставить академию), увеличив жалованье его, так как и другого академика Жоржа. Менее

чем в год я нашла возможность возвысить оклады всех профессоров и открыть три новых кафедры – математическую, геометрическую и естественной истории, – для всех, желающих посещать лекции, читанные на Русском языке. Я часто сама слушала их, и с радостью убедилась в том, что это учреждение принесло большую пользу сыновьям бедных дворян и низших гвардейских офицеров...» [там же, с. 202–203].

По инициативе Дашковой Академия наук предприняла первое издание сочинений Ломоносова, вторым изданием было опубликовано «Описание земли Камчатки» С.П. Крашенинникова, продолжено печатание «Дневных записок путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства...». При Дашковой возобновился выход «Академических известий» и было основано два периодических издания – «Собеседник любителей русского слова», в котором, как известно, печатала свои исторические пьесы сама Екатерина II [Моисеева, 1974] и «Новые ежемесячные сочинения», где печатались Г.Р. Державин, Д.И. Фонвизин, Я.Б. Княжнин и др. (по материалам сайта РАН и справочным источникам).

30 сентября [11 окт.] 1783 г. Екатерина II подписала указ о создании Императорской академии российской (далее – Академии российской, Российской академии) «*чтобы усовершенствовать и возвеличить русское слово*». Во главе этой Академии также была поставлена Екатерина Дашкова. Главным результатом деятельности новой Академии стало издание в 1794 г. «**Словаря Академии Российской**», в составлении которого приняли участие ведущие литераторы того времени и русскоязычные члены Императорской академии наук: Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, И.Н. Болтин, И.И. Лепёхин, С.Я. Румовский, А.А. Ржевский, Н.Я. Озерецковский, Ф.О. Туманский, Н.П. Соколов и др. «Словарь Академии Российской» стал первым толковым словарем русского языка, содержащим 43.357 слов в шести частях (подробнее см. в разделе 2.3).

<...>

12 августа 1794 г. княгиня Екатерина Дашкова по семейным обстоятельствам и «для поправления расстроенного здоровья» была вынуждена уйти в долгосрочный отпуск, при этом обязанности директора Академии стал выполнять ее племянник **Павел Петрович Бакунин** (1766–1806). После воцарения Павла I Екатерина Дашкова 12 ноября 1796 г. была отрешена от должности директора и отправлена в ссылку в одно из своих имений. В день смерти Екатерины II она

находилась в своем имении в Троицком и так описывала это событие: «Городничий города Серпухова, Григорьев, почтенный и честнейший человек, друг мой, зашел однажды вечером ко мне. Когда он явился, я испугалась его встревоженного и бледного лица: “Скажите ради Бога, что с вами?” воскликнула я.

“Разве вы не слыхали о несчастии? сказал он. — Императрица скончалась”.

Дочь моя, находившаяся со мной, бросилась поддержать меня, боясь, что я упаду.

“Нет, не бойся, сказала я, за мою жизнь; умереть в эту горькую минуту было бы слишком большим счастьем. Судьба бережет меня для более черных дней; я осуждена видеть падение и бедствие России в той же мере, в какой она была доселе счастлива и велика”...

Предчувствия мои, к сожалению, скоро сбылись. Ужас и общее беспокойство забили сердцем каждого. Не было ни одного семейства, которое бы не оплакивало в своем кругу падшей жертвы. Муж, отец, дядя боялись за жену, сына и наследника: одно слово деспота могло забросить их в тюрьму или в снега Сибири.

До меня не замедлило дойти известие об указе нового царя, которым он отрешил меня от должности. Я просила Самойлова, все еще генерал-прокурора Сената, поблагодарить покорно государя за освобождение меня от бремени, выше сил моих» [там же, с. 252–253].

Мемуары княгини Дашковой, которые цитированы в этом разделе, были написаны ею в 1804–1805 гг. и впервые изданы на английском языке в Великобритании (1840). На русском языке эти уникальные воспоминания опубликованы А.И. Герценом в Лондоне (1859). В своих «Записках» княгиня, вспоминая прошедшие года, писала с грустью:

Когда уже было мнѣ шестьдесятъ лѣтъ, когда я вынесла много несчастій, болѣзней, жестокое изгнаніе и, въ уединеніи, посвятила себя благу своихъ крестьянъ, мой взоръ въ первый разъ обратился къ прошедшему; и я увидѣла всю ложь и пристрастія обвиненій, распространенныя нѣкоторыми французскими писателями противъ Катерины большой; но съ тѣмъ вѣстѣ, они не пощадили, по дорогѣ своего злословія и ея друга, Катерину маленькую. Въ этихъ памфлетахъ ваша Дашкова очерчена всѣми пороками, совершенно чуждыми ея характеру; у однихъ она является женщиной самаго преступнаго честолюбія, у другихъ — грубой развратницей.

Троицкое, 27 октября 1805 г. Из: [Дашкова, 1859, с. 2]

В день отставки Дашковой новым директором Академии наук был назначен бывший ее заместитель Павел Петрович Бакунин. Назначение оказалось не вполне удачным. На сайте Архива РАН о правлении Бакунина сказано следующее: *«В истории Академии наук П.П. Бакунин оставил негативный след как директор с диктаторскими замашками и несдержанным, вспыльчивым характером, который практиковал авторитарные методы руководства научной корпорацией. К неудовольствию академиков, он всячески старался регламентировать и планировать научную деятельность, и, естественно, встретил организованное сопротивление ученых. Игнорируя мнение Конференции и регламента 1747 г., он проводил в члены АН угодных ему лиц, опускался до прямой конфронтации с академиками и “прославился” тем, что в порыве гнева разорвал подписанный академиками протокол Конференции с неудобным директору решением... Своими непродуманными действиями П.П. Бакунин довел финансовое положение Академии до полного краха – разбазарил все внебюджетные средства (46 тыс. руб.), заработанные АН во время директорства Е.Р. Дашковой, и наделал очередных долгов (22 тыс.). Нерешенность финансовых и хозяйственных вопросов деятельности Академии, требовавших частого вмешательства Сената, постоянные конфликты с академическим корпусом вызвали неудовольствие Павла I и привели к отставке П.П. Бакунина 8 апреля 1798 г., положив конец бесславному четырехлетнему пребыванию его в этой должности (в тот же день он получил назначение в русское посольство в Вене)»* (Бакунин Павел Петрович | Виртуальный музей истории РАН). Одновременно с должности президента Академии был уволен и К.Г. Разумовский.

В период недолгого правления Павла I президентом Академии наук был назначен барон **Генрих Людвиг фон Николаи** (Андрей Львович) (1737–1820; член кабинета императора Павла I в звании государственного секретаря с 1796 г., президент Академии наук в 1798–1803 гг.), с которым Академия вступала в новый этап своего развития. Сам Андрей Львович, будучи писателем и поэтом, ранее был наставником и библиотекарем великого князя Павла Петровича, а затем его казначеем. На посту президента Академии наук он старался выправить ее тяжелое положение, в которое Академия попала в годы директорства П.П. Бакунина. С первых дней своего президентства Николаи поддерживал требования ученых о закупке оборудования для

Генрих Людвиг (Андрей Львович) фон Николаи.
Художник И.Б. Лампи.

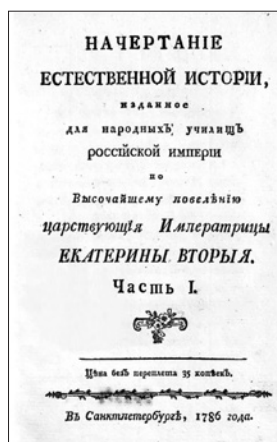
Из открытых источников

научных исследований, указывал на необходимость увеличения и упорядочения коллекций Кунсткамеры, организации научных экспедиций, реорганизации академической гимназии и совершенствования издательской деятельности. По инициативе А.Л. Николаи в 1800 г. была введена должность вице-президента Академии наук, на которую был назначен С.Я. Румовский. Таким образом, к управлению Академией привлекались сами академики. С приходом к власти императора Александра I А.Л. Николаи принял решение об отставке, которая не сразу, но была принята 6 февраля 1803 г. с сохранением пожизненной пенсии (по материалам сайта РАН и справочным источникам).

<...>

Заканчивая очерк о времени правления Екатерины II, необходимо отметить ее стремление по введению в России общей системы народного образования. Императрица консультировалась по этому поводу у западных просветителей, писателей и государственных деятелей, таких как французский писатель, философ-энциклопедист, иностранный член Санкт-Петербургской академии наук (1773) Дени Дидро, выполнявший множество поручений Екатерины по редактированию и составлению «планов и уставов» образовательных учреждений; немецкий публицист, иностранный член Санкт-Петербургской академии наук (1773) Фридрих Гримм*, ставший вскоре многолетним корреспондентом императрицы; писатель барон Карл Дальберг,

* **Фридрих Мельхиор Гримм** (1723–1807) – немецкий публицист эпохи Просвещения, критик и дипломат, иностранный член Санкт-Петербургской академии наук (1773), многолетний корреспондент императрицы Екатерины II. Гримм был доверенным лицом Екатерины II, во многом заменив на этом посту Вольтера и Дидро. Он был вхож во все известные парижские философские и литературные салоны, знал всех знаменитостей, объезжал европейские дворы, представлялся монархам. Он издавал знаменитую «Газету», где печатались главные парижские культурные новости. Гримм помогал императрице приобретать для Эрмитажа в Европе многочисленные произведения искусства, книжные собрания, в частности Вольтера и Дидро. По рекомендации Гримма Екатериной были приглашены в Петербург архитектор Джакомо Кваренги и композитор Джованни Паизиелло.

Оглавление

къ первой Части Естественной
Истории.

	Стр.
Изъясняемое Царство	1.
Отдѣл. I. О земляхъ	
— II. О камняхъ	6.
— III. О соляхъ	18.
— IV. О горючихъ ве- ществахъ	27.
— V. О паумениахъ	34.
— VI. О металлахъ	39.
Примѣч. О каменѣахъ	47.
Примѣч. О горахъ	48.
Проявляемое царство	53.
Классъ I. О падахъ	60.
— II. О дровахъ	66.
Отдѣл. I. О хвойныхъ дровахъ	69.
— II. О лиственныхъ дровахъ	78.
Классъ III. О кустарникахъ	131.
Примѣч.	

Титульный лист, начало оглавления и первая страница учебника «Начертание естественной истории, изданное для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующия императрицы Екатерины Второя», созданного академиком В.Ф. Зуевым. 1786 г.

впоследствии князь и принц Рейнского союза; император Иосиф II, консультировавший императрицу об особенностях постановки общеобразовательной системы в Австрии, и др.

Ход развития событий привел к созданию в 1782 г. Комиссии об учреждении народных училищ под председательством **Петра Васильевича Завадовского***. Именно Завадовским при участии **Ф.И. Янковича (де Мириево)** (1741–1814; сербский и российский педагог, разработчик и участник реформ образования в Австрийской и Российской империях) был подготовлен «План к установлению народных училищ в Российской империи», утвержденный Екатериной II в том же году. Этим документом создавалась общероссийская система школьного образования: в губернских городах учреждались четырехклассные, а в уездных – двухклассные народные училища. По инициативе Завадовского в 1783 г. в Санкт-Петербурге было открыто Главное народное училище.

При организации школьного образования активное участие принимали академики Санкт-Петербургской академии наук. В частности академиком В.Ф. Зуевым специально для народных училищ империи

* **Петр Васильевич Завадовский** (1739–1812) – российский государственный деятель, кабинет-секретарь, фаворит императрицы Екатерины II, действительный тайный советник, член Государственного Совета, первый министр народного просвещения Российской империи (1802–1810). В 1782 г. возглавил Комиссию об учреждении училищ и разработал «План к установлению народных училищ в Российской империи».

был создан первый русский учебник по естествознанию «Начертание естественной истории...» [Зуев, 1786]. Члены Академии наук иногда составляли отзывы по оценке предложений о формах организации народного образования [Грот, 1879]. В результате австрийская система была принята за образец только в общих чертах, с теми изменениями, каких требовали условия быта и образования в обеих странах. Помимо прочего вскоре был издан план основания трех университетов – во Пскове, Чернигове и Пензе, однако время для осуществления такого плана еще не настало [Грот, 1879].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в своих заботах о науках, литературе и искусстве императрица, несомненно, возлагала на Россию большие надежды. Как отмечал академик Яков Карлович Грот (1812–1893; российский филолог, с 1889 г. вице-президент Императорской академии наук) в своей речи, посвященной «заботам Екатерины II о народном образовании по ее письмам к Гримму» и прочитанной на собрании Императорской академии наук 29 декабря 1878 г.: *«В одном письме, жалуясь на скуку тогдашних французских комедий, она скорбит об исчезновении таланта вместе с живым чувством прекрасного и высокого. “Теперь, замечает она, все заменяется резонерством (пристрастие к длинным назидательным речам, рассудительству без конкретных идей. – Авт.)”. Потом, сожалея, что нет более Вольтера, она восклицает: “Настанет мелочной век Лагарнов* и компании до той поры, когда взойдет звезда Востока: да, оттуда должен возсиять свет, ибо там более чем где нибудь хранится под пеплом духа и силы!”»* [Грот, 1879, с. 39].

<...>

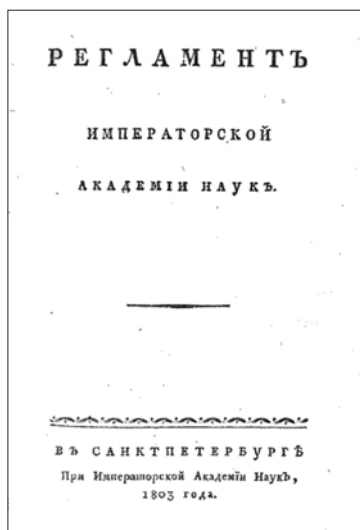
На рубеже XVIII и XIX вв. практически все русские академики – И.И. Лепёхин, В.М. Севергин, Н.Я. Озерецковский, Я.Д. Захаров, В.В. Петров и Т.Е. Ловиц – наряду с научной работой продолжали заниматься большой педагогической, просветительской и популяризаторской деятельностью. Издавался академический «Технологический журнал», представлявший собой энциклопедию технических, технологических и иных прикладных знаний. Кроме того, постоянно возрастающие потребности в специалистах поставили перед Академией наук и научной общественностью вопрос об организации высших учебных заведений, в том числе классических университетов, в других городах

* Вероятно, здесь опечатка, имеется в виду Фредерик Сезар Лагарп (1754–1838) – швейцарский юрист и писатель, известен как учитель Александра I, стремившийся привить будущему императору руссоистские идеалы.

Российской империи, кроме Москвы и Санкт-Петербурга. В частности, императором Александром I в 1802 г. был учрежден Дерптский (ныне – Тартуский), в 1803 г. – Виленский (ныне – Вильнюсский), в 1804 г. – Казанский и в 1805 г. – Харьковский университеты. Кроме того, в 1804 г. был открыт Петербургский педагогический институт (с 1816 г. – Главный педагогический институт), имевший права университета (с 1819 г. – Петербургский университет). Учрежденный ранее Императорский Московский университет получил в этот период первый Устав (1804).

25 июля [6 авг.] 1803 г. император утвердил новый Регламент Академии наук, закрепив за ней и новое название – Императорская академия наук. Из состава Академии были официально выведены уже не существовавшие академические университет и гимназия. У Академии появились новые печатные издания, был расширен штат академиков и членов-корреспондентов. Всему этому нововведению предшествовало создание Министерства народного просвещения под началом П.В. Завадовского (1802), задачей которого стала полная реорганизация всего учебного процесса в Российской империи. С 1803 г. в ведение Министерства перешла и Императорская академия наук.

К сожалению, нашествие в 1812 г. Наполеона и последующая реакция 1820 гг. несколько притормозили научно-технологическое развитие страны и работу Академии наук. Вернадский, в частности, отмечал, что в этот период: *«Академия наук была на границе полного научного замирания. К этому присоединилось и тяжелое*

На подлинномъ подписано тако: <i>Быть по сему:</i> АЛЕКСАНДРЪ.	
Примѣрный Штатъ Академіи Наукъ.	
	Рубаш.
Президенту - - -	3000
13 ординарнымъ Академикамъ каждому по 2200 рубл. -	39600
Прибавки прослужившимъ болѣе 20 лѣтъ по 500 руб. кажд.	3000
20 Адъюнктамъ по 1000 руб. каждому -	20000
Прибавки получившимъ степени экстраординарныхъ Академиковъ по 400 руб. каждому	3600
20 воспитанникамъ по 400 р. каждому -	8000
Прибавки произведеннымъ въ 1ой классъ по 200 р. кажд.	2000
Шести почетнымъ членамъ иностранныхъ пенсій по 300 руб. каждому -	1800
Шести Корреспондентамъ Россійскимъ каждому по 200 р. Секретарю Конференціи при	1200

материальное состояние Академии наук. В связи с наполеоновскими войнами наша страна переживала тяжелый финансовый и экономический кризис. Штаты 1803 года к 1818 году совершенно не отвечали потребностям жизни; рубль чрезвычайно понизился в своей цене; на старое содержание академиков нельзя было найти нужных людей, а на отпускавшиеся средства нельзя было вести сколько-нибудь правильно дело научной работы и даже поддерживать элементарные потребности академической организации» [Вернадский, 2002 в, с. 353]. Тем не менее Россия после разгрома наполеоновской армии и преодоления возникших трудностей уверенно вступала в XIX в., который, как известно, стал веком расцвета отечественной науки, искусства и культуры [Российская академия наук, 1999].

2. АКАДЕМИЯ НАУК И РАЗВИТИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Основой любой древней культуры являются язык и соответственно письменность (если таковая имеется), показывающие уровень образной и смысловой конструкции речи, нравственную характеристику взглядов и воззрений народа. Благодаря доминирующему в обществе языку обеспечивается консолидация нации и единство государства.

Говоря об условиях устройства Российской империи в начале XVIII в., В.И. Вернадский справедливо отмечал, что «...в той новой государственной организации, которая вырабатывалась из Московского царства в Российскую империю, еще не были созданы прочные формы государственного устройства» [Вернадский, 2002 б, с. 295]. Причем на протяжении почти всего XVIII столетия государственное управление страной было осложнено отсутствием единого языка общения между российским народом, говорившим в основном на русском языке, и высшей знатью, где русский язык был непопулярен. Знать внутри своего сообщества чаще всего общалась на французском. Достаточно вспомнить первые строки великого романа Льва Толстого «Война и мир», в которых писатель передает диалог, состоявшийся в 1805 г. между Анной Павловной Шерер – фрейлиной и приближенной императрицы Марии Федоровны, и князем Василием: «Он (князь Василий. – Авт.) говорил на том изысканном французском языке, на котором не только говорили, **но и думали** (выделено мной) наши деды, и с теми тихими покровительственными интонациями, которые свойственны состарившемуся в свете и при дворе значительному человеку». Показательно, что одна из основательниц и первый президент словесной Академии российской Екатерина Романовна Дашкова, получив домашнее образование, говорила на четырех языках, и в особенности отлично владела французским, но русский язык она знала слабо. Вот как об этом повествовала сама Дашкова, когда в мае 1759 г. она вместе с мужем, князем Михаилом Ивановичем Дашковым, переехала к его родным в Москву: «Здесь новый мир открылся передо мной, новые связи, новые обстоятельства. Я говорила по русски очень дурно, и свекровь моя на беду, не говорила ни на одном иностранном языке. Родственники моего мужа были

большей частью люди старого покроя, и хотя они любили меня, я однакож заметила, что будь я больше Москвитянкой, я нравилась бы им еще больше. Поэтому я ревностно стала изучать отечественный язык и так быстро успевала, что заслужила всеобщие рукоплескания со стороны моих родственников...» [Дашкова, 1859, с. 14].

Лишь к концу XVIII в., когда русский язык стараниями первых русских академиков и литераторов приобрел свою гибкость и близкое к современному звучание, он стал входить в моду и в дворянском обществе, а в период царствования Николая I при дворе говорили исключительно по-русски.

В.И. Вернадский, оценивая вклад Российской академии наук в упорядочение русского языка, писал: *«В некоторой связи с Академией как придворным учреждением стояла другая работа, которая долгое время не находила себе устойчивых форм в жизни Академии наук, хотя началась с первых годов ее существования и в конце концов чрезвычайно сильно и благотельно отразилась на ее жизни. Это работа над развитием русской литературы и русского языка. Долгое время не замечалось, что в нее входили задачи разного характера: с одной стороны, изучение русской литературы и русского языка как объектов науки, как явлений жизни, подлежащих научному исследованию; с другой – творчество в области русской изящной литературы, выработка литературного языка. Несомненно, Академия наук сыграла в этом отношении огромную роль в истории русской культуры, особенно в XVIII в. Русский научный язык и в заметной мере язык литературный вышли из среды Академии наук»*. Здесь же В.И. Вернадский указал на особую роль в развитии русского языка М.В. Ломоносова и других первых русских академиков и академиков-иностранцев, знающих русский язык, а также работников академической типографии и академических переводчиков: *«Известна всем роль в этом деле М.В. Ломоносова. Но Ломоносов не был одинок: при Академии наук и под ее огромным влиянием находился целый штат переводчиков. Издания Академии наук или издания, печатавшиеся под надзором ее корректоров в ее типографии, в течение всего XVIII в. составляли чрезвычайно видную часть всей русской литературы того времени. Переводчиками Академии, русскими академиками (особенно надо вспомнить Ададунова и Тредиаковского) и академиками-иностранцами, знающими русский язык, была сделана в короткий срок огромная работа, приведшая к тому, что лет через 20 после создания Академии русский научный язык уже был гибким и живым*

орудием мысли и работы. Достаточно сравнить по языку издания петровского времени или первые выпуски изданий Академии, чтобы оценить эту работу. Несомненно, она частью обусловлена была и общим изменением официального языка в 1726–1762 гг., но нельзя преуменьшать и коллективную творческую работу лиц, группировавшихся около Академии. Влияние их сказалось далеко за пределы научного языка» [Вернадский, 2002 в, 327 с.].

Действительно, все русскоязычные члены Академии, переводчики и работники ее типографии внесли крупный вклад в развитие русского языка, отечественного стихосложения и высокой литературной прозы. Таким образом, совершенно новая для страны научная деятельность, сконцентрированная в Академии наук, стала катализатором для совершенствования русского языка и русской гражданской литературы, в основу которых закладывались новые, более прогрессивные для того времени грамматические принципы.

Чтобы по достоинству оценить тот несомненно выдающийся вклад, который внесла Академия наук в создание обновленного русского языка, предлагаем читателю обратиться к истокам образования нашего языка, русской письменности и их многовековой трансформации.

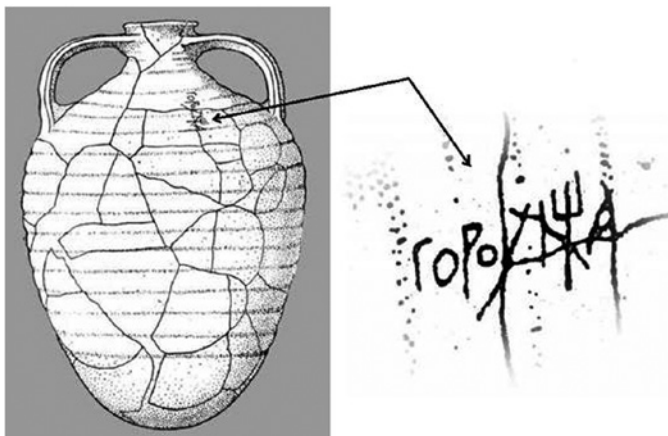
2.1. Русский язык, письменность и книгопечатанье в Руси допетровского периода (X – конец XVII в.)

Считается, что старославянская письменность пришла на Русь после ее крещения (988 г.), приняв форму языка церковнославянского и оказав впоследствии сильнейшее влияние на развитие литературного русского языка. В качестве азбуки распространение получила кириллица – одна из двух (наряду с глаголицей) древних азбук для старославянского языка*, на которой до начала XVIII в. писались книги как церковного, так и светского содержания.

Есть свидетельство о существовании славянской письменности задолго до христианизации Руси. Так, в 1949 г. советский археолог Д.В. Авдусин во время раскопок под Смоленском нашел глиняный сосуд, относящийся к началу X в., на котором было написано «Горохуша» (пряность). Это означало, что уже в то время в восточнославянской среде бытовало письмо, существовал алфавит. Об этом же говорит и свидетельство византийского дипломата и славянского просветителя Кирилла. Во время отбывания в Херсонесе в 60-е годы IX в. он познакомился с Евангелием, написанным славянскими буквами. В дальнейшем Кирилл и его брат Мефодий стали основоположниками славянской азбуки, которая, видимо, в какой-то части основывалась на принципах славянского письма, существовавшего у восточных, южных и западных славян задолго до их христианизации.

Наиболее древнейшая из сохранившихся рукописных книг на церковнославянском языке русского извода (диалекта) – Остромирово Евангелие – была создана на пергаменте в 1056–1057 гг. Кроме того, в 2000 г. при археологических раскопках в Новгороде был обнаружен Новгородский кодекс («Новгородская псалтирь», по наиболее надежному читаемому тексту) – древнейшая известная книга Руси, прописанная на залитом в углублении липовой доски воске. Произведенный в Уппсальском университете радиоуглеродный анализ воска указал на 1015 год \pm 35 лет.

* Создателями славянской азбуки и церковнославянского языка считаются Кирилл (827–869) и Мефодий (815–885) – святые, равноапостольные, славянские просветители, проповедники христианства, первые переводчики богослужебных книг с греческого на славянский язык. Родились в византийском городе Фессалоники (Салоники, Славянск, «Солунь»). В 863 г. были направлены византийским императором в Моравию для проповеди христианства на славянском языке и оказания помощи моравскому князю Ростиславу в борьбе против немецких князей. Своей деятельностью Кирилл и Мефодий заложили основу славянской письменности и литературы.

Гнёздовская надпись – древнейшая известная древнерусская кириллическая надпись на глиняном кувшине (вторая четверть – середина X в.).

Из открытых источников

В Древней Руси XI–XV вв. кириллица в народе использовалась при составлении так называемых берестяных грамот – писем и записей на коре березы, включая записи учебного характера (азбуки, школьные упражнения и пр.). Для берестяных грамот были характерны, как правило, предельно краткие тексты, содержащие только самую важную информацию. Однако надо иметь в виду, что в русском народе наряду с берестяными грамотами были широко распространены устные памятники эпического литературно-музыкального

Древнейшие книги, изданные в Древней Руси на церковнославянском языке: Остромирово Евангелие и Новгородский псалтырь (пояснения в тексте).

Фото из открытых источников

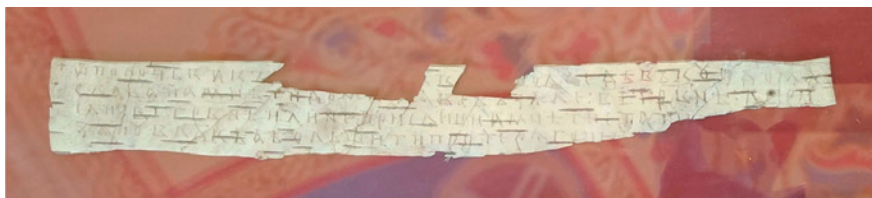
творчества, к которым в первую очередь относится богатейший поэтический мир былин и русских народных песен.

Тексты берестяных грамот и устных памятников народного творчества резко отличались от церковнославянского письма, что указывает на распространение в Древней Руси двух форм русского языка – разговорного народного и литературного церковнославянского.

Среди древних письменных произведений литературы наибольший интерес для любителей истории представляют летописи – особый жанр древнерусского письма, созданного в XI–XII вв. и представляющего собой более или менее подробную запись исторических событий. Летописи могли также содержать описания жизни и деяний князей и святых, тексты договоров, отдельные рассказы о значимых событиях (например, о военных походах) [Михельсон, 2013]. Наиболее ранней из сохранившихся в полном объеме русских летописей является «Повесть временных лет». Считается, что создано это произведение было в Киеве в 1110-х гг. Полный текст этой летописи известен по спискам XIV–XVI вв. «Повесть временных лет» составила основу большинства более поздних русских летописей. Несомненно, летописные памятники дают возможность представить нам высоту русской культуры того времени. Как отмечала Т.Н. Михельсон: *«Авторы нашей первой летописи гордились величием Руси и скорбели о ее страданиях, призывали к единой обороне Русской земли, прославляли отважных защитников Родины, клеймили позором предателей. Древние летописцы хотели видеть свою Родину славной*

Грамота № 201.
Азбука. Вероятно,
2-я треть XIII в.,
Новгород. ГИМ.
Фото В. Богатова

Берестяная грамота второй половины XII в. № 155. ГИМ.
Фото В. Богатова, май 2024 г.

Новгород. 1160—1190-е гг.

Береста

Перевод: «От Поачка (или Полочка)... [ты] женился на девке у Домаслава, а с меня Домаслав взял 12 гривен. Пришли же 12 гривен. А есаи не пришаешь, то я встану (подразумевается с тобой на суд) перед князем и епископом; тогда к большому убытку готовься...»

Перевод к берестяной грамоте № 155. ГИМ.
Фото В. Богатова, май 2024 г.

и могучей. В истории они находили примеры и уроки для настоящего» [Михельсон, 2008, с. 39].

Чтобы прочувствовать особенности и своеобразие церковнославянского языка, полезно иметь опыт прочтения хотя бы небольшой части какого-либо подлинного текста, поскольку все древнерусские литературные произведения, в том числе летописные, могут быть доступны для самостоятельного чтения, ведь начертания многих букв русского алфавита до сих пор узнаваемы. В настоящее время в интернете можно найти учебники церковнославянского языка (например, https://pure.spbu.ru/ws/portalfiles/portal/51283904/_pdf), позволяющие овладеть минимальными навыками понимания древних текстов. В качестве первого шага к знакомству с летописными рукописями разберем несколько начальных фраз и предложений из средневекового списка «Повести временных лет»*, представленного на фото. Однако

* **Ипатьевская летопись** была обнаружена в начале XIX в. историком Николаем Михайловичем Карамзиным в архиве Ипатьевского монастыря среди рукописей Петра Хлебникова (1734–1777; известный библиофил, владелец частной библиотеки). Летопись датирована XIV в. и получила свое название благодаря монастырю, в котором она была найдена. Ипатьевская летопись – ценный памятник письменности, повествующий о событиях, происходивших на территории Древней Руси в период с 1110 по 1206 г. Является одним из наиболее полных и достоверных исторических источников, где имеются данные о политической, социальной, экономической и культурной жизни Руси того времени.

перед тем, как приступить к его прочтению, надо быть готовым к тому, что на страницах древнерусских книг буквы не делились на строчные и прописные, а интервалы между словами, включая разбираемый текст, отсутствовали, поскольку записи в дальние века делались так, как мы говорим, – без интервалов. Лишь к XVI в. пришло осознание, что письмо и разговорная речь – это разные составляющие языка, в связи с чем при письме для лучшего понимания текста слова стали отделять интервалами, при этом концовку фраз/предложений иногда обозначали точечными знаками.

Еще одна важная особенность церковнославянской письменности связана с широким применением особых надстрочных значков, среди которых для нас наиболее значим знак «титло», имеющий вид волнистой или зигзагообразной линии, означающий сокращение слова, или вынос отдельных букв, в основном согласных, над строкой для экономии места. Усекались и окончания слов, хорошо известных и часто употребляемых, например, «священных» слов – Бог, Богоматерь, Евангелие и т. п. Из Византии была заимствована традиция над каждым словом ставить знак ударения – «силу» [Аверина и др., 2013]. Долгое время не существовало нумерации страниц. Вместо этого внизу справа писали слово, с которого начиналась следующая страница.

Начиная, примерно, с X в. на Руси с помощью знаков титло стали обозначать и буквенные числа, поскольку большинство букв древнерусского алфавита имело числовое соответствие. Так, буква «а – аз» под титло означала «один», буква «в – веи» – «два», буква «г – глаголь» – «три», и т. д. У некоторых букв не было числовых соответствий. Числа писались и произносились слева направо, за исключением чисел от 11 до 19 (например, 17 – *семь на десятѣ*). Титло ставилось над каждой буквой, либо покрывало все число. В начале XVIII в. по указу Петра I буквенная запись чисел была заменена на систему, основанную на арабских цифрах.

Итак, на фото мы видим первую страницу (заголовок и первые абзацы) «Повести временных лет» начала XII в. (список XV в.). Для «разминки» рассмотрим заголовок, обозначенный прописными буквами. С точки зрения современного языка фраза читается без интервала как: «ЛЕПИСЕРУСКИ». Знаки титла показывают, что первое слово «ЛЕПИСЕ» сокращено, а буквы «т» и «ц» вынесены над строкой, причем буква «о» сокращена. Таким образом, с учетом сказанного, фразу следует читать как «Летописец русский» (слово русский до XVIII в. писалось через одно «с»). Нижняя строка заголовка, обозначенная строчными буквами, на первый взгляд представляет собой

Ипатьевская летопись. Начало XII в. – список XV в. (ок. 1425 г.), л. 3. начало «Повести временных лет», БРАН, НИОР 16.4.4. Фото из: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Hypatian_Codex_03.jpg

сложно читаемый набор букв: «сѣбмъпочинаемъ отчѣблѣ». Однако здесь мы также видим знаки титла над особыми «священными» словами*, а в конце фразы – четырехточечный знак в виде ромба, обозначающий ее завершение. Принимая во внимание начертание титлов над священными словами и чтение греческой буквы «омега» как «от», фраза переводится следующим образом: «с Богом починаем, Отче благослови». Нижние предложения с учетом вынесенного между столбцами текста имеют следующий перевод: «Повесть временных лет черноризца Федосьева Манастиря Печерьскаго, откуда есть пошла Руская Земля стала есть, и кто в ней почал первее княжити. Се начнем повесть сию. По потоце бо 3-е (здесь над буквой «г – глаголь» имеется знак титла, поэтому данная буква обозначает число «3» и с в сочетании с буквой «е» читается как «трое») сынове Ноеви

* Под титлом в обязательном порядке вписывались, например, слова, обозначающие священные почитаемые предметы или священные имена. Титло позволяло отличать их от таких же слов, но обозначающих предметы не священные. Например, обозначаемый сокращенно с титлом Бог – «бгъ» как Господь или без титла «богъ» как языческое божество. Или сокращенно с титлом царь – «црь» как «Царь Небесный» или без титла «царь», т. е. один из земных царей. Еще пример: «Дева Мария (Богородица)» с титлом обозначалась как «дѣва» или без титла «дева», т. е. девица, девушка.

А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	Ѧ	1	Ѧ	11	Ѧ	60	Ѧ	300	
аз	буки	веди	глаголь	добро	есть	живёте		Ѧ	2	Ѧ	12	Ѧ	0	Ѧ	400
С	З	Н	И	К	Л	М		Ѧ	3	Ѧ	15	Ѧ	80	Ѧ	500
зело	земля	иже	и	како	люди	мыслёте		Ѧ	4	н т д		Ѧ	90	Ѧ	600
Н	О	П	Р	С	Т	У		Ѧ	5	Ѧ	20	Ѧ	100	Ѧ	700
наш	он	покой	рцы	слово	твёрдо	ук		Ѧ	6	Ѧ	21	Ѧ	101	Ѧ	800
Ф	Х	Ѡ	Ц	У	Ш	Щ		Ѧ	7	н т д		Ѧ	111	Ѧ	900
ферт	хер	от, омега	цы	червь	ша	шта		Ѧ	8	Ѧ	30	Ѧ	121	Ѧ	1000
Ъ	Ы	Ь	Ѣ	Ю	Ѧ	Ѧ		Ѧ	9	Ѧ	40	н т д	Ѧ	1001	
ер	еры	ерь	ять	ю	я	юс малый		Ѧ	10	Ѧ	50	Ѧ	200	Ѧ	2000
Ж	Ѣ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ									
юс большой	кси	пси	фита	йжица											

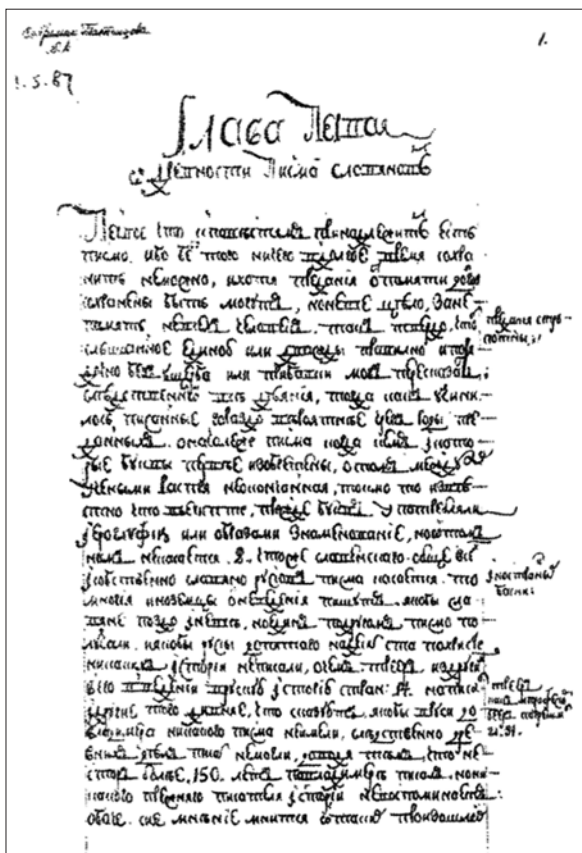
Кириллица (слева) и Система записи чисел кириллицей, цифирь (справа)

разделиша землю: Сим, Хам, Афет»*. Обращают на себя внимание повторы слова «есть» и необычная форма изложения, которые были свойственны текстам на протяжении XII–XVII вв., ведь, переписчики летописей все это время продолжали соблюдать древнюю грамматику, что указывает на незначительные изменения литературного языка в процессе его эволюции в рассматриваемый исторический период. Здесь важно помнить, что по ряду исторических причин до XVI в. в разных частях Русского государства были распространены несколько вариантов письменного древнерусского языка, среди которых в XVI в. единым языком Русского царства стал московский письменный язык, который применялся не только в государственных и юридических актах, договорах, но на нем велась и почти вся корреспонденция московского правительства и московской интеллигенции, на нем же писались статьи и книги самого разнообразного содержания.

<...>

Книгопечатание. Важнейшим историческим этапом в развитии общемирового книжного дела стала середина XV в., когда в Западной Европе немецким ремесленником Иоганом Гутенбергом был изобретен дешевый способ книгопечатания, что изменило всю систему распространения информации и оказало огромное влияние на всемирную историю. Новшество включало в себя передвижные металлические знаки, выполненные из твердого типографского металла – гарта (сплав свинца с сурьмой), резную медную форму для литья гарта и соответственно массового производства тонких букв, типографскую краску

* Рассказ о событиях на русской земле в ранних летописях обычно начинали со дня Великого потопа, в связи с чем заключительная фраза абзаца на современный язык переводится как: «После потопа трое сыновей Ноя разделили землю: Сим, Хам, Иафет».

В.Н. Татищев. «История Российская...». Рукопись.

Начало 1-й главы «О древности письма славяннов».

Из: [Татищев, 1994, с. 95 со ссылкой на: Глава 1-я, по рукописи БАН СССР, РО, Собрание Татищевых, № 4, 1. 5. 87, л. 1]

и особый типографский пресс*. Из дорогого предмета, почти роскоши, книга стала предметом обихода.

Один из крупных государственных деятелей петровской эпохи В.Н. Татищев в своем знаменитом трактате «Разговор дву приятелей

* Первым способом печатания книг была ксилография – изобретенный примерно в VII столетии в Китае способ печатания с резных деревянных досок. В XI в. в Китае применялась ранняя форма наборного шрифта с использованием кусочков глины и дерева. Использование металлического наборного шрифта было известно в Корее к XIII в., но не получило широкого распространения. Первой корейской печатной книгой считают текст, воспроизведенный ксилографическим путем в период с 704 по 751 г. [Сов. энциклопед. словарь, 1979, с. 599].

о пользе науки и училищах» отмечал: *«Прежде же хотя ученые люди для пользы ближнего изрядные и нуждные книги писали, но оные в одних руках завидливых чрез долгое время в заключении пребывали и те иногда от имеющих противное мнение переправками испорчены. Многие же от нечаянных случаев погибли, как то в письме святом, також от философов, мафематиков, историков и пр. упоминаемые с сожалением видим утрачены; особливо читаем о библиотеке Птолемеовой, в которой, також и у нас в училище Константина Мудраго, так великое число книг погорело, а чрез то многое памяти и наставлению достойное принуждено погибнуть. Чрез тиснение же изданные хотя б во сте местах погибли, то еще в 1000 и более таковые ж целы останутся, как то по обретении тиснения в скорости множество полезных древних книг немалым числом стали печатать, а чрез то, оные всяк имея, способнее к распространению наук прилежать стали, многия училища и академии по разным местам устроены и чрез оные больший свет истинного разума открыли, тогда как в богословии, так философии, яко законоучении, мафематике, физике, гистории протчих вольных науках, яко и в полезных ремеслах, великое исправление явилось и от часу стало возрастать и распространяться, зане ученых от часу умножилось... всяк скажет, что тиснение книг великой свет миру открыло и неописанную пользу приносит»* [Татищев, 1996, пункт 43; с. 78, 79].*

Изобретенный способ книгопечатания чрезвычайно быстро вошел в жизнь. Именно с этого времени стал наблюдаться неуклонный рост

* Еще при написании своего фундаментального труда «История Российская...» В.Н. Татищев среди явлений человеческой деятельности выделял три важнейших: *«Способы всемирного умопросвещения разумею три величайшие: яко первое – обретение букв, чрез которые возымели способ вечно написанное в память сохранить и далеко отлучным наше мнение изъяснить. Второе – Христа Спасителя на землю пришествие, которым совершенно открылось познание творца и должность твари богу, себе и ближнему. Третье – чрез обретение тиснения книг и вольное всем употребление, чрез которое весьма великое просвещение мир получил, ибо чрез то науки вольные возрасли и книг полезных умножилось»* [Татищев, 1994, с. 92]. И не случайно свою «Историю Российскую...», в полном объеме опубликованную лишь в 1963 г. (репринт переиздан в 1994 г.), Татищев открывает главой «О древности письма славянов» [Татищев, 1994, с. 93–97]. Подчеркивая роль письменности в жизни человечества Татищев отмечал: *«Первое, что к повестям принадлежит, есть письмо, ибо без того ничего в долгое время сохранить невозможно, и хотя устные предания от памяти долго сохранены быть могут, но не все цело, зане память не всех человек так тверда, чтоб слышанное единою или дважды правильно и порядочно без усчерба или прибавки мог пересказать; следственно все деяния тогда, как учинилось, писанные гораздо вероятнее чрез роды переданых...»* [там же, с. 93].

человеческого сознания и развитие научной деятельности. Дело в том, что в ранний период Средневековья научная работа сохранялась в арабском мире и Китае. В Европе же в это время господствовала христианская религия. Всякая наука здесь, в том числе греческая философия, подлежала искоренению. В.И. Вернадский указывал, что у ученых того периода не было средств фиксировать свою мысль во времени, сохранять и передавать ее потомству. В руках же их врагов были все средства ее уничтожения. Вернадский, в частности, писал: *«Борьба была неравная, и всякая мысль, чуждая учениям, имеющим власть и силу в своих руках, легко могла быть уничтожена и уничтожалась безжалостно»* [Вернадский, 2002 а, с. 83]. Книгопечатание, по словам Вернадского, *«явилось тем могучим орудием, которое сохранило мысль личности, увеличило ее силу в сотни раз и позволило, в конце концов, сломить чуждое мировоззрение»* [Вернадский, 2002 а, с. 85]. П.Л. Капица особо отмечал, что *«благодаря изобретению в Европе книгопечатания научная работа стала коллективным творчеством людей, проходящим в интернациональном масштабе, что, в свою очередь, и обеспечило быстрый рост науки»* [Капица, 1981, с. 329].

<...>

Книгопечатание на Руси появилось столетием позже благодаря великому князю московскому и всея Руси Ивану IV Васильевичу (он же Иван Грозный, первый венчанный царь всея Руси). Введение царем книгопечатания, несомненно, было связано с необходимостью упорядочить богослужения, поставив тем самым духовенство, имевшего монополию на книги, в большую зависимость от государства. Вот что еще в 1939 г. по этому поводу писал советский историк-публицист А.В. Луизов: *«Во времена Грозного наибольший спрос был на богослужебные книги. Изготовление этих книг рукописным способом почти целиком находилось в руках духовенства. Переписчики, часто люди малограмотные, многочисленными ошибками искажали тексты «священных» книг. А ошибки в богослужебных книгах в условиях обостренной классовой борьбы служили внешним поводом к появлению сект, под флагом религии восстававших против центральной власти. Книгопечатание было вернейшим способом унифицировать религиозные книги.*

Потребность в книге к середине XVI в. выросла настолько, что введение книгопечатания стало уже необходимостью. Особенно выросла эта потребность после завоевания новых земель на востоке:

М.М. Антокольский. Царь
Иоанн Васильевич Грозный,
1875 г. Третьяковская галерея.
Фото В. Богатова

Памятник первопечатнику
Ивану Федорову в Москве.
Фото В. Богатова

построенные там церкви нужно было снабдить богослужебными книгами» [Луизов, 1939, с. 54].

В 1553 г. по указу Ивана Грозного была основана **первая русская типография**. Помещение построили на деньги казны в Китай-городе (Москва) по соседству с Николо-Греческим монастырем. Впоследствии она стала называться Государевым печатным двором. В 1564 г. здесь была напечатана первая датированная книга «Апостол», и именно этот год принято считать началом книгопечатания на Руси. В основу издания положены «Деяния и послания апостолов», написанные евангелистом Лукой, – часть Нового Завета. Книгу использовали на богослужениях, при подготовке священников и для обучения грамоте в церковно-приходских школах. Сама книга увидела свет благодаря одним из первых восточнославянских книгопечатников Ивану Федорову и Петру Мстиславцу. За образец шрифта был взят «рукописный полуустав» XVI в.* Федоров и Мстиславец, несомненно, были

* В русской кириллической письменности начиная с XI в. выделялись три основных типа письма: устав, полуустав и скоропись. Древнейшим из них был «устав» – с буквами без наклона, строго геометрической формы. В XIV в., с распространением делового письма, медленный «устав» сменил «полуустав» с буквами помельче, более простыми

«Московский Апостол». 1564. Фронтиспис (рисунок, размещенный на одном развороте с титульным листом) и заглавная страница книги.

Из открытых источников

исключительно одаренными мастерами, и с точки зрения качества книжной продукции «Апостол» представляет собой образец книгоиздательского произведения высокого класса. А.В. Луизов отмечал: «Страницы “Апостола” выглядят очень красиво. Строки ровные, строго параллельные, расстояния между буквами всюду одинаковы, так же, как и расстояния между строками. Концы строк лежат точно на одной прямой. Тиск равномерный, без наддава. Все это кажется нам только выполнением элементарных требований, предъявляемых к печатной книге, но для первой книги это, конечно, огромное достижение. А вот роскошь, теперь давно уже оставленная издателями: в “Апостоле” прописные буквы, вставки и другие подразделения в тексте сделаны киноварью на каждой странице. Это значит, что каждую страницу приходилось дважды пропускать под прессом – для черной и для красной красок. При этом красные буквы нигде не смещены по отношению к черным. Книга украшена очень изящными заставками» [Луизов, 1939, с. 56].

в написании, с легким наклоном. Еще сто лет спустя, в XV в., начали писать «скорописью» – плавно соединяя соседние буквы. В XV–XVII вв. скоропись постепенно вытеснила другие виды письма.

Появление первой печатной книги вызвало бурный протест у переписчиков, опасавшихся, что новое ремесло может лишить их заработка. «Народное» волнение в итоге закончилось поджогом помещения типографии и, по одной из версий, послужило причиной отъезда из Москвы Федорова и Мстиславца.

Введение книгопечатания в Русском царстве совпало с завершением так называемой эпохи инкунабул (до 1 января 1501 г.) и палеотипов (до 1 января 1551 г.) – временем совершенствованием печатного мастерства, выработкой собственной эстетики печатной продукции [Каталог..., 2011]. К середине XVI в. в большинстве стран Западной Европы уже существовали типографии, издавалось много книг. В то же время в Русском царстве лишь после смутного времени* печатание книг стало набирать силу. В 1614 г. был восстановлен Московский печатный двор, штат которого стал увеличиваться, в результате постепенно на смену ремесленной стадии развития книгопечатания приходила мануфактурная специализация труда. Типография до 1653 г. называлась Государевым печатным двором, пока она не была передана духовенству. Патриарх Никон стал распорядителем типографии, получив право собственноручно издавать указы о выпуске новых книг и их последующей продаже.

Уже со второй четверти XVII в. в Русском царстве стала издаваться учебная литература сугубо светского назначения, предназначенная «для воспитания грамотности». Это около 10 букварей, из них два издания Василия Бурцева (1634, 1637), а также «Грамматика Славенская правильное синтагма» Мелентия Смотрицкого (1648), книга «Уложение царя Алексея Михайловича» (1649), «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (1649), сочинения Симеона Полоцкого и некоторые другие. Известно, что за вторую половину XVII в. Печатный двор выпустил порядка 300 тысяч (!) букварей, большое количество других книг светского и религиозного характера [Попов, Розов, 2010]. Одним из наиболее популярных русских учебников того времени стала «Грамматика...» Смотрицкого (около 1578–1633) – ученого монаха, получившего европейское образование. По ней, как известно, учился и М.В. Ломоносов. Отметим, что

* **Смутное время, или Смута**, – один из двух наиболее значительных династических кризисов в царской России, вызванный пресечением московской ветви династии Рюриковичей, длившийся с 1598 по 1613 г. (согласно некоторым точкам зрения по 1618 г.), сопровождающийся случаями самозванства и внешней интервенцией, гражданской, Русско-польской и Русско-шведской войнами, тяжелейшими государственно-политическим и социально-экономическим кризисами.

до появления в 1775 г. «Российской грамматики» Ломоносова «Грамматика» Смотрицкого повсеместно использовалась в качестве основного учебника церковнославянского языка. Однако эта грамматика не могла удовлетворить современников из-за ее ориентированности на польский язык. Так, В.И. Ламанский в своем биографическом очерке о М.В. Ломоносове отмечал: *«Но обратимся к первым ученым пособиям Ломоносова. То были: грамматика Мелентия Смотрицкого, псалтирь Симеона Полоцкого и арифметика Магницкого. О книге Смотрицкого некоторые известия даже умалчивают. Во всяком случае она не могла на Ломоносова, юношу, иметь большое влияние, ибо самый ее предмет совсем почти не мог интересовать крестьянина, даже гениального. Притом ее польско-русский язык был мало понятен помору. Вот образец изложения Смотрицкого: “Ведаете абовем, которыи стесея грецкой люблатинской грамматики художеству учили, што она есть ку понятию як языка чистости, так и правою, а сочинною, ведлуг власности диалектов и мовеня и писана и писм вырозумена. Вшелякий пожиток, который колвек преречоных языков грамматики чинити звыклы, без вонтценя и славенская в своем языке славенском учинити может”.* Грамматика Смотрицкого была чрезвычайно полезна Ломоносову уже впоследствии, и то своим содержанием. Безобразный же язык ее принес ему потом одну разве пользу

«Грамматика Славенския правильное синтагма». Из открытых источников

отрицательную, указав на необходимость стремиться к чистоте языка и ясности изложения. Не столько содержание, сколько безобразие языка грамматики Смотрицкого было главнейшею причиною, что на юношу Ломоносова она не могла иметь никакого влияния. Так, западно-русское общество своим подчинением польской образованности само отнимало у себя возможность благотворно действовать на восточную, Великую Русь» [Ламанский, 1864, с. 38–39].

В конце XVII в. были также напечатаны букварь Кариона Истомина, монаха Чудова монастыря Московского кремля, и практическое руководство по счету. В 1699 г. в Москве увидело свет «Краткое обыкновенное учение с крепчайшим и лучшим растолкованием в строении пеших полков», которое оказалось последней светской печатной книгой XVII в. Таким образом, к концу этого века на Руси благодаря разнообразию изданной учебной литературы была подготовлена неплохая почва для открытия учебных заведений различного назначения.

Первым важнейшим этапом в развитии светской образовательной системы России стало основание в 1687 г. в Москве Славяно-греко-латинской академии, где преподавались не только духовные, но и гражданские науки. Несмотря на то что открытие Академии происходило при правлении царевны Софьи, фактическим ее основателем был царь Федор III Алексеевич (1661–1682) – старший брат царей Ивана V (родной) и Петра I (единокровный) и родной младший брат царевны Софьи. Известно, что Федор Алексеевич был слаб здоровьем, но отличался ясностью ума, который он развил чтением книг. Его воспитателем был выпускник Киево-Могилянской академии*, богослов, педагог и поэт Симеон Полоцкий (1629–1680). Благодаря стараниям Полоцкого царь знал латинский, польский и древнегреческий языки, разбирался в живописи и церковной музыке, проявлял большой интерес к образованию и культурным достижениям Запада. Случилось так, что в начале 1682 г. Федор Алексеевич незадолго до своей кончины успел подписать первый документ будущей Академии – «Академическую привилегию», в которой устанавливался ее статус, равный статусам западноевропейских университетов. Для организации столь

* **Киево-Могилянская академия** – историческое высшее учебное заведение в Киеве, которое под таким названием существовало с 1701 до 1817 г. (с 1631 по 1701 г. – как Киево-Могилянская коллегия). Учредителем коллегии являлся митрополит Петр Могила. По распоряжению правительства и указом Синода от 14 августа 1817 г. Академия была закрыта, в ее здании была открыта Киевская духовная семинария, реорганизованная в 1819 г. в Духовную академию.

Федор III Алексеевич.
Неизвестный художник.
Государственный Эрмитаж

большого дела царь обращался к Восточным Вселенским Патриархам с просьбой о присылке «людей искусных». На призыв откликнулись двое известных греческих ученых-иеромонахов – братья Иоанний и Софроний Лихуды, прибывшие в Москву 5 [15] марта 1685 г. и ставшие первыми преподавателями создаваемой Академии. Составленная Лихудами учебная программа ориентировалась на европейские образцы, главным образом на программу Падуанского университета*. Под начало Лихудов перешел и Печатный двор.

Академия давала образование не только детям аристократии, государственных и церковных чиновников, но и торговцев, и даже холопов. Первоначально студентов Академии насчитывалось около ста, в начале XVIII в. – 600, а в начале XIX в. – более 1600. Из стен Академии вышли выдающиеся деятели науки, государства, дипломатии, церкви, искусства и культуры, самыми известными из которых стали Леонтий Магницкий (автор первого русского учебника математики), Михаил Ломоносов (великий русский ученый, первый отечественный член Санкт-Петербургской академии наук), Федор Волков (основатель русского театра), Степан Крашенинников (путешественник, исследователь Севера и Востока России, член Санкт-Петербургской академии наук, ректор академического университета), Василий Баженов (архитектор), Петр Постников (первый в истории России доктор философии и медицины), митрополит Евгений, в миру – Ефимий Алексеевич Болховитинов (историк, археограф, писатель, переводчик, митрополит Киевский и Галицкий, член Академии российской, почетный член Санкт-Петербургской академии наук) и др.

* **Падуанский университет** – один из старейших университетов Европы и Италии, открыт в Падуе в 1222 г. В Средние века в Падуе учились студенты со всей Европы, разделенные на «нации» (землячества) по месту происхождения. В эпоху Возрождения Падуанский университет был одним из центров европейской науки.

Отечественная война 1812 г. прервала учебный процесс, в 1814 г. Славяно-греко-латинская академия была закрыта.

<...>

Основание Славяно-греко-латинской академии осуществлялось на фоне крупных изменений, которые происходили в России во второй половине XVII в. Этот период, известный как начало Русского возрождения, характеризовался расширением контактов России с Западом, а также попытками модернизировать образовательную систему страны. Это был век расширения Русского государства: на западе – возвращение части древнерусских земель, на юге – присоединение области Войска Донского, на востоке – включение Сибири, на севере – освоение районов, близких к Северному Ледовитому океану. Появляются новые виды и отрасли культуры – поэзия, парсуны, московское барокко, партесное пение, философия. В Москве сформировалась обширная Немецкая слобода, где жили иностранцы, которая произвела на жившего по соседству в Измайлове юного Петра – будущего российского императора – огромное впечатление.

В России в течение XVII в. случались и народные волнения, среди которых отметим крестьянское восстание под руководством Степана Разина (донской казак, атаман Войска Донского, предводитель восстания 1667–1671 гг., крупнейшего в истории допетровской России), медный бунт (восстание городских низов против повышения налогов и выпуска обесценившихся медных монет), произошедший в Москве 25 июля [4 авг.] 1662 г., восстание стрельцов (стрелецкий бунт 1682 г. – бунт московских стрельцов в начале правления 10-летнего Петра I, в результате которого его соправителем оказался старший 15-летний брат Иван, а фактической правительницей при них стала старшая сестра 24-летняя Софья Алексеевна, и стрелецкий бунт 1698 г. – восстание четырех московских стрелецких полков общей численностью около 2.2 тыс. человек во время пребывания Петра I за границей в Великом посольстве). Однако эти бунты не были столь критичными, как в Смутное время, и царской власти удавалось их быстро ликвидировать.

2.2. Петровские реформы, включая издательское дело и реформу письма

В 1682 г. царем всея Руси в 10-летнем возрасте был провозглашен Петр I*. Сначала он номинально руководил страной со сводным братом Иваном V (до его смерти в 1696 г.) под регентством сестры Софьи Алексеевны, а затем в режиме единовластия сумел радикально изменить международный, политический, экономический, социальный и культурный облик России.

С юных лет Петр проявлял интерес к наукам и заграничному образу жизни, он первым из русских царей совершил длительные путешествия в страны Западной Европы. В частности, в 1697–1698 гг. царь инкогнито путешествовал по Европе в составе Великого посольства, объехав города Пруссии, Голландии, Англии и империи Габсбургов. В течение полутора лет своего «великого ученичества» он изучал науки и искусства Европы. Посольство завербовало в Россию несколько сотен специалистов по корабельному делу, закупило военное и прочее оборудование. По возвращении из путешествия, Петр развернул масштабные реформы российского государства и общественного уклада.

Преобразуя страну, Петр I поделил ее на регионы, образовав губернии, уезды и дистрикты, что позволило управлять территориями по вертикали: царь – губернатор – воевода – земский комиссар. Вместо Боярской думы царем был создан Правительствующий Сенат, который разрабатывал новые законы, следил за финансами и правосудием. В 1717–1721 гг. вместо 44 приказов – органов центрального управления – Петр создал 11 коллегий, которые в XIX в. Александр I заменит министерствами. Одними из первых появились Коллегия иностранных дел, Военная и Адмиралтейская коллегии, ведавшие дипломатией, делами армии и флота. В 1722 г. Петр I издал «Табель о рангах», куда включил 14 уровней военных, гражданских и придворных чинов. Теперь должности занимали не по знатности рода, а по личным способностям и знаниям – дворянином отныне при особом упорстве мог стать любой россиянин.

* **Петр I Алексеевич, Петр Великий** (30 мая [9 июня] 1672, Москва – 28 января [8 февраля] 1725, Санкт-Петербург) – царь всея Руси с 1682 г., первый император Всероссийский с 1721 г. Выдающий государственный деятель, который вошел в историю как великий преобразователь, чьи реформы на долгие годы изменили общественный уклад в стране [Анисимов, 1989; Брикнер, 1996; и мн. др.].

Портрет царя Петра I Алексеевича. Художник Годфрид Схалкен 1703–1706 гг. В основе изображения молодого Петра – знаменитый портрет, выполненный Годфри Неллером в 1697 г. Российский правитель представлен с лентой и звездой Ордена Святого Андрея Первозванного, которым он был удостоен в мае 1703 г. за участие во взятии шведских судов в устье Невы. *ГИМ*

Важнейшим результатом петровских реформ стало становление отечественной промышленности, от развития которой зависели и военные успехи, ведь 24 года из 29 лет своего единодержавного правления Петр I провел в войнах*. Царь начал массово строить «железные заводы», например, Тульский и Сестрорецкий, и металлургические предприятия: Невьянские и Верхотурские заводы на Урале. Вскоре Россия перестала покупать за границей ружья, пушки, ядра, якоря и вышла на третье место в Европе по добыче черных металлов. Именно в тот период поднялись промышленные династии Демидовых и Строгановых. С развитием мануфактур и промышленности были введены акцизы на соль, алкоголь и другие товары. Появились первые законы по охране природы: в 1703 г. запретили рубить лес в пределах 50 верст от берега больших и 20 верст от берега малых рек.

* Петр I в 24 года пошел войной против Османской империи и взял Азов: Россия впервые получила выход к южным морям. В 25 лет вел дипломатические переговоры с европейскими политиками во время Великого посольства – и к началу своей главной войны подошел с Северным союзом, куда вошли Польша, Саксония и Дания. Северную войну против шведского короля Карла XII Петр I начал в 1700 г. с «Нарвской конфузии», когда русскую армию разгромили у города Нарва. Однако Полтавская битва в 1709 г. и морское Гангутское сражение в 1714-м (сегодня Дни воинской славы России) показали, что Россия – серьезный противник. Война завершилась в 1721 г. Ништадским миром – страна получила выход к Балтийскому морю с полосой побережья от Выборга до Риги. В ходе Персидского похода в следующие три года Российская империя закрепилась на западном побережье Каспийского моря. В результате Россия стала одной из великих держав, без участия которой в Европе теперь не могла пройти ни одна военная кампания или дипломатическая конференция.

В условиях социальных, военных и экономических реформ страна остро нуждалась в специалистах разного уровня. Именно Петр I еще в самом начале XVIII в. дал старт профессиональному образованию. Так, 14 [25] января 1701 г. в Москве при «Мастерских палатах» на Хамовническом дворе была открыта школа «математицких и навигацких наук», или Навигацкая школа, которая в апреле была переведена в Сухареву башню, что позволило проводить астрономические наблюдения. Руководителем навигацкого направления стал А.Д. Фарварсон (ок. середины XVII ст. – 1739), профессор Эбердинского университета, приглашенный Петром из Шотландии. Вместе с ним в качестве преподавателей прибыли два помощника, С. Гвин и Р. Гриз. Преподавание математики в школе стал осуществлять Л.Ф. Магницкий (1669–1739; русский математик, педагог, автор первой в России учебной энциклопедии по математике).

Надо отметить, что добровольное привлечение к учебе недорослей оказалось крайне сложной задачей. Поэтому главе Посольских дел боярину Федору Алексеевичу Головину (1650–1706; один из ближайших сподвижников Петра I, глава внешнеполитического ведомства, имел военные звания фельдмаршала и генерал-адмирала, первый кавалер высшей государственной награды – ордена Андрея Первозванного), ведавшему в школе обучением, Петром предписывалось *«тех наук ко учению усмотря избирать добровольно хотящих, иных же паче и со принуждением»* [Егоров, 1986, с. 46]. Петр I ввел максимально жесткие меры молодым людям, не проявляющим интерес

А.К. Саврасов. Сухарева башня. 1872. ГИМ

к учебе. За прогулы учащимся назначался высокий штраф, родным за ходатайство об освобождении их отпрысков из школы грозила каторга, а за побег из школы полагалась ни много ни мало смертная казнь [Гуркина, 2001].

Учиться в школе действительно было сложно. Приглашенные иноземные учителя не знали русского языка и свои предметы читали по латыни. Переводные учебники были малопонятны, поскольку языковые возможности в отношении точных наук и профессиональный уровень переводчиков были ограничены. Для учеников проще было выучить какой-либо текст наизусть, чем понять его смысл. Неудивительно поэтому, что сам процесс обучения воспринимался многими воспитанниками, как тяжкое бремя. Тем не менее для Петра обучение наукам российских подданных было ключевой составляющей в его долгосрочной политике по развитию государства, подготовке собственных специалистов для военной и государственной службы...

Помимо офицеров для военно-морского флота в 1700-х гг. в военных московских школах Пушкарского приказа готовили также офицеров артиллерии и военных инженеров*. 16 января 1712 г. Петр I приказал отделить инженерную школу от школы Пушкарского приказа и расширить ее. Следом он создал Санкт-Петербургскую инженерную школу (1719), а в 1723 г. московская школа была переведена в Санкт-Петербург и объединена со столичной. В этих школах готовили унтер-и обер-офицеров инженерных войск (<https://www.artillery-museum.ru/ru/basic/istoriya-inzhenernih-vojsk-do-1917-g.html>). В 1715 г. высшие классы Навигацкой школы были переведены в Петербург и преобразованы в Морскую академию.

В первой госпитальной школе, открытой в Москве в 1706 г. при военном госпитале для лечения нижних чинов, стали обучать будущих медиков (в 1798 г. госпитальная школа была реорганизована в Московскую медико-хирургическую академию, существующую и поныне). Специалистов горного дела готовили в горной школе, организованной в 1716 г. при Олонецких горных заводах в Карелии. В 1721 г. по инициативе В.Н. Татищева горнозаводские школы были открыты и на Урале.

В царствование Петра возникло несколько училищ общеобразовательного плана, таких, например, как первая в России гимназия лютеранского пастора Эрнста Глюка (1652–1705). Она осуществляла

* Первой военной школой в России принято считать школу при бомбардирской роте Преображенского полка, созданную по указанию Петра I в 1698 г. Ее задачей было обучение бомбардиров инженерному делу и артиллерии.

подготовку переводчиков Посольского приказа. Занятия в гимназии начались в 1703 г., при этом ее официальное учреждение состоялось 25 февраля [7 марта] 1705 г. В учебном заведении помимо иностранных языков преподавали арифметику, историю, географию, риторiku, философию, а также танцы, фехтование, верховую езду. В гимназию принимали сыновей дворян, купцов и служилых людей. Обучение осуществлялось за счет государства. После смерти Глюка гимназия постепенно пришла в упадок, и в 1715 г. была закрыта. За время ее существования было обучено 238 человек (из открытых информационных источников).

В январе 1714 г. в губерниях были открыты цифирные школы, ознаменовавшие новый этап образовательной политики государства. Это была первая попытка Петра по созданию на всей территории России сети государственных общеобразовательных начальных школ. Обучаться грамоте и арифметике здесь могли дети всех сословий, кроме крепостных. Для *«дворянских и приказного чина, дьячих и подьяческих детей от 10 до 15 лет»* вводилось обязательное обучение [Полное собрание законов (ПСЗ)..., 1830 а, с. 86; Егоров, 1986, с. 47], причем в этот период Петр вновь пошел на крайние меры, издав 20 [31] января 1714 г. указ «О посылке во все Губернии из школ математических, по несколько человек для ученья Дворянского чина детей Арифметике и Геометрии», на основании которого молодым дворянам запрещалось жениться, пока они не освоят «цифири и геометрии» [ПСЗ, 1830 а, с. 78].

В цифирных школах в тот период уже преподавали не иностранцы, а выпускники Школы математических и навигацких наук – того самого первого светского и военного учебного заведения России, учрежденного царем в 1701 г. Ко времени открытия цифирных школ учащиеся имели качественные отечественные учебники, такие как «Арифметика, сиречь [устар. – то есть/иначе говоря] наука числительная. С разных диалектов на славянский язык переведенная, и воедино собрана, и на две части разделенная» Леонтия Магницкого (1703), которую впоследствии М.В. Ломоносов назовет «Вратами своей учености». Среди новых учебников особое место занимали букварь и краткий катехизис «Первое учение отроком» Феофана Прокоповича* и «Юности честное

* **Архиепископ Феофан** в миру **Елисей**, после смерти родителей взял фамилию своего дяди **Прокопóвич** (1681–1736) – русский политический и духовный деятель, писатель, поэт, теоретик литературы. Ректор Киевской академии (1710–1716). С 25 янв. 1721 г. – первый вице-президент Святейшего правительствующего синода, с 15 июля 1726 г. – первенствующий член Синода Православной Российской церкви; проповедник,

Титульный лист «Полного собрания законов Российской империи с 1649 года». 1830. Т. 5.

2762. — Января 20. Имевший, данный Сенату. — О посылке во все Губернии из школ математических, по несколько человек для ученья Дворянского чина детей Арифметикъ и Геометрии. О недѣланіи болѣе младныхъ денегъ, и о выборѣ Ландратовъ въ города или Провинціи всѣми Дворянами.

Послать во всѣ Губерніи по нѣскольку человекъ изъ школъ математическихъ, чтобы учить Дворянскихъ дѣтей, кромѣ однопалатовъ, приказнаго чина цифири и Геометріи, и положить штрафъ такой, что невольнo будетъ жениться, пока сего выучится. И для того о томъ къ Архіереямъ о семъ, дабы памяти вѣчныхъ не давали безъ соизволенія тѣхъ, которымъ школы приказаны.

Указ Петра I от 20 января 1714 г. «О посылке во все Губернии из школ математических, по несколько человек для ученья Дворянского чина детей Арифметике и Геометрии» [Полное собрание законов..., 1830 а, с. 78]

зерцало» (полное название — «Юности честное зерцало, или показаніе к житейскому обхождению, собранное от разныхъ авторов»). В первом из них помимо алфавита, образцов правильного начертания и использования в словах всех букв и слогов, излагались главные догматы веры, заповеди Божии, молитвы и их толкования. Другой учебник — «Юности честное зерцало» — состоял из двух частей: в первой части книги давались азбука, слоги и цифры (это было первое пособие по гражданскому шрифту и арабскому написанию цифр), а также нравоучения из священного писания, а во второй — упражненія и правила поведения и хорошаго тона для «младыхъ отроковъ» и девушек дворянскаго сословія (вторая часть книги представляла собой первый в Россіи учебник этикета).

Показательно, что открывается «Зерцало» с правил отношенія юношей и девушек к своимъ родителям: «Впервыхъ наиначе всего

сподвижникъ Петра I. В 1721 г. организовалъ петербургскую школу для сиротъ и бѣдныхъ дѣтей съ преподаваніемъ иностранныхъ языковъ, исторіи, географіи, математики, логики, риторикѣ, рисованія, музыки. До Ломоносова предлагалъ въ «Риторикѣ» различать три слога: высокій, средний и низкій. Эти идеи предвѣщали будущій классицизмъ, утвержденіе котораго на русской почвѣ связано съ именами Кантемира, Тредиаковскаго, Ломоносова и Сумарокова (см. разделъ 2.3).

должны дети отца и мать в великой чести содержать. И когда от родителей что им приказано бывает, всегда шляпу в руках держать, а пред ними не вздевать, и возде них не садиться, и прежде оных не заседать, при них во окно всем телом не выглядывать, но все потаенным образом с великим почтением не с ними в ряд, но немного уступя позади оных в стороне стоять, подобно яко паж некоторый или слуга... ..Дети не имеют без именного приказа родительского никого бранить или поносительными словами порекать. А ежели то надобно, и оное они должны учинить вежливо и учтиво» [Юности честное зерцало (1717), публикация 1916 г., с. 27–28].

О поведении за столом во время приема пищи в тексте имеются несколько грубоватые по форме, но вполне оправданные советы, в том числе и для нашего времени: *«Когда прилучится тебе с другими за столом сидеть, то содержи себя в порядке по сему правилу: в первых обрежь свои ногти, да не явится якобы оныя бархатом обшиты. Умой руки и сяди благочинно, сиди прямо и не хватай первой в блюдо, не жри как свинья и не дуй в ушное (т. е. в суп. – Авт.), чтоб везде брызгало, не сопи егда яси. Первый не пей, будь воздержан и бегай пьянства, пий и яждь сколько тебе потребно; в блюде будь последний. Когда часто тебе предложат, то возьми часть из того; прочее отдай другому и возблаговари ему. Руки твои да не лежат долго на тарелке, ногами везде не мотай, когда тебе пить, не утирай (рта) губ рукою, но полотенцем, и не пей, пока пищи не проглотил. Не облизывай перстов и не грызи костей, но обрежь ножом. Зубов ножом не чисти, но зубочисткою, и одною рукою прикрой рот, когда зубы чистишь... Над ествою не чавкай, как свинья и головы не чеши, не проглотя куска не говори, ибо так делают крестьяне. Часто чихать, сморкать и кашлять непригоже»* [там же, с. 30].

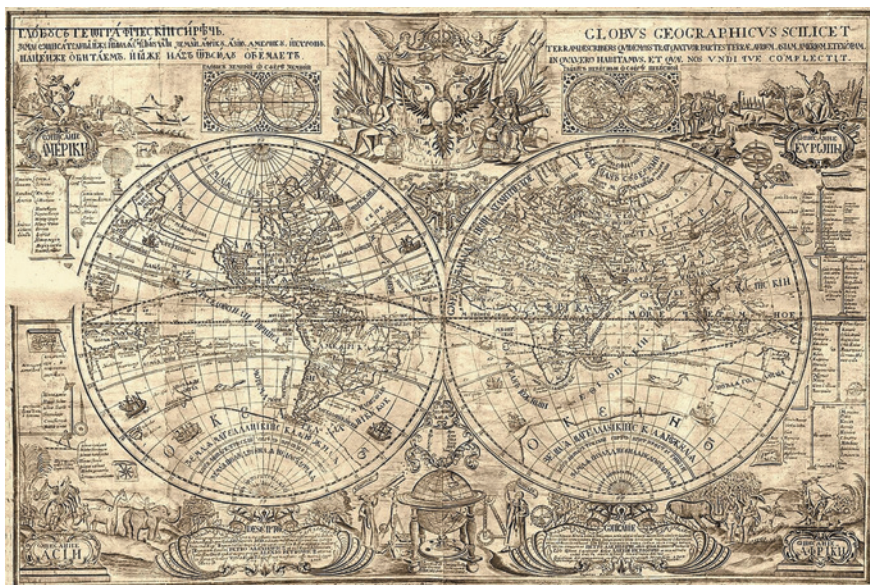
Новые моды и нравы обычно поддерживались Петром с помощью страха и насилия. Тем не менее подобные «Юности честное зерцало» книги содействовали перестройке мировоззрения и быта русских людей. Кроме букварей, издавались словари, например, *«Лексикон трезычный, сиречь речений славенских, еллино-греческих и латинских сокровище»*, составленный Ф.П. Поликарповым-Орловым (ок. 1670–1731). Словари и пособия для изучения иностранных языков были необходимы в международных отношениях, в навигации, в науке, поэтому изданию их уделялось большое внимание. При Петре был принят юлианский календарь, созданы парки и парковая скульптура, общедоступный театр.

Петр прекрасно сознавал важность **издательского дела**, из-за чего приступил к его организации самым решительным образом. Он лично руководил книгопечатанием, определял тематику изданий, следил за переводом книг и был редактором многих из них. С именем Петра связано создание русской типографии в Амстердаме, которая из-за сложности контроля и дороговизны в 1702 г. прекратила свою работу, а также основание в 1710 г. Санкт-Петербургской типографии. В 1701 г. Петр восстановил Монастырский приказ*, в ведении которого находилась Московская типография, поручив патриаршие, архиерейские и монастырские дела своему соратнику И.А. Мусину-Пушкину, который с 1702 г. стал и руководителем Печатного двора. С этого времени на Московском печатном дворе начала выходить первая русская печатная газета «Ведомости», а спустя шесть лет ежегодные календари с заметками по астрономии и агрономии или Брюсовы календари**. Реорганизация печатного дела позволила увеличить выпуск книг светской тематики, в том числе таких новых для нее изданий, как «Таблицы логарифмов и синусов, тангенсов, секансов», реляции о победах русских войск и др. В 1705 г. дополнительно к Печатному двору в Москве была создана первая гражданская типография В. Киприянова***, печатавшая главным образом карты (позже типографию передали в ведение приказа артиллерии). К 1708 г. Печатный двор был вновь переоборудован. Здесь появилась гравировальная мастерская, в которой стали печатать чертежи и иллюстрации, широко применявшиеся в технической и научной книге того времени. В 1720 г. при Александро-Невском монастыре открылась вторая типография в Санкт-Петербурге. В ней печатались «Проповеди» и «Слова»

* **Монастырский приказ** – один из приказов Русского царства в соответствии с 13-й главой Соборного уложения 1649 г. (свод законов Русского царства), высший центральный судебный орган для духовенства в Московском государстве. Был закрыт царским указом 19 (29) декабря 1677 г., восстановлен 24 января (4 февраля) 1701 г. Петром I, окончательно упразднен Именным указом от 14 (25) января 1725 г., будучи преобразован в Камер-контору Святейшего синода.

** **Брюсов календарь** назван по имени Якова Брюса – известного российского деятеля науки и военачальника, сподвижника Петра I. Календарь около 200 лет был настольным справочником российских земледельцев. Также он содержал астрологические «предзнаменования» действ на каждый день по течению Луны и Земли». Хотя авторство Календаря приписывается Брюсу, настоящим его составителем являлся библиотекарь и книгоиздатель Василий Киприянов.

*** **Василий Киприянов** (или **Киприанов**, ? – после 1723) – сподвижник Петра I, библиотекарь и книгоиздатель, картограф, гравер, основатель Московской гражданской типографии (находилась под надзором Якова Брюса). Автор первой известной карты Московской губернии (1711), воспроизведенной в Брюсовом календаре.

«Глобус географический» В. Киприянов (Москва, 1707 г.).

Из открытых источников

Ф. Прокоповича и других сподвижников Петра I, некоторые учебники. В начале 1721 г. для нужд учащихся и печатания распоряжений Адмиралтейской коллегии была создана типография при Морской академии, где годом позже была выпущена первая книга «Наука статическая, или механика». В 1722 г. была открыта типография при Сенате для печатания официальной литературы.

Всего в первой четверти XVIII в. была издана 561 книга, в том числе около 300 гражданских (<https://studfile.net/preview/2916029/page:3/>).

В развитии русской культуры и издательского дела выдающуюся роль сыграла реформа русского письма, связанная с введением гражданского печатного шрифта, что было естественным следствием развития просвещения в России в начале XVIII в. Архаичный уже в петровское время кирилловский печатный полуустав, отличавшийся сложным правописанием и загроможденный титлами и силами, был непригоден для перевода и печатания научных изданий, учебных пособий и других видов светской литературы. Кроме того, буквенная цифирь не позволяла производить сложные математические действия. В результате в учебнике «Арифметика...» Леонтия Магницкого, изданном в 1703 г., уже применялись арабские цифры.

К созданию гражданского шрифта были привлечены такие опытные люди, как известный деятель в области книгопечатания И.А. Мусин-Пушкин, руководитель московской типографии В.А. Киприянов, словолитец Михаил Ефремов. В январе 1707 г. Петр I собственноручно нарисовал эскизы, по которым чертежник и рисовальщик Куленбах, служивший при штабе армии для начертания карт и диспозиций (в те годы Россия воевала со Швецией), сделал рисунки тридцати двух строчных букв нового алфавита, а также четырех прописных букв: А, Д, Е и Т. Оригиналы остальных прописных литер были сделаны по эскизам строчных букв. Петр I сам давал указания об уничтожении надстрочных знаков и некоторых букв («от», «пси», «кси» и др.), заимствованных в свое время из греческого письма и ставших ненужными с развитием русского языка, об изменении, улучшении графики отдельных букв. При этом церковь продолжала пользоваться церковнославянским алфавитом.

Реформа письма проходила в 1708–1710 гг. поэтапно. В частности, в 1708 г. из прежней азбуки были исключены ненужные для передачи русской речи буквы, знаки ударений (силы), придыхания и сокращений (титлы). В алфавит были введены новые буквы: вместо йотованной лигатуры Ю – буква Е; вместо йотованной буквы ІѦ – Я, которая уже применялась в московском письме конца XVII в.; кроме того, было введено обратное Э, а вместо обозначения чисел буквами стали использовать арабской цифры. И не случайно, что первой книгой, набранной гражданским шрифтом, стала «ГЕОМЕТРІА СЛАВЕНСКІ СЕМЛЕМЪРІЕ», вышедшая в марте 1708 г. Опубликованная «Геометрия...» имела выраженный прикладной характер, поскольку давала не только теоретические знания, но и способы их практического употребления в различных отраслях техники, а также знания в области черчения. В 1710 г. увидела свет «Азбука гражданская с нравоучениями», утвержденная Петром I и ставшая первой официальной русской гражданской азбукой. В «Азбуке» были восстановлены применявшиеся в старой печати буквы, за исключением «пси», «омеги» и «от». Впоследствии М.В. Ломоносов писал об этом издании: *«При Петре Великом не одни бояре и боярыни, но и буквы сбросили с себя широкие шубы и нарядились в летние одежды»*.

Создание нового шрифта было нацелено на упрощение русского алфавита. В результате реформы изменился не только состав азбуки, но и упростились начертания букв, внешний вид которых был приближен к древнеримскому («латинизация» кириллицы). Новый шрифт был легким для усвоения. Важно, что новый шрифт позволил заметно

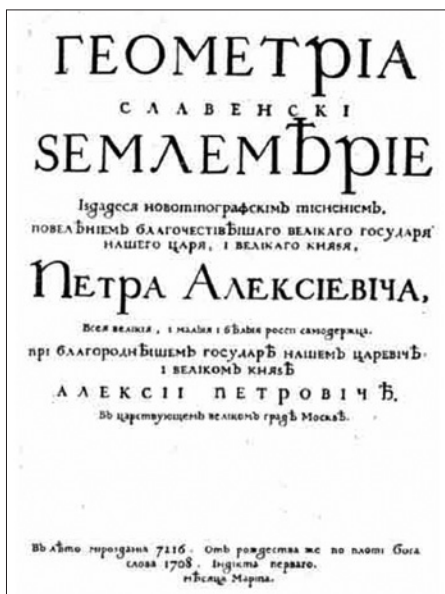
На первом издании Азбуки 29 января 1710 г. рукою Петра написано: «Сими литеры печатать историческіе и манифактурныя книги. А которые подчернены, тех [в] вышеописанныхъ книгахъ не употреблять».

Из открытых источников

«Арифметика...»

Л.Ф. Магницкого, набранная церковнославянскимъ шрифтомъ — полууставомъ. 1703, с. 41.

«Геометрия славенски

землемерие» — первая книга, набранная гражданскимъ шрифтомъ. 1708. Титульный лист

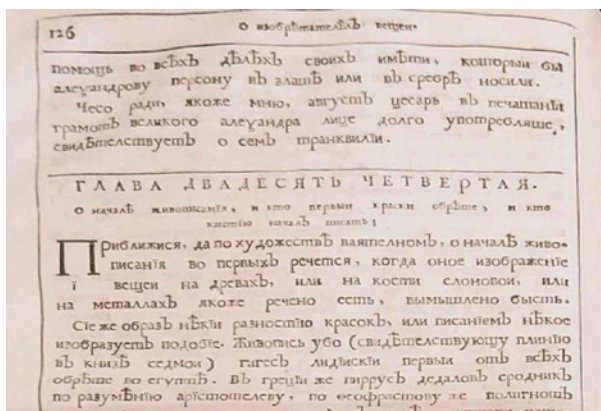
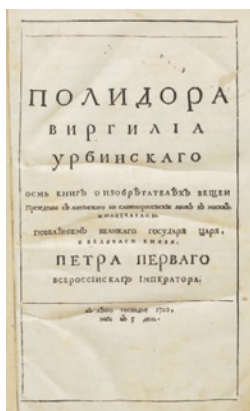
Стенд в Государственном историческом музее (Москва), посвященный реформе русского письма. Фото В. Богатова

облегчить типографский набор на печатных станках, изготовленных в Западной Европе.

Надо отметить, что вскоре на гражданский шрифт (с изменениями) перешли также сербы, а позже и болгары.

Гражданским шрифтом с минимальными изменениями начертаний мы пользуемся и поныне.

Введение гражданского шрифта стало одним из наиболее революционных преобразований Петра, давших мощный стимул к развитию

Полидор Вергилий Урбинский. «Осьмь книг об изобретателях вещей»: титульный лист и страница 126. (Москва. 1720 г.).

Из открытых источников

русского языка, русской культуры и, конечно, науки... Новый гражданский шрифт благодаря своей простоте расширил доступ к печатной информации широким слоям населения.

Для понимания последующих темпов и направлений совершенствования русского языка и литературы, вызванных преобразованием печатного дела, полезно оценить их уровень на момент реформы церковнославянского шрифта. Возьмем, к примеру, некоторые фразы из первой научно-популярной книги «Осьмь книг об изобретателях вещей» Полидора Вергилия Урбинского (ок. 1470–1555; ученый и церковный деятель, живший в Италии в конце XV – первой половине XVI столетия), которая вышла в свет в 1720 г. на Московском печатном дворе, экземпляр которой имеется на стенде, посвященном реформе русского письма, в Государственном историческом музее (Москва). Поясним, что «Осьмь книг об изобретателях вещей» представляет собой энциклопедию, состоящую из восьми книг и содержащую очерки по астрономии, биологии, медицине, механике, литературе, а также по другим наукам и важнейшим изобретениям. Труд Урбинского был переведен Феофилактом Лопатинским в 1719 г., и Петр I, ознакомившись с ним, распорядился о срочном его напечатании.

Попробуем оценить лексику, стиль и орфографию небольшого текста на стыке двух глав книги: двадцать третьей, посвященной увековечению образа Александра Великого, и двадцать четвертой, посвященной вопросам живописи:

«Чесо ради якоже мню, август цесарь в печатании грамот великого александра лице долго употребляше свидетельствует о сем транквилий (Гай Транквилий Светоний, древнеримский историк, ученый-энциклопедист, писатель и личный секретарь императора Адриана. – Авт.).

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О начале живописания, и кто первым краски обрете, и кто кистью начал писать.

Приблизися, да по художестве ваятельном, о начале живописания во первых речется, когда оное изображение и вещей на древах, или на кости слоновой, или на металлах якоже речено есть, вымыслено быть...».

Обращает на себя внимание, что в конце первой четверти XVIII в. построение фраз «свежего» перевода все еще сходно с церковнославянским языком, причем в тексте продолжено использование старославянских оборотов, например, «чесо ради якоже мню», что в современном понимании можно перевести как «для чего так полагаю /

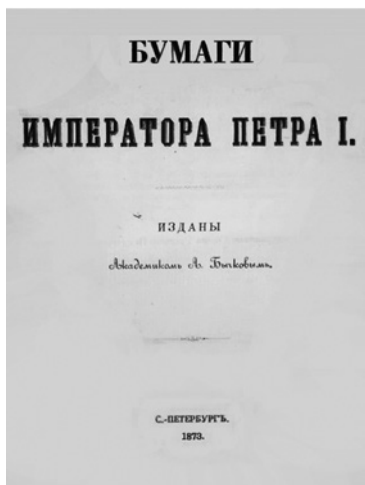
таким образом», или «*якоже речено есть, вымыслено быть*», т. е. «ибо говорить то, что вымыслено», а также устаревших слов-выражений – «*употребляше*», «*обрете*», «*приблизися*», «*речется*» и пр. Несмотря на проведенную реформу азбуки, в тексте еще употребляется буква «кси», а письменное обозначение нумерации главы читается как «*двадцать четвертая*» вместо «двадцать четвертая».

Стиль деловой переписки и документов петровского времени заметно отличался от стиля художественных произведений и переводов. Многие примеры деловых документов приведены в первой главе настоящей книги, особенно связанных с деятельностью Санкт-Петербургской академии наук и художеств, т. е. в постпетровский период. В то же время полезно ознакомиться с некоторыми деловыми бумагами, в составлении которых участвовал сам Петр I. Ведь язык Петра при реформе письма имел важное значение, поскольку окружение царственной особы волей-неволей ориентировалось на своего самодержца. Петр при управлении страной часто сам составлял распоряжения, инструкции, указы и уставы, писал их проекты и письма, но неразборчивым почерком и с большим количеством ошибок, причем как в русских, так и в иностранных словах, пропуском гласных, без интервалов между словами и произвольным их сокращением, не признавая знаков пунктуации, поэтому многие сохранившиеся записи Петра до сих пор не расшифрованы.

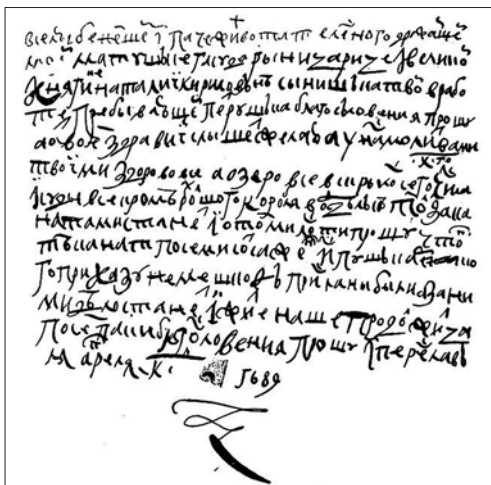
Современный читатель имеет возможность приобщиться к многим документам, связанным с Петром, в том числе изданным еще в 1873 г. академиком А.Ф. Бычковым (1818–1899; историк, археограф, библиограф, лексиколог, академик с 1866 г.) под названием «*Бумаги Императора Петра I*» [1873], поскольку эта книга впоследствии несколько раз переиздавалась, в т. ч. в 2002 г., а ныне выложена в свободном доступе на сайте Президентской библиотеки (<https://www.prilib.ru/item/399539>).

Для примера познакомимся с некоторыми расшифрованными текстами Петра I из вышеупомянутого сборника. Открывается книга письмами царя, адресованными адмиралтейств-советнику Александру Васильевичу Кикину (1670–1718; первый начальник Санкт-Петербургского адмиралтейства, доверенное лицо царевича Алексея Петровича. Казнен по делу последнего), и первое из них представляет собой сообщение «*О победе, одержанной 8 июня 1704 года над шведами под городом Нарвою*» от 16 июня того же года.

Письмо начинается своеобразным обращением, по-видимому, на голландском языке: «*Her Grot Vader*».

Титульный лист «Бумаги Императора Петра I». 1873 г.

Пример почерка Петра I: письмо Петра к царице Наталии Кирилловне. Последние 2 фразы читаются как: «По сем паки благословения прошу. Ис Переславля апреля 20 д. 1889». Из открытых источников

Далее идет текст на русском: «Я иного не знаю что писать, точию что недавно пред сим учинилось как умных дураки обманули, и, сие разсуждая, не могу больше двух дел выразуметь: первое, что Бог вразумил, другое что пред их очами гора гордости стояла, чрез которую не могли сего подлога видеть ¹⁾

Я чаю, что вы о сем уже ведаете, только не чаю так подлинно, того ради о всем посылаю, написав, при сем письме; також постороннее еще скажет вам господин Склеяев*, самовидец онаго.

Piter

...Прошу отдать всем нашим товарищам должной поклон и о сем объявить».

Ниже имеется пояснение к тексту: «(*) См. об этой победе, одержанной “нововымышленным способом”, Журнал Петра Великого, ч. 1, стр. 79–81, и Походный журнал 1704 года, стр. 37–43 (четыре наших полка, два пехотных и два драгунских, наряженные в синие мундиры шведских полков, выманили на соединение с собою неприятельскую высылку из Нарвы, которая и была разбита на голову)» [там же, Указы..., с. 1].

* Склеяев Федосей – корабельных дел мастер [там же, Алфавитный указатель, с. 53].

Оценивая стилистическое построение текста, мы отмечаем его ироничность на фоне просторечия, грубоватой прямоты и некой показной иносказательности, без какого-либо «красования», иногда свойственного победителям. Причем Петр и в этом баснеподобном произведении отдает должное «товарищам», одержавшим столь важную для страны викторию, своим царственным «поклоном». Вероятно иносказательность была свойственна разговорному языку императора, о чем свидетельствует также его диалог по поводу организации Академии наук с Татищевым, описанный в известной работе «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» (см. раздел 1.1) [Татищев, 1996].

Если рассматривать смысловое содержание указов Петра I, как отдельного стиля деловой документации, то легко заметить, что подобным документам свойственна лаконичность формулировок и конкретность поручений. Возьмем, к примеру, некоторые ключевые указы, связанные с исследованием российских водных путей и территорий, включающие прилегающие к ним земли. В частности, один из указов Петра 1716 г. касался посылке князя А. Черкасского в район рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи (напомним, что о картографических исследованиях князя в этом регионе рассказывалось в разделе 1.1):

«CLIII. – 14 февраля 1716. Об исполнении требований, могущих последовать от князя Черкасского, отправляемого для осмотра рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и приведения в подданство России ханов хивинского и бухарского.

Господа сенат.

Понеже капитана князя Черкасского (так в тексте. – Авт.) отправили мы паки туды, откуда он приехал, и что ему там велено делать, о том дали ему пункты, и чего он против тех пунктов будет от вас требовать, также и сверх того, и в том чините ему отправление без задержания. Петр» [Бумаги Императора..., 1873: Указы..., с. 307].

Фактически этим исключительно кратким мандатом с несколько нескладным оборотом «отправили мы паки туды, откуда он приехал...» князь Черкасский наделялся неограниченными полномочиями в своей миссии, ведь освоение каспийско-аральского региона, как прямого сухопутного выхода Русского царства к Индии, имело в планах Петра стратегическое значение.

Еще один важный указ императора касался детально расписанных поручений, связанных с поиском мест для строительства канала, связывающего Москву с рекой Волгой, ведь этот проект открывал

громадные возможности для экономического развития древней столицы:

«CCCLXVIII. – 16 мая 1722. Об отпуске генерал-майору Геннингу (так в тексте. – Авт.) материалов для изыскания судоходного сообщения между Москвою и Волгою.

Указ господам сенату.

Понеже генералу-мазору Геннину велели мы осмотреть положение мест и течение рек от Яузы до Клязмы и от Клязмы до Ахромы и протчих речек, которыми б способнее и лутче сделать от Москвы до Волги судоной ход и где удобнее делать каналы и слюзы, того для какие к тому делу надобны материалы, а имянно: камень, кирпич, железо, медь, и оные велите по ведомости Генниновой заране вице-губернатору здешнему готовить, на что велели мы ныне отпустить ему, Воейкову, денег пять тысяч рублей, а леса приготовить мужиками вблизи живущими, когда работа полевая минетца. К тому делу определить слюзного мастера Графорта и придать к нему инженера порутчика Люборста и к ним несколько человек кондукторов из русских. Петр» [там же, с. 488–489].*

В 1724 г., т. е. в последний год жизни императора, мы находим многочисленные распоряжения Петра или обращения его сподвижников, связанные с неутомимой деятельностью государя по масштабному обустройству страны. Например, вскоре после учреждения Академии наук и художеств Петр подписал указ «Об смотре Днепра...»:

«ССССXXXII. – 13 февраля 1724. Об смотре Днепра и всех впадающих в него рек, для устройства в разных местах мостов на судах...

Указ

- 1. Все реки, в Днепре текуция, велите осмотреть и меру снять, какова живет в великую, среднюю и ординарную воду, дабы на судах мосты приготовить.*
- 2. Дорогу сухопутную, как возможно, близ Днепра, не смотря на широту рек.*
- 3. Место ниже порогов есть удобное для строения крепости в своем рубеже, также и пороги осмотреть, не мочно ль разобрать.*

* Георг Вильгельм де Геннин (Вилим Иванович Геннин, существует написание его фамилии: *Геннинг, Генин*) (1678–1750) – российский военный инженер немецкого или голландского происхождения. Организатор горного и металлургического дела в России. Генерал-лейтенант с 1722 г., генерал-майор с 1727 г.

4. *Широту Днепра ниже порогов, где уже и удобнее мост сделать.*
5. *Во Брянску лесов изготовить на дватцать галер, а именно: на десять плоскодонных и на десять ординарных, на двести будар. Петр»* [там же, с. 538].

Следом, 22 мая 1724 г., Петр подписывает открытый указ, обеспечивающий изыскание «новой водяной коммуникации от Волги до Ладожского озера», что в совокупности с предыдущими указами значительно расширяет связность российских территорий с экономическими и политическими центрами страны:

«Божиею милостию Мы Петр Первый, император и самодержец всероссийский, и протчая, и протчая, и протчая.

Объявляем сим нашим указом губернаторам, воеводам и протчим управителем в провинциях, что посланы от нас обер-гофшталмейстер наш Семен Аларбердеев да порутчик от инженер Любрас для искания и осмотра новой комуникации водяной от Волги до Ладожского озера, которым давать по городам, по ямам, по селам и по деревням по пятнадцати подвод с проводники, без всякого задержания, за указанные прогоны. А где понадобится люди, знающие те места, которыя надлежит осматривать, и работные люди для просекания лесов, где надлежит, и оных давать жителем тех мест везде, где сколько будет потребно, без всякого прекословия. Петр» [там же, с. 57].

Среди обращений соратников Петра, поступивших в 1724 г. на его рассмотрение, выделим два. Первый представляет собой донесение В.Н. Татищева «Об устройстве и размножении в Сибири медных заводов». В части понимания литературных характеристик этого, несомненно, значимого для экономики страны документа приведем его преамбулу – вводное обращение к государю, в котором, по определению, должна кратко объясняться суть дела:

«СССХХХIII – 13 февраля 1724. Высочайшия резолюции на донесении В.Н. Татищева, об устройстве и размножении в Сибири медных заводов.

Всемилоостивейшему государю.

Ваше императорское величество, яко всемилоостивейший отец отечества, прилежа о пользе того и всех верных ваших подданных, повелели мне, нижайшему рабу вашему, для размножения медных заводов в Сибири, обретенныя медных руд места на речке Полевой и Гумешках отдать охочим людям в компанию. Но понеже оное дело новое и корысть мало кому известна, на строение заводов иждивение потребно немалое, к тому же место от таких людей, которым бы

Картина Валентина Серова «Петр I». 1907 г.
Государственная Третьяковская галерея

возможно в такую компанию вступить, одолено, чрез что является сомнения и неудобства, того ради дерзаю вашему величеству всепокорно низжайше донести, каких обстоятельств для сочинения оной компании и размножения заводов пристойно» [там же, с. 539].

В приведенном выше обращении «всепокорно», но лаконично Татищев напоминает историю замысла и поясняет существо «донесения». Немногословная форма обращения обеспечивает легкое восприятие смысла написанного, причем, несмотря на использование широко распространенных в то время церковнославянских фраз и слов («яко», «прилежа», «понеже оное», «потребно...»), этот документ вполне понятен и современному читателю.

Наконец сохранился еще один крайне интересный, но отличный по лексике и синтаксису исторический документ той эпохи, поданный Петру в начале декабря 1724 г. и составленный Андреем Константиновичем Нартовым в виде заявки «Об учреждении Академии художеств» как отдельной организации, не связанной с учрежденной Академией наук и художеств. В отличие от доношения Татищева, в этом проекте поражает неожиданно многословная преамбула, представляющая собой в основном расхваливание императора на фоне сумбурного объяснения необходимости создания нового учреждения. Попробуем испытать свое терпение и ознакомиться с полным текстом этого

обращения, изложенного в виде одного предложения, включающего 165 слов:

«СССCLVI. – 1 декабря 1724. Высочайшия замечания на проект Андрея Нартова, об учреждении академии художеств.

Всемилоостивейший Император Государь.

Понеже во многих государствах чрез обретающияся академии разных художеств многия художества распространяются в пользу государственную и состоят призреением оных академий, состоящих в собственной монаршей опеке, во благом произвождении разных художеств, к тому ж видя, что Ваше Величество, непобедимейший наш монарх, августейший Император, великий отец и основатель славы российский, по возстановлении оных своим подданным с помощью Божию чрез непобедимое свое оружие благоволил возыметь и сие намерение, еже возстановити корпус академически разных художеств и тем, во всем свете умножая, умножить и чрез сие искусное в художествах основание всюду гласимую свою славу, того ради, по неизреченным Вашего Императорского Величества ко мне недостойному щедротам, принудило меня ревностное мое убогое желание [да не туняйтцом явлюся] сие мое всенижайшее предложение пред помазанными вашими императорскими стопами, со глубочайшим моим усердием, предъявить о сочинении таковой вашей императорской академии разных художеств, которой здесь в России еще не обретається, без которой художники подлинного в своих художествах основания иметь не могут и художества не токмо чтоб для пользы государственной вновь прибавлятися, но и старыя погасать могут» [там же, с. 558].

В базовой части текста Нартов, тем не менее, достаточно внятно представил свое видение структуры будущей Академии, где он определил 6 классов: «1. Директор. 2. Архитект архитектуры цивилис (гражданской. – Авт.). 3. Механик всяких мельниц и слюзов. 4. Живописец всяких разных малярств. 5. Скульптер всяких же разных дел. 6. Грыдор всяких же разных дел» [там же, с. 559]. Далее автором заявки были расписаны 24 мастера «всяких дел», сгруппированные в 4 ранга: от архитектурных и живописных, иконных до плотнических, столярных, медных и серебряных.

Представленный проект явно заинтересовал императора, так как Петр собственноручно отредактировал текст, сведя наименования всех перечисленных Нартовым мастеров к 19 позициям, распределив их очередностью следующим образом: «1. Живописное. 2. Скульптурное. 3. Штыховальное. 4. Тушевальное. 5. Грыдовальное. 6. Граверное.

7. Столярное. 8. Токарное. 9. Плотничное. 10. Архитектуры цивилис. 11. Мельниц всяких. 12. Слюзов. 13. Фонтаннов и протчего, что до гидроики надлежит ¹⁾. 14. Оптические. 15. Инструментов математических. 16. Инструментов лекарских. 17. Слесарское. 18. Медного дела. 19. Чесовые» [там же, с. 562].

К сноске к пункту 13 «¹⁾» указано: «Далее Государем было написано и им же зачеркнуто следующее: “и протчия механическая дела”» [там же, с. 562].

Несомненно, Петр внесенными правками продемонстрировал свою заинтересованность в плане А.К. Нартова, однако ранний и неожиданный уход императора из жизни не позволил дать старт проекту. Так случилось, что отдельная от Академии наук Художественная академия была создана лишь 33 года спустя, когда по инициативе Ивана Ивановича Шувалова и по повелению Елизаветы Петровны, указом Правительствующего Сената от 6 [17] ноября 1757 г. была образована «Академия трех знатнейших художеств» (живописи, скульптуры и архитектуры) (см. раздел 1.4).

Возвращая к тексту преамбулы Нартова, отметим, что, судя по некоторым историческим документам, столь многословные, вычурные и витиеватые преамбулы и тексты будут распространены во многих официальных указах в постпетровское время, в том числе в указе Елизаветы Петровны об учреждении Московского университета, где первое и наиболее короткое вводное предложение, написанное сходным стилем, состоит из 131 слова (см. следующий раздел).

В правление Екатерины II официальные документы приобретут более стройную форму с минимальным использованием церковнославянских выражений. В частности, преамбула к уставу и привилегиям «Академии трех знатнейших художеств», утвержденных Екатериной 4 [15] ноября 1764 г., состояла из 3 предложений и 124 слов:

«Между многими Государству полезными учреждениями возымели Мы попечение и о воспитании Российскаго юношества, дабы сим средством Науки и Художества, поспешествующия благосостоянию народному, в Империи Нашей время от времени более процветали и умножались. И хотя вселюбезнейшею Нашею Теткою, Великою Государынею Императрицею Елисавет Петровною в 1758 году заведена Императорская Академия трех знатнейших Художеств: Живописи, Скульптуры и Архитектуры, с потребными к тому мастерствами, но надлежащаго узаконения за кончиною Ея о том еще не учинено; того ради Мы оную Академию сим утверждаем, и сею Нашею Привилегиею и Уставом от ныне впредь пользоваться всемилостивейше

ей дозволяем. Для лучшагож ободрения и успеха, мы принять в Свое покровительство сию Академию с воспитательным при ней Училищем, определяем ей навсегда быть под единственным Нашим Императорским ведением, снабдя оную потребною на ея содержание суммою» [Привилегия и устав..., 1765, с. 5–6].

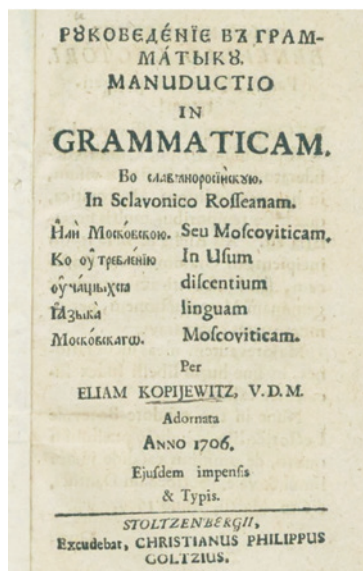
Забегая вперед, заметим, что именно в период царствования Екатерины II произошло кардинальное совершенствование языковых норм и правил, формирование новых литературных жанров, общее развитие светской литературы, отечественной науки и искусства...

Из всего ранее изложенного и приведенных в данном разделе текстовых примеров видно, что в первой четверти XVIII в. русский язык хотя и имел развитую грамматическую систему с богатыми выразительными возможностями, но не был упорядочен. Русский язык развивался стихийно, причем в синтаксическом отношении язык того времени отличала неоднородность с включением разных стилевых элементов: просторечие, старославянизмы, диалектизмы и пр. Литературные произведения часто изобиловали церковнославянской архаикой, придающей фразам тяжеловесность. В то же время стиль деловых документов, особенно составленных самим императором, отличался большей простотой и доступностью. С учреждением Академии наук и художеств развитие русского языка и литературы академическими переводчиками и первыми русскими академиками достаточно быстро было поставлено на научную основу.

2.3. Реформа литературного русского языка

Одну из первых попыток систематизировать знания о русском языке и составить русскую грамматику предпринял голландский просветитель и издатель белорусского происхождения Илья Копиевич. В 1706 г. в пригороде Данцига Штольценберге он издал «Руководение в грамматику во славенороссийскую или московскую ко оутреблению оучащихся языка московскаго», причем она была сочинена на церковнославянском, латинском и голландском языках. В этот же петровский период в работе над совершенствованием русского языка участвовали переводчики различных учебных, деловых и иных светских книг. Это была новаторская работа, начатая еще до основания Академии наук. Ведь многих слов, обозначающих какие-либо понятия или научные параметры, в русском языке просто не существовало. Переводы сопровождалось созданием или заимствованием новой терминологии, вторжением слов в основном латинского, голландского, английского, немецкого, французского, польского и итальянского языков. Большие неудобства для гражданских переводчиков доставлял старославянский шрифт с множеством знаков титла, ударений, сокращений и сложных речевых оборотов. Абсолютно невозможно было понимать точные науки с применением используемых на Руси буквенных цифирь.

Введение Петром I гражданского шрифта и арабских цифр в русское письмо кардинально изменило ситуацию с переводами светской литературы, включая научную, и открывало путь для овладения населением Российского государства мировых шедевров литературы, достижений науки и техники. При создании Академии наук и художеств увеличилось число переводов научных книг. Одновременно возросла стилистическая неупорядоченность текстов. Важно, что построение научных фраз, поясняющих сложные научные проблемы, требовало

Илья Копиевич.
Руководение в грамматику
во славенороссийскую.
Данциг, 1706 г.
Из открытых источников

от переводчиков лаконичного изложения мыслей, что, при тяжело-весности старославянского письма, определяло необходимость серьезной корректировки литературных норм и правил. Именно поэтому уже второй по счету президент Академии наук Герман Карл фон Кейзерлинг, немец по рождению, поручил в 1733 г. первому этнически русскому адъютанту математики Василию Евдокимовичу Адодурову исправление российской грамматики* [Материалы..., 1886 а, с. 413]. В дальнейшем именно Адодуров издал немало полезнейших переводов с иностранных языков и в 1740 г. разработал одну из первых русских (а не церковнославянских) грамматик, составленных носителем языка для его носителей. В своей грамматике он описывал правила орфографии и пунктуации, употребление тех или иных букв, в ней также содержались некоторые замечания по поводу произношения, склонения, спряжения, синтаксиса. Трактат Адодурова был переведен на шведский язык Михаилом Грёнингом и издан в 1750 г. Однако работа Адодурова так и осталась неизданной в России и впоследствии была практически забыта, а перевод Грёнинга был малоизвестен. Более чем через 200 лет научное издание найденной рукописи было предпринято Борисом Успенским [1975].

Необходимость совершенствования качества научных переводов привела к учреждению 14 марта 1735 г. при Академии наук так называемого **Российского собрания**, объединившего академических переводчиков и литераторов: В.Е. Адодурова, В.К. Тредиаковского, И.И. Ильинского**, И.С. Горлецкого***, Г.Н. Теплова****

* Первая грамматическая работа В.Е. Адодурова «Anfangs-Grunde der russischen Sprache» («Первые основания русского языка») была составлена между 1729 и 1731 гг., когда Адодуров еще был студентом академического университета, и опубликована в Санкт-Петербурге в 1731 г.

** **Иван Иванович Ильинский** (?–1737) – российский писатель, переводчик при Академии наук с 1725 г. Воспитывался в Московской духовной академии. По окончании курса служил у князя Д.К. Кантемира (см. ниже). Был воспитателем и преподавателем словесности у его сына князя А.Д. Кантемира (1703–1747; известный русский поэт-сатирик) и одновременно выполнял работы переводчика для его отца.

*** **Иван Семенович Горлецкий** (1690–1779) – переводчик при Академии наук с 1724 г. В 1703–1717 гг. обучался в Славяно-греко-латинской академии, в 1717 г. по указу Петра I отправлен учиться в Амстердам, а затем в Париж. С 1725 по 1727 г. – учитель латинского языка в академической гимназии. Выступал против злоупотреблений И. Шумахера, в результате сам был уволен из Академии, приговорен к смертной казни, но позднее приговор был дважды смягчен, а в 1744 г. Горлецкий из-под караула был освобожден. С 1749 по 1776 г. числился сотрудником Библиотеки Академии наук, переводчиком при Библиотеке и Кунсткамере [Смирнова, 2013].

**** **Григорий Николаевич Теплов** (1717–1779) – русский философ-энциклопедист, писатель, поэт, переводчик, композитор, живописец и государственный деятель. Сенатор,

Василий
Евдокимович
Адодуров.
*Из открытых
источников*

Василий Кириллович
Тредиаковский.
Гравюра А.Я. Колпашникова.
Из открытых источников

Григорий Николаевич
Теплов. Неизвестный
художник.
*Государственный
Эрмитаж*

и др. М.И. Сухомлинов (1828–1901) в обширном трактате, посвященном истории Академии российской [Сухомлинов, 1874–1888], со ссылкой на слова Татищева и Тредиаковского, так обрисовал это событие: «Общество, учрежденное в 1735 году, называлось *Российским Собранием* или даже *Российскою Академиею*. Татищев (750) говорит “Академия Российская учреждена в 1735 году для исправления русского языка, сочинения грамматики и лексиконов, на том основании как во Франции, и она подчинена президенту академии наук”. Один из главных деятелей этой академии Тредьяковский свидетельствует, что цель ее учреждения – усовершенствование русского языка, издание переводов образцовых иностранных писателей древних и новых времен и составление грамматики, словаря, риторики и пиитики» [Сухомлинов, 1874, с. 5].

За короткий период членами Российского собрания было издано несколько грамматик, лексиконов и методических пособий [Берков, 1936; Живов, 2002; Пивоваров, 2018; и др.]. Показательно, что на первом заседании Российского собрания секретарь Академии наук Василий Кириллович Тредиаковский впервые представил сообщение «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», названный

действительный тайный советник. Действительный член Санкт-Петербургской академии наук (адъюнкт по ботанике с 1742 г., почетный член Академии с 1747), управляющий делами с 1746 по 1751 г. Разработчик регламентов (уставов) Академии наук, академического университета и целого ряда других учреждений. Член-учредитель и президент Императорского Вольного экономического общества.

им тоническим или силлабо-тоническим, в котором определенным образом чередовались ударные и безударные слоги. Этот способ, базирующийся на равном количестве слогов в строке, а не ударений, и схеме их расположения, по словам П.П. Пекарского, заменил *«неуклюжий силлабический размер»*.

В день первого заседания Российского собрания 14 марта 1735 г. последовал приказ главного командира Академии наук барона фон Корфа: *«Академии наук переводчикам сходиться в академию два раза в неделю, а именно: в среду и в субботу, поутру и после обеда, и иметь между собою конференцию, снося и прочитывая все, что что перевел, и иметь тишание в исправлении российского языка в случающихся переводах. Чего ради в оных конференциях присутствовать секретарю Тредияковскому, адъютнту Ададурову и ректору немецкого класса Швановичу; а о тех конференциях журнал содержать Тоуберту, и всегда в понедельник оный предлагать его превосходительству господину камергеру»* [Материалы..., 1886 а, док. 706 от 14 марта 1735 г. с. 633]. Как указывает Сухомлинов, Российское собрание *«существовало весьма недолго, и в 1743 году донесено сенату, что “российское собрание разрушилось” и члены его получили другое назначение... Оно (собрание. – Авт.) существовало три года, и место его после заступил переводческий департамент при академии, но и тот скоро разстроился, а возобновлен уже по указу Императрицы Екатерины II в 1790 году»* [Сухомлинов, 1874, с. 6].

Усовершенствование русского светского языка и отечественного стихосложения было вызвано не только необходимостью подготовки качественных переводов иностранных текстов или созданием официальных гражданских документов, но и обязанностью сочинительства членами Академии наук поэтических од, приуроченных к дням рождения и тезоименитства царственных особ. В первые годы работы Академии сочинение подобных произведений осуществлялось на немецком языке. Среди опубликованных Материалов для истории Императорской академии наук находим первое сочинение оды на русском языке, датированное 28 января 1733 г. Для оценки этого стихотворного текста, как примера по изначальной форме русскоязычного стихосложения начала XVIII в., приведем первые и заключительные 8 строчные строфы в русскоязычной части оды (вторая часть оды представлена двумя 8 строчными строфами, написанными на немецком языке, причем первые две строки этой строфы – на русском):

*«О колико! Колико! Нам день порадовал,
Которыя во вселенцу произвел ты славу.
Ныне удивлятися тому не довлеет,
Что ни каких радости не кладет пределов:
Самая бо нищета из храмов выходит
Позабывши о своих нуждах превеликих,
Сыта надеждою, зрится богата желаньми:
Ибо торжество твое всем дышит довольством...*

*...Ни кии ты закон, ниже устав обязует,
Свободна на престоле своем Ты седиша;
Однак не искусила никогда невинность,
Что сила твоя и власть коль то есть пристрашна.
Видим ты царствовать, такожде и жити
По премудрейшим зело и благим уставам,
Которы рука токмо великодушия,
То есть твоя едина преднаписать может...»*

[Материалы..., 1886 а, док. от 28 янв. 1733 г., с. 267].

Представленный вариант торжественной оды, подготовленный в Академии наук и посвященный 40-летию юбилею Анны Иоанновны (дата рождения императрицы – 28 января [7 февр.] 1693 г. – *Авт.*), выполнен силлабическим размером (здесь в каждой строке 13 ударных слогов) и изобилует старославянскими словами и фразами. Очевидна определенная искусственность и «неуклюжесть» текста, а его содержание направлено на формальное восславление деяний императрицы.

Через 3 года, в 1736 г., в очередной оде, вновь посвященной Анне Иоанновне в ее день рождения, также был использован силлабический способ стихосложения, хотя уже почти год работало Российское собрание, и в моду входил новый силлабо-тонический размер Третьяковского:

*«Торжественный день
рождения
всепресветлейшия державнейшия и непобедимыя
великия Государыни Императрицы
АННА ИОАНОВНЫ
самодержицы всероссийския
одою
всеподдаейшие прославляет
Академия наук.*

В Санктпетербурге генваря 28 дня, 1736 года.

ОДА.

*Так поистинне почти, всяких о достойна
Хвал Монархия от нас, на Тебе единой
Щастием все времена здесь зависят стройна,
Мнится воля что твоя токмо в том причиной.
Даровал Тя Промысел нам Божий не сомненно,
Благополучие все крепко утвержденно.
Вечну радость для Тебя, Он в нас всех уставил,
Которая вопиет всюду велегласно:
Сей есть ныне оный день, прославляя кр́асно,
Рождеством в который Тя перво свет поздравил...»*

[Материалы..., 1886 б, док. 26 от 28 янв. 1736, с. 23–24].

Справедливости ради здесь надо вспомнить творческую деятельность наиболее крупного русского поэта силлабической эпохи (до реформы Тредиаковского–Ломоносова), воспитанника академической гимназии Антиоха Дмитриевича Кантемира (1709–1744). Его отцом был господарь Молдавского княжества в 1711–1712 г. князь Дмитрий Константинович Кантемир (1673–1723), который оставался верным союзником Петра в период событий 1711 г., когда русская армия после славной победы под Полтавой оказалась окруженной более сильным неприятелем на берегах Прута. Петру пришлось заключить мир и возвратить Турции Азов, тем самым отрезав страну от выхода к Черному морю.

Князь Д.К. Кантемир был автором ряда исторических и философских работ, членом Берлинской академии наук с 1714 г., российским сенатором с 1721 г., одним из основателей Санкт-Петербургской академии наук. Особо отметим, что Дмитрий Кантемир рассматривался как кандидат на пост президента Академии наук, но 21 августа [1 сент.] 1723 г., незадолго до учреждения Академии, он умер в поместье Дмитровка (Киевская губерния).

Антиох Дмитриевич Кантемир получил превосходное домашнее образование, дополненное кратковременным пребыванием в Славяно-греко-латинской академии. Оставшись без отца, он на пятнадцатом году жизни поступил в гимназию Академии наук. В 1727 г. юный Кантемир публикует свою первую книгу о церковнославянском языке. Первая стихотворная сатира Антиоха «На хулящих учения. К уму своему» была написана в 20 лет в силлабической системе и посвящена

Князь Дмитрий
Константинович Кантемир.
Неизвестный художник, 1716.
Из открытых источников

Князь Антиох Дмитриевич
Кантемир. Портрет работы
Якопо Амигони, 1735 г.
Из открытых источников

тяжелейшему положению науки в период правления императора Петра II.

Строки из этой сатиры бывают вполне актуальны и в наше время:

«Гордость, леность, богатство – мудрость одолело,

Науку невежество местами уж посело.

Под митрой гордится то (невежество. – Авт.), в шитом платье ходит,

Судит за красным сукном, смело полки водит.

Наука ободрана, в лоскутах обшита,

Изо всех почти домов с ругательством сбита,

Знаться с нею не хотят, бегут ея дружбы,

Как страдавши на море корабельной службы.

Все кричат: «Никакой плод не видим с науки,

Ученых хоть голова полна – пусты руки».

1729 г. (<https://www.culture.ru/literature/poems/author-antiokh-kantemir>)

Сатира Кантемира получила высокую оценку Феофана Прокоповича. Ведь после смерти Петра I многие в России выступали против начатых императором преобразований. Фактически Кантемир стал родоначальником гоголевской формулы «смеха сквозь слезы», указав русской литературе направление, развитое затем Фонвизиним. Специалисты отмечают, что творчество А. Кантемира сыграло

значительную роль в развитии русского литературного языка и стихосложения в XVIII в. [Веселитский, 1974; Щеглов, 2004; и др.].

<...>

Наиболее известным и преданным поклонником русской словесности, несомненно, был Михайло Ломоносов. Еще в июле 1739 г., направляясь на учебу за границу, он взял с собой в багаж знаменитый трактат В.К. Тредиаковского о стихосложении. В августе того же года Ломоносов, вдохновленный победой русских войск над турками, написал оду «На взятие Хотина...», состоящую из 28 глав, в которой обрисовал реальную обстановку русской армии в войне с турками при Ставучанах, закончившуюся взятием важной османской крепости Хотина (близ границ Молдавии). Несмотря на то что это произведение стало первым опытом поэта в жанре победно-патриотической оды и силлабо-тонического стихосложения, оно во многом определило развитие не только творчества самого Ломоносова, но и всей русской поэзии. Приведем для предварительного знакомства первые два десятистишья столь значимой для отечественной культуры оды:

*«Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой*,
Где ветер в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключ** молчит,
Которой завсегда журчит
И с шумом в низ с холмов стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.*

*Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр*** музыку!
Пермесским жаром**** я горю,
Теку поспешно к оных лику.
Врачебной дали мне воды:*

* *Верьх горы высокой* – Парнас, куда ведет автора поэтический восторг. «Высокая гора» соотносится и с положением турецкого лагеря при Ставучанах.

** *Ключ* – Капальский ключ у подножия Парнаса. В переносном значении – родник поэтического вдохновения.

*** *Сестр* – сестер; здесь: муз.

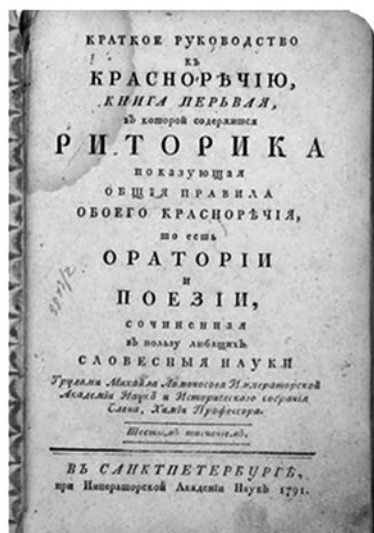
**** *Пермесский жар* – вдохновение; Пермес – река в Беотии, на берегах которой обитали музы.

*Испей и все забудь труды;
Умой росой Кастальской очи,
Чрез степь и горы взор простри
И дух свой к тем странам вперн,
Где всходит день по темной ночи...»*

[Ломоносов, 1959 а, 16, 18].

По мнению литературного критика **Виссариона Григорьевича Белинского** (1811–1848), появление первой оды Ломоносова «На взятие Хотина», знаменовало собой рождение отечественной словесности Нового времени. В статье «Литературные мечтания. Элегия в прозе», появившейся в 1834 г. в 10 номерах журнала «Молва», Белинский писал: «С Ломоносова начинается наша литература; он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим. Нужно ли говорить, что это был человек великий и ознаменованный печатаю гения? Все это истина несомненная. Нужно ли доказывать, что он дал направление, хотя и временное, нашему языку и нашей литературе? Это еще несомненное» [Белинский, 1900, с. 331].

Известно, однако, и мнение А.С. Пушкина о литературной деятельности Ломоносова в части написания торжественных од, высказанное им в очерке «Путешествие из Москвы в Петербург»: «Оды его

Работы М.В. Ломоносова над формированием и совершенствованием
русского литературного языка

Бюст М.В. Ломоносова
работы Ф.И. Шубина. 1792 г.
Михайловский замок

(Ломоносова. – Авт.)... утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности – вот следы, оставленные Ломоносовым» [Пушкин, 1993 г, с. 766]. Белинский назвал этот взгляд «удивительно верным, но односторонним». Согласно Белинскому, «Во времена Ломоносова нам не нужно было народной поэзии; тогда великий вопрос – быть или не быть – заключался для нас не в народности, а в европеизме...» [Белинский, 1914 а, с. 312].

Через 8 лет, в 1747 г., в год принятия первого регламента Академии наук, Ломоносов написал еще одну Оду, как перевод, посвященный древнеримскому поэту Горацию и, конечно, своей персоне. Приведем из нее первые два четверостишья:

*«Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.*

*Не вовсе я умру; но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом...»*

[Ломоносов, 1959 б, с. 184].

По размеру представленная ода – ямб (двусложная стихотворная стопа с ударением на втором слоге, т. е. в строке ударными являются второй, четвертый, шестой и т. д. слоги). В этом произведении Ломоносов довольно часто употребляет сильные образные определения, например, «бурный аквилон» (*аквилон* – древнеримское название северо-восточного, иногда северного ветра, олицетворяющего силу природы) или «едка древность», т. е. «древность», съедающая все на свете. Кроме того, мы наблюдаем и ироничное отношение автора

к происходящему: *«Пока великий Рим владеет светом»*, имея в виду, что Рим уже давно светом не владеет, а о Горации помнят до сих пор...

Заметим, что А.С. Пушкин в своем творчестве также использовал образ *«древнеримского аквилона»*:

*«Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник болотный долу клонишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь...»*

(Стихотворение «Аквилон», 1824 г.) [Пушкин, 1950, с. 214].

Кроме того, Александр Сергеевич, вслед за Ломоносовым, а затем и Гавриилом Державиным, решил и для себя самого «святить» сходный «знак бессмертия». Надеюсь, что читатель помнит эти строки: *«Я памятник себе воздвиг нерукотворный, К нему не зарастет народная тропа...»*. Таким образом, Александр Сергеевич хотя и высказывался об одах Ломоносова, как об *«утомительных и надутых»*, но в то же время иногда заимствовал из них идеи ученого и, отдавая должное гению Ломоносова, в том же произведении «Путешествие из Москвы в Петербург» утверждал: *«Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом»* [Пушкин, 1993 г, с. 766].

Что касается Гавриила Романовича Державина (1743–1816), то он в 1795 г. в стихотворении «Памятник» переложил Горация так:

*«Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.*

*Так! – весь я не умру, но часть меня большая,
От трена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая
Доколь славянов род вселенна будет чтить*

*Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из неизвестности я тем известен стал...»*

[Державин, 1911, с. 79–80].

В 1755 г. Ломоносов завершил работу над «Российской грамматикой»*. Открывая свое творение обращением к будущему императору Павлу I, Ломоносов славит русский язык, который вскоре, говоря словам Ивана Тургенева, действительно станет «великим, могучим, правдивым и свободным...». Вот эти слова Ломоносова:

«Повелитель многих языков язык Российский не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невежественно сие покажется иностранным, и некоторым природным Россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему трудов прилагали. Но кто неупрежденный великими о других мнениями прострет в него разум, и с прилежанием вникнет; со мною согласится. Карл пятый, Римский Император говаривал, что Ишпанским языком с богом, Немецким с неприятельми, Итальянским с женским полом говорить прилично. Но если бы он Российскому языку был искусен, то конечно к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепие Ишпанскаго, живость

Российская грамматика М.В. Ломоносова. СПб., 1755.

Из открытых источников

* Рукопись «Грамматики» была 20 сентября [1 окт.] 1755 г. торжественно поднесена Ломоносовым младенцу великому князю Павлу Петровичу (1754–1801), будущему императору Павлу I, в первую годовщину его рождения. Тем не менее, сама «Грамматика» вышла в свет в январе 1757 г., хотя на обложке был проставлен год ее презентации наследнику – 1755-й.

пресвѣтлѣйшему государю
ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ

ГЕРЦОГУ ГОЛШТЕИНЪ-
Шлезвигскому, Спормарн-
скому и Динмарсенскому,
Графу Оденбургскому и
Делменгорстскому
и прочія.

МИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ.

ПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ,

МИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

П Ояснитель многихъ языковъ языкъ
россійскій не токмо обширностію
мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ но
купно и собственнымъ своимъ про-
странствомъ
А 3

6

странствомъ и довольствіемъ великъ
передъ всѣми въ Европѣ. Непрѣлотно
се показается иностраннымъ, и нѣко-
торымъ природнымъ россиянамъ, ко-
торые больше къ чужимъ языкамъ,
нежели къ своему трудовъ прилагали.
Но кто неупрежденный величїемъ о
другихъ мѣстѣхъ прострѣтъ въ него
разумъ, и съ приближеніемъ выжметъ;
со мною согласишься. Карлъ пятый
римскій Императоръ говорилъ, что
Испанскіи языкомъ съ богомъ, Фран-
цусскимъ съ друзьями, Нѣмецкимъ съ
неприятелями, Итальянскимъ съ жен-
скимъ поломъ говорить прилично. Но
свѣтъ бы онъ россійскому языку былъ
искренъ; то конечно къ тому при-
своуишь бы, что изъ со всѣхъ язы-
ковъ говорить пристойно. Ибо навѣлъ
бы въ немъ великолѣпіе Испанскаго,
живость Французскаго, крѣпость Нѣмец-
каго, нѣжность Итальянскаго, сверхъ
того богатство и силу въ изобра-
женіяхъ краткость Греческаго и Ла-
тинскаго

7

тинскаго языка. Обстоятельное всего
сего доказательство требуетъ другаго
мѣста и случая. Меня долговременное
въ россійскомъ словѣ упражненіе о
томъ совершенно уверяетъ. Сильное
краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная
Виргиліева важность, Овидіева прият-
ное витійство не теряютъ своего до-
стоинства на россійскомъ языкѣ. Тон-
чайшая Философскія воображенія и рас-
сужденія, многообразныя естествен-
ныя свойства и перемѣны, бывающія
въ семъ видимомъ строеніи міра, и
въ человѣческихъ обращеніяхъ имѣю-
тъ у насъ пристойныя и вещь выражаю-
щія рѣчи. И ежели чего точно изобре-
зить не можемъ; не языку нашему,
но недовольному своему въ немъ ис-
кусству приписывать долженствуемъ.
Кто отъсю далѣ въ немъ углублется,
употребляя предводителемъ общее
Философское понятіе о челоѣческихъ
словѣхъ, почтъ увидитъ безчѣрно широкое
поле, или лучше, оказать сѣмъ предѣламъ
вмѣщающее
А 4

Первые страницы «Грамматики» М.В. Ломоносова с посвящением великому князю Павлу Петровичу [Ломоносов, 1755, титульный лист, с. 5–7]

Французскаго, крепость Немецкаго, нежность Итальянскаго, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость Греческаго и Латинскаго языка. Обстоятельное всего сего доказательство требует другаго места и случая. Меня долговременное в российском слове упражнение о том совершенно уверяет. Сильное красноречие Цицероново, великолепная Виргиліева важность, Овидіево приятное витійство, не теряют своего достоинства на Российском языке...»
[Ломоносов, 1755, с. 5–7].

В целом «Грамматика» Ломоносова состоит из шести «наставлений» и 591 параграфа. В этом учебном пособии ученому удалось впервые достаточно полно описать русский язык того времени и установить первые нормы литературного языка. Здесь же автор впервые предложил различать «гражданский» русский язык и язык церковно-славянский. По мнению Ломоносова, в русском литературном языке из церковно-славянского должно быть сохранено только то, что живет в обиходе и понятно на бытовом уровне. Из книжного словарного запаса может быть полезным то, что помогает толкованию абстрактных понятий, основной же частью русского литературного языка, по мнению ученого, должна быть письменная и устная речь народа.

Ломоносовская «Грамматика» стала первой научной (в полном смысле этого слова) книгой о русском, а не старославянском языке, в которой ее автору удалось заложить прочные основы для будущего преобразования и развития русского литературного языка, основы отечественной филологии. Тем не менее был и неоднозначный отзыв на филологические труды Ломоносова от литератора Александра Сумарокова*, обиженного на своего коллегу «за удержания жалования»: «...А что он (Ломоносов. – Авт.) не в полном разуме, в том я свидетельствуюсь сочиненную им Риторикою и Грамматикою» [цит. из: Вяземский, 1984, с. 115]. По словам П.А. Вяземского**, считавшего, между прочим, Сумарокова «очень умным и талантливым писателем», эта фраза отличается «язвительною колкостью и комизмом» [там же, с. 177].

Грамматика Ломоносова оказалась настолько удачной, что очень быстро вошла в жизнь и выдержала несколько изданий. Буквально следом, в 1769 г., Николаем Владимировичем Кургановым (1725 или 1726–1790 или 1796; выходец из мелкой разночинной среды, выпускник Школы математицких и навигацких наук в Москве и Петербургской морской академии, профессор с 1774 г.) была издана «Российская универсальная грамматика», или «Письмовник»,

* Александр Петрович Сумароков (1717–1777) – русский поэт, драматург, литературный критик; считается первым профессиональным русским литератором, в 1756–1761 гг. был директором первого профессионального драматического театра в России.

** Князь Петр Андреевич Вяземский (1792–1878) – русский поэт, литературный критик, историк, переводчик, публицист, мемуарист и государственный деятель. Друг и постоянный корреспондент А.С. Пушкина, академик Академии российской с 1839 г., ординарный академик Императорской академии наук с 1841 г., сооснователь и первый председатель Русского исторического общества (1866–1878).

представляющая собой популярное изложение русской грамматики Ломоносова. Популярности «Письмовника» способствовали приложения с разными учебными и назидательными текстами, баснями и т. п. [Курганов, 1793; Рак, 1986]. В результате «Грамматика» Курганова переиздавалась 11 раз (1769–1837 гг.). Кроме того, в 1771 г. русским ученым-лингвистом Антоном Алексеевичем Барсовым (1730–1791) была составлена книга «Краткие правила российской грамматики». Главный лингвистический труд Барсова «Обстоятельная российская грамматика» (создавалась в 1783–1788 гг.) из всех работ последней четверти XVIII в. являлась наиболее полным описанием русского языка и, вместе с тем, уникальным произведением русской лингвистической мысли. Однако она, как и грамматика Адогурова, по каким-то причинам также осталась в рукописи и была опубликована лишь в 1981 г.

Ломоносов много сил уделял пропаганде языка, распространению знаний, просвещению народа. Не случайно в год создания «Российской грамматики» ученым при Императорской Академии наук был учрежден первый в России научно-популярный журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащая»*. 1755 г. также

* Следом, в 1759 г., в Санкт-Петербурге стали издаваться первые в России литературные журналы «Праздное время, в пользу употребленное» и «Трудолюбивая пчела» Сумарокова. С 1760 г. литературные журналы стали издаваться и в Москве: «Полезное увеселение» (журнал Московского университета), «Невинное упражнение», «Свободные часы» и «Доброе намерение». При Екатерине II в Санкт-Петербурге появились несколько первых сатирических журналов, в т. ч. «Всякая всячина» Козицкого [Григорий Васильевич Козицкий (1724–1775), литератор, академик Санкт-Петербургской академии наук с 1767 г.], хотя истинным его руководителем, по мнению Пекарского, была сама императрица [Пекарский, 1870]. К 1775 г. в Империи уже выходило 16 литературных журналов. Большой вклад в развитие пропаганды русской литературной культуры внес просветитель, журналист и издатель **Николай Иванович Новиков** (1744–1818). В разные годы он издавал сатирические журналы «Трутень» (1769–1770), «Пустомеля» (1770), «Живописец» (1772–1773), «Кошелек» (1770), а также первый русский журнал с критико-библиографическим содержанием «Санкт-Петербургские ученые ведомости» (1777), первый в России философский журнал «Утренний свет» (1777–1780) и др. Он был организатором издания многотомной Древней российской вивлиофики (устар. – библиотека), включающей редкие памятники из истории Древней Руси. В 1788–1789 гг. были изданы 12 томов книги «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» Голикова [Иван Иванович Голиков (1735–1801), историк, предприниматель и надворный советник; его работа над «Деяниями Петра Великого...» проходила при участии Г.Ф. Миллера, Е.Р. Дашковой, И.И. Шувалова и других членов Санкт-Петербургской академии наук], в 1790–1797 гг. издано 18 томов дополнений. Под началом Новикова была развернута книжная торговля во многих городах России, в Москве открыта библиотека-читальня. В целом к началу 1790-х гг. Новиков издал свыше 900 наименований книг, что составляло около ¼ печатной продукции России того времени. В 1796 г. указом императора

Обложка первого российского научно-популярного журнала, выпускаемого Академией наук по инициативе М.В. Ломоносова

ознаменовался открытием по инициативе Ломоносова и Шувалова Императорского Московского университета (см. раздел 1.4).

Интересно познакомиться с текстом обширного Указа императрицы Елизаветы Петровны об учреждении в Москве университета, состоящего из 1006 слов (без заголовка) и всего из 4 предложений, где основные мысли отделены знаком «;». Для понимания стиля официального документа императрицы приведем лишь первое предложение:

«Когда бессмертные славы в Бозе почивающий, любезнейший наш родитель и государь Петр Первый, император великий и обновитель отечества своего, погруженную во глубине невежеств и ослабевшую в силах Россию к познанию истинного благополучия роду человеческого приводил, какие и коликие во все

время дражайшей своей жизни монаршеские в том труды полагал, не только Россия чувствует, но и большая часть света тому свидетель; и хотя во время жизни толь высокославного монарха, отца нашего и государя, всеполезнейшие его предприятия к совершенству и не достигли, но мы всевышнего благоволением, со вступления нашего на всероссийский престол, всечасное имеем попечение и труд, как о исполнении всех его славных предприятий, так и о произведении всего, что только к пользе и благополучию всего отечества служить может, чем уже действительно по многим материям все верноподанные матерными нашими милосердиями ныне пользуются, и впредь потомки пользоваться станут, что времена и действия повседневно доказывают».

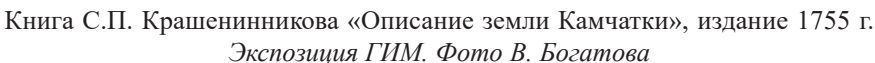
В год учреждения Московского университета, вышла в свет оригинальная по содержанию монография академика Степана Петровича

Павла I все типографии, кроме казенных, были упразднены, что оказалось крайне неудобным для литературной деятельности. Лишь с воцарением Александра I высокая литература вновь вернулась в жизнь российского общества.

и прочая, и прочая, и прочая.

[illegible]

Фото В. Богатова

Крашенинникова «Описание земли Камчатки», опубликованная уже после смерти автора. Это произведение представляет собой не только первый фундаментальный научный труд по географии Камчатского полуострова, но и выдающийся памятник литературного творчества ученого. Содержащийся в книге чрезвычайно интересный в познавательном отношении материал был написан необычно образным литературным, разговорным в своей основе, языком. И неспроста именно это произведение положило начало созданию нового художественно-литературного жанра научных путешествий по России.

Познакомиться с самобытным языком Крашенинникова можно на примере начального абзаца второй части книги «Описание Камчатки», относящейся к параграфу «О выгоде и о недостатках Камчатки»: *«О состоянии Камчатки трудно вообще сказать, недостатки ли ея больше, или важнее преимущества. Что она бесплодное место и нескотное, что великим опасностям от частых земли трясений и наводнений подвержено, что большая часть времени проходит там в беспокойных погодах, и что на последок одно почти там увеселение смотреть на превысокия и нетающим снегом покрытыя горы, или живучи при море слушать шуму морского волнения, и глядя на разных морских животных примечать нравы их и взаимную вражду и дружбу; то кажется, что оная страна больше к обитанию зверей, нежели людей способна. Но ежели напротив того взять в разсуждение, что там здоровый воздух и воды, что нет беспокойства от летняго жару и зимняго холоду, нет никаких опасных болезней, как например моровой язвы, горячки, лихорадки, восты и им подобных; нет*

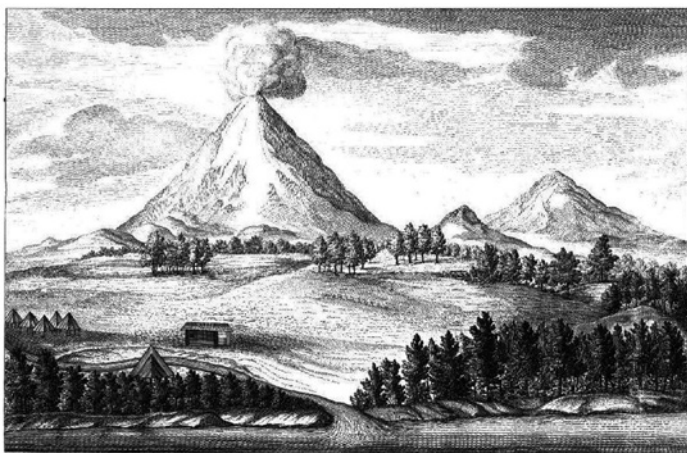

Рисунок из книги «Описание земли Камчатки». Фото из: wikipedia.org

Портрет Дениса Ивановича Фонвизина. Неизвестный художник с оригинала А.-Ш. Караффа. Начало XIX в. Пушкинский дом (Институт русской литературы РАН)

Портрет Гавриила Романовича Державина. Вл. Боровиковский, 1811 г. Всероссийский музей А.С. Пушкина, Санкт-Петербург

страху от грома и молнии, и нет опасности от ядовитых животных, то должно признаться, что она к житию человеческому не меньше удобна, как и страны всем изобильные, которые по большей части объявленным болезням или опасностям подвержены, особливо же, что некоторые недостатки ее со временем награждены быть могут...» [Крашенинников, 1755, с. 149–150]. Согласитесь, что, читая эти непривычно длинноватые, но насыщенные красочными деталями фразы, мы воспринимаем не только уникальную природу Камчатки, но и своеобразие языка Крашенинникова, который не похож даже на язык Ломоносова, но еще несомненно далек от литературного языка конца XVIII в. «Описание земли Камчатки» неизменно пользовалось популярностью у широких кругов читателей. Отметим, что наряду с произведениями М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, Г.Н. Теплова, а также выдающихся литераторов послеломоносовского времени, таких как Денис Фонвизин* и Гавриил Державин, книга Крашенинникова послужила одним из важных источников для составления первого академического словаря русского языка – «Словаря

* Денис Иванович Фонвизин (1745–1792) – русский писатель, переводчик и публицист, один из наиболее значимых драматургов екатерининской эпохи. Вершиной творчества Фонвизина стала комедия «Недоросль», написанная им в 1781 г.

Академии Российской», для создания которого Екатериной II была учреждена специальная словестная Императорская академия российской (см. ниже).

<...>

С восхождением в 1762 г. на престол Екатерины II литературная деятельность в стране активизировалась. Ведь императрица была известна своими писательскими талантами, участвовала в издании сатирического журнала «Всякая всячина» и в итоге оставила после себя собственные сочинения в виде пьес, комедий, переводов, мемуаров, сказок, басен, многочисленных писем и пр.* Как отмечал академик Я.К. Грот в своей речи на собрании Императорской академии наук 29 декабря 1878 г., посвященной «заботам Екатерины II о народном образовании по ее письмам к Гримму»: *«Одну из сторон, и не из маловажных сторон ея кипучей деятельности составляло, как известно, авторство. В тот век литература не была одною роскошью в жизни правителей и государственных людей. Наиболее способным и честлюбивым из них не довольно было пожинать лавры на политическом поприще: они смело вступали в соперничество с замечательнейшими представителями умственного движения своей эпохи. И едва ли не первое место между этими венценосными писателями, по таланту, занимала та гениальная женщина, которая, не получив почти никакого воспитания, не имея, так сказать, родного языка, 15-ти лет от роду переселилась в Россию и здесь, посреди шума и тревог двора Елисаветы Петровны, 18-ть лучших лет жизни провела в самовоспитании, в наблюдении людских страстей и дел, в изучении произведений первых умов XVIII-го столетия...<...>...Тяжкие заботы и многосложные занятия правительницы необъятной империи не мешали ей постоянно посвящать значительную долю своего времени литературным трудам. Сами письма ея к разным европейским знаменитостям, и особенно письма ея к Гримму, независимо от их разнообразного значения, прежде всего замечательны как литературное произведение...<...>...Все это – страницы, которыми могли бы гордиться всякая литература,*

* Впервые избранные произведения императрицы были опубликованы в трех томах лишь в 1849–1850 гг. издательством Александра Филипповича Смирдина в типографии Императорской академии наук [Екатерина II, 1849–1850]. В дальнейшем интерес к творчеству венценосной писательницы стал возрастать, а ее произведения продолжают выходить в свет массовыми тиражами и в наше время [1893, 1907, 1990, 2024, и мн. др., в т. ч. http://az.lib.ru/e/ekaterina_w/].

которая везде были бы признаваемы образцами ума и авторского таланта; и это не было плодом усилия или старанья: эти страницы как-бы сами собою неудержимо срывались со счастливого пера царственной корреспондентки» [Грот, 1879, с. 3–6].

Литературное наследие Екатерины II представляет для нас особый интерес, поскольку формирование ее писательского таланта проходило в условиях реформирования русского языка. Сразу после прибытия в 1744 г. в Россию Екатерина стала изучать русский язык, историю, православие, русские традиции, так как стремилась наиболее полно ознакомиться с Россией. Среди ее учителей обычно выделяют известного проповедника Симона Тодорского (1700–1754; воспитатель, духовник и учитель православия) и автора первой русской грамматики адъюнкта Санкт-Петербургской академии наук Василия Адодурова (учитель русского языка). Поэтому неудивительно, что, вступив на престол, Екатерина II стала поддерживать издание литературных журналов и проявлять повышенную заинтересованность к историческим исследованиям, материалы которых она впоследствии использовала в некоторых своих произведениях.

Еще на начальном этапе своего писательского творчества императрица увлекалась комедиями, которые публиковала под псевдонимом

в журнале «Всякая всячина». Большинство ее персонажей наделены живыми, вполне реальными чертами и легко узнаваемы, а сами комедии пользовались популярностью наряду с комедиями других профессиональных авторов, таких как Александр Сумароков или Денис Фонвизин [Костина, 1993]. В дальнейшем творческие интересы императрицы стали разнообразней, как и приемы подачи материала. Например, в одну из своих исторических музыкальных пьес 1786 г. Екатерина II включила русские народные и обрядовые песни, причитания и даже несколько десятистиший из торжественной оды Ломоносова в исполнении хоров с указанием его авторства (речь идет об «Оде Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне» Михаила Ломоносова 1761 г., посвященной 20-летию ее восшествия на Всероссийский престол) [Екатерина II, 1849 б]. Это ли не признание поэтических заслуг русского ученого...

Для пробного знакомства с творчеством Екатерины II, в том числе с особенностями ее литературной речи, предлагаю рассмотреть небольшой отрывок из пьесы «Историческое представление из жизни Рюрика», вышедшей в свет в 1786 г. [Екатерина II, 1849 а]. В основе сюжета – события IX в., когда новгородский князь Гостомysl принял решение передать право на княжение своему внуку князю варяжскому Рюрику с братьями Синеусом и Трувором* так как между старейшинами земель от Славян, Руси, Чуди, Веси, Мери и Кривич в то время имелось «несогласие», способное разорить Великий Новгород. После смерти Гостомысла старейшины выполнили его завещание, лишь князь Вадим** выразил свое несогласие и был заключен под стражу. И неудивительно, что наиболее патетичная часть спектакля помещена в его финале, когда к прибывшему в столповую палату Ладожского замка Рюрику приводят на суд князя Вадима. Сосредоточим внимание на диалоге между Рюриком и Вадимом:

*«Рюрик. Тебе воеводе Рагуилу*** я обязан за укрощение беспокойств. Князь Вадим, яб желал видеть тебя в первые инако, нежели ты ныне оказался предо мною.*

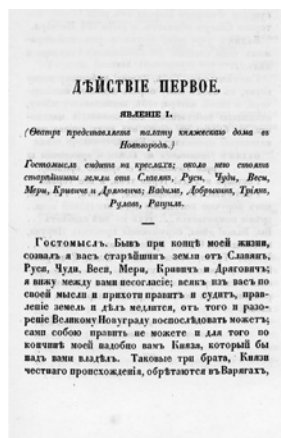
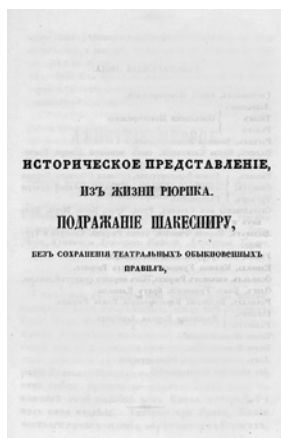
Вадим. Не ожидай от меня оправдания или извинения...

...Рюрик. Бодрость духа твоего, Князь Вадим, не унывает; она написана в речах, в чертах твоих...

* Рюрик, Синеус, Трувор – князья Варягорусские, сыновья финского короля Людбрата и супруги его Умилы, средней дочери Гостомысла.

** Вадим – князь Славянский, сын меньшей дочери Гостомысла.

*** Рагуил – воевода Новгородский.

Титульный лист сочинений Екатерины II и первые страницы пьесы
«Историческое представление из жизни Рюрика» [Екатерина II, 1849 а]

Вадим. Дух всякого человека наполнен чувствами, сходными с истиною или же предубеждениями.

Рюрик. Неоспорима по крайней мере есть истина на сей час, та, что ты теперь во власти моей, что я могу тебя судить, аки местного князя и как подданного...

Едвинда* (тихим и скромным голосом.) Либо простить аки брата.

Рюрик (ко всем.) Но пусть Рюрик в сей день окажется, каков есть: он видя виновных пред собою, с горячею ревностію возмется всегда за изследование общему добру причиненнаго ущерба или обиды; но кой час вина уже известна, виновной изоблечен, и надлежит вынуд меч приступить ко мщению, (вынимает меч из ножен) тогда меч тот, который не выпал никогда из моей десницы, благодаря богов, противу общих неприятелей, (уронит меч) падает из дрожащих рук моих, и в виновном вижу я лишь человека. Теперь судите сами, отдам ли я на осуждение брата моего двоюроднаго, Князя Вадима. Бодрость духа его, предприимчивость, неустрашимость и прочія из того истекающія качества могут быть полезны государству вперед. Он с тобою, Князь Оскольд, пусть поедет; Славяне же пошли к Киеву, он там их соберет и будет тебе верно помощником. Освободите его из под стражи и пошлите о сем сказать в Новгород, куда я сам сей час поеду.

* Едвинда – княжна Урманская, супруга Рюрика.

Вадим (становясь на колени.) О Государь! ты к победам рожден, ты милосердием врагов всех победиши, ты дерзость тем же обуздаешь... Я верный твой подданный вечно.

Рюрик. Поедем теперь в Новгород, и потом объеду я западные свои границы» [там же, с. 336–338].

Что касается языка пьесы, то очевидна его доступность, передаваемая короткими фразами, характерными для разговорного русского языка. В то же время стиль диалога не лишен определенной стройности, подчеркивает чисто российские реалии на фоне создания образа благородного властителя Рюрика.

В данной пьесе нет надобности искать строгого соответствия летописным хроникам. Ведь это не историческое исследование, а литературное произведение, в котором Екатерина II применила с определенными политическими целями новый прием «смешанного вымысла», отличный от ортодоксального, когда автор отображает не только достоверные, но и вымышленные обстоятельства [Моисеева, 1974]. Позже такой подход в литературе признает и академик Императорской академии наук, первый председатель Русского исторического общества, писатель и поэт князь П.А. Вяземский, но при условии корректного отношения литераторов к историческим событиям и, что особенно важно, недопущения ими «окарикатуривания» истории [Вяземский, 1869].

Екатерина II, безусловно, была в курсе летописных повествований. Ее осознанная корректировка хода истории, когда, например, князь Оскольд именно Рюриком был направлен в Киев, а не был убит новгородским князем Олегом, считавшим Оскольда незаконным «владельцем» Киева, позволяет нам осмыслить иной сценарий по объединению славянских земель, при котором русские князья проявляли бы больше великодушия к своим недругам и особенно друг к другу...

Екатерине, несомненно, удалось в своих исторических сочинениях соблюсти и корректность, и уважение к российской истории. Тем не менее, не обсуждая подлинность описанных в пьесе сюжетных поворотов, отметим, что сказание о Рюрике для ее автора, по-видимому, имело больше программно-политическое, чем историческое значение. Доведение до подданных своих монарших взглядов через литературное произведение представляет собой удобную форму их подачи. Особая роль в пьесе отведена заключительной речи Рюрика, в уста которого императрица вложила собственное видение организации российских княжеств, а через финальные слова князя Вадима,

обращенные к Рюрику, определила предназначение просвещенного самодержавия...

Императрица в период своего царствования неукоснительно соблюдала заявленные в пьесе принципы власти – карать виновных, если их вина доказана, и миловать, если «...из того истекающая качества могут быть полезны государству впредь». В качестве примера можно привести размолвку Екатерины II после своего воцарения с княгиней Е.Р. Дашковой, которая через некоторое время ко двору была возвращена и с учетом ее выдающихся интеллектуальных способностей была назначена на ответственный государственный пост директора Санкт-Петербургской академии наук и художеств.

Тем не менее все то, что, по мнению императрицы, могло быть направлено во вред империи, подлежало искоренению. В частности, в своих письмах к Гримму императрица, например, называла франко-швейцарского философа и писателя Жан Жака Руссо опаснейшим проповедником анархии. Особое неприятие у Екатерины вызвала его книга «Эмиль», где писатель в своем питомце *«хотел воспитать естественного человека, сына природы, независимо от страны, звания и других внешних условий, в которых он родился, вне признания всяких авторитетов, даже по возможности вне общества и религии...»* [Грот, 1879, с. 13]. В этом отношении «досталось» и Академии наук. В собственноручной записке Екатерины II, подписанной ею еще в начале царствования, значилось: *«Слышно, что в Академии Наук продают такие книги, которые против закона, доброго нрава, нас самих и российской нации, которые во всем свете запрещены, как напр., “Эмиль” Руссо. Далее выражено предположение, что у частных книготорговцев водится еще более таких книг: “И тако надлежит приказать наикрепчайшим образом академии наук иметь смотрение, дабы ея книжной лавке такие непорядки не происходили” и т. п. (Сб. И. О. VII, 318)»* [там же, с. 13–14].

Среди наиболее «громких» противоправных, с точки зрения Екатерины II, литературных произведений, оказалась книга «Путешествие из Петербурга в Москву» Н.И. Радищева (1749–1802; русский прозаик, поэт, философ), которую он издал анонимно в июне 1790 г. За недопустимо смелые рассуждения литератора об изъянах крепостного права и других негативных явлениях тогдашней общественной и государственной жизни Радищев был арестован. Уголовная палата применила к Радищеву статьи Уложения о *«покушении на государево здоровье»*, о *«заговорах и измене»* и приговорила его к смертной казни. Однако императрица все-таки заменила казнь десятилетней ссылкой в Сибирь,

в Илимский острог (Иркутская губерния). Император Павел I вскоре после своего воцарения (1796) вернул Радищева из Сибири, однако писателю было предписано жить в собственном имении Калужской губернии (сельцо Немцово). После воцарения Александра I Радищев получил полную свободу. Он был вызван в Петербург и назначен членом Комиссии для составления законов. Вместе со своим другом и покровителем А.Р. Воронцовым* Радищев работал над конституционным проектом, озаглавленным «Всемилостивейшая жалованная грамота».

<...>

Осенью 1783 г. в культурной жизни страны произошло неординарное событие: Екатерина II, немка по рождению, и княгиня Екатерина Дашкова, этнически русская, но воспитанная по-европейски, т. е. без обучения русскому языку, решили организовать специализированную Академию российскую для реформы русского языка. По свидетельству Е.Р. Дашковой идея о создании Академии российской родилась спонтанно, хотя уже давно «витала в воздухе». По этому поводу княгиня писала:

«Однажды я гуляла с императрицей по Царско-сельскому саду; речь зашла о красоте и богатстве Русского языка; я выразила мое удивление, почему государыня, способная оценить его достоинство и сама писатель, никогда не подумала основать Русскую академию.

Я заметила, что только нужны правила и хороший словарь, чтоб поставить наш язык в независимое отношение от иностранных слов и выражений, не имеющих ни энергии, ни силы, свойственных нашему слову.

“Я удивляюсь сама, сказала Екатерина, почему эта мысль до сих пор не приведена в исполнение; подобное учреждение для усовершенствования Русского языка, часто занимало меня, и я уже отдала приказание относительно его”.

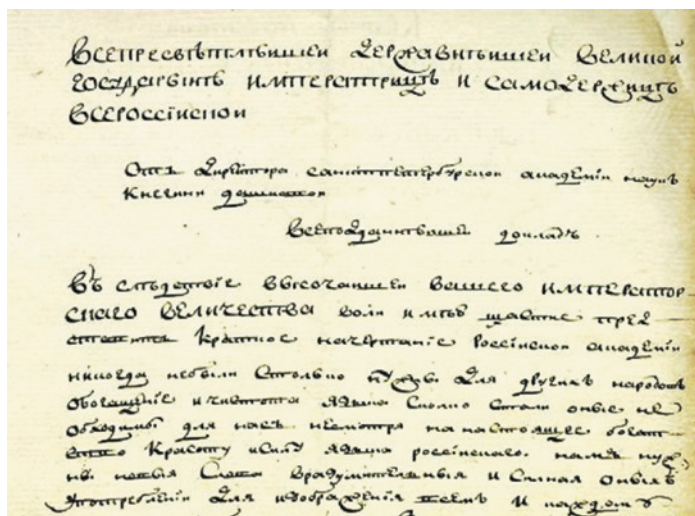
“Это подлинно удивительно, продолжала я; ничего не может быть легче, как осуществлять этот план. Образцев для него очень много, и вам остается только избрать из них самый лучший”.

* Александр Романович Воронцов (1741–1805) – русский государственный деятель и дипломат из рода Воронцовых, сенатор (1779), канцлер Российской империи (1802–1805). Сын генерал-аншефа графа Р.И. Воронцова; брат княгини Е.Р. Дашковой (графини Е.Р. Воронцовой). После смерти Н.И. Радищева по просьбе А.Р. Воронцова из канцелярии императора было выдано 4 тыс. рублей за уплату долгов писателя. Благодаря Воронцову были сохранены для потомства почти все рукописи Радищева.

“Пожалуйста, представьте мне, княгиня, прибавила императрица, очерк какого нибудь...”

...По возвращении домой вечером, я стала разсуждать, как бы лучше исполнить это поручение и прежде нежели пошла спать, начертала некоторый план, желая передать в нем идею будущего заведения; я послала этот проэкт императрице, думая тем удовлетворить ее желанию и отнюдь не считая его достойным принятия и практического применения. К крайнему моему удивлению, Екатерина, лично возвратив мне этот наскоро набросанный план, утвердила его собственной подписью, как вполне официальный документ и вместе с ним издала указ, определивший меня президентом академии в зародыше. Копия с этого указа была немедленно сообщена сенату» [Дашкова, 1859, с. 209–210].

Академия российская была учреждена 30 сентября [11 окт.] 1783 г. и ее председателем стала княгиня Е.Р. Дашкова, которая уже в это время возглавляла Санкт-Петербургскую академию наук и художеств. М.И. Сухомлинов в предисловии к своему фундаментальному труду, посвященному истории Академии российской отмечал: «Деятельность Российской Академии, учрежденной для разработки русского языка и словесности, имеет бесспорное значение в истории

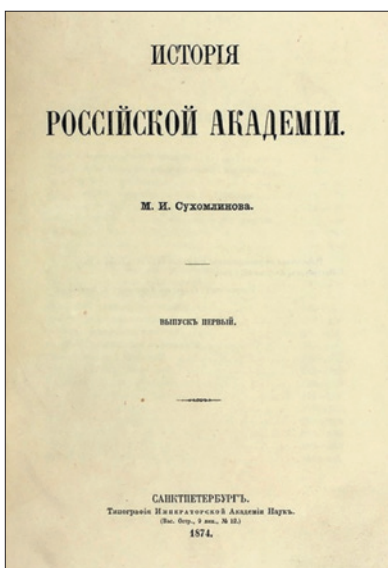
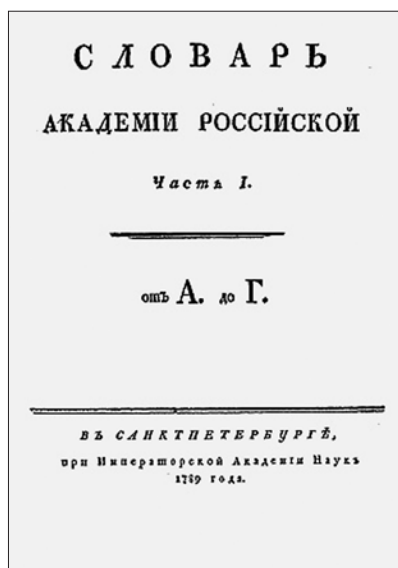
Фрагмент доклада Е.Р. Дашковой императрице об учреждении Российской академии (Академии российской). Август 1783 г. Копия. Рукой писаря. СПФ АРАН. Ф. 8. Оп. 3-1783. Д. 1. Л. 1. Из: <https://www.ras.ru/rusacademy/about.aspx>

русской литературы. Учреждение российской академии было ответом на литературные требования тогдашней эпохи; оно явилось осуществлением мысли, издавна занимавшей наших писателей, и вызвало к себе живое сочувствие образованного общества. В этом заключалась сила нового учреждения и залог прочности его существования. В состав академии вошли все литературные знаменитости конца восемнадцатого столетия: в списке членов ее находятся имена первостепенных наших ученых и писателей. И они были членами не только по имени: с первых же пор закипела работа, умно и счастливо выбраны рабочия силы, и обществу не долго пришлось ждать плодов дружной работы учено-литературного братства...» [Сухомлинов, 1874, с. 1]. Далее Сухомлинов указывал, что «В академических собраниях неоднократно возбуждаемы были различные вопросы, касающиеся запутанной части русской грамматики, именно правописания. Чтобы выработать определенные начала, которым бы можно и должно было неуклонно следовать, Дашкова предложила взять за основание правила правописания, находящиеся в грамматике Ломоносова, и правила, изданные отдельною книжкою переводчиком Световым*, распространить их на все случаи, составить точныя правила и проверить и утвердить их в академических собраниях» [там же, с. 42].

Устав Академии российской, или «Краткое начертание», был разработан самой Дашковой. В частности, в нем записано: «Главный предмет Российской Академии состоять должен в обогащении и очищении языка российского и в распространении словесных наук в государстве» [Храпков, 2018, с. 139 со ссылкой на Российский государственный архив древних актов. Ф. 17. Оп. 1. Д. 37. Л. 2 об.]. Сама Дашкова явно была увлечена работой: «Управление двумя академиями совершенно лишило меня досугов. Мое участие в составлении диксионера состояло в наборе всех слов, начинающихся первыми тремя буквами нашей азбуки. Каждую субботу мы собирались вместе для отыскания корней тех слов, которые были уже подготовлены некоторыми членами. Таким образом, все мое время, с обыкновенным еженедельным посещением в Царское село, было занято сполна» [Дашкова, 1859, с. 215].

За все время существования Академии российской в ее составе было 187 членов. В 1841 г. Академия российская вошла в состав

* **Василий Прокофьевич Светов** (1744–1783) – переводчик Академии наук и художеств. В 1782 г. Светов был привлечен к работе по изданию учебников в Комиссии об учреждении народных училищ. Автор «Кратких правил ко изучению языка российского, с присовокуплением кратких правил российской поэзии или науки писать стихи» [1790].

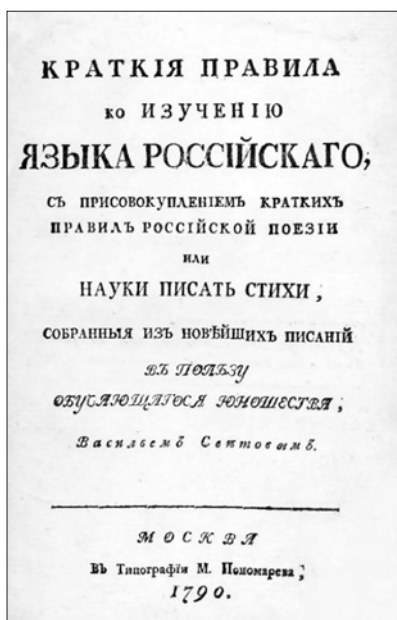

Титульные листы «Словаря Академии Российской», 1789 г. и Истории Российской академии (то же, что и Академия российская. – *Авт.*)
М.И. Сухомлинова, 1874 г. *Из открытых источников*

Императорской академии наук, образовав Отделение русского языка и словесности. Ныне это отделение носит название «Отделение историко-филологических наук».

Как отмечалось выше (см. раздел 1.5), главным результатом деятельности Императорской Российской академии стало издание Российского академического словаря, который явился первым в истории толковым словарем русского языка, содержащим 43.357 слов в шести частях. Напомним, что работа над словарем и его публикация заняли всего 11 лет, причем подобное издание Французской академии создавалось в течение 60 лет. Наш знаменитый писатель и историк **Николай Михайлович Карамзин** (1766–1826), отдавая должное подвигу российских словесников, заметил: *«Полный словарь, изданный Академиею, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев, наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями»* [Карамзин, 1964, с. 233].

Сам Карамзин считался одним из основных реформаторов русского литературного языка конца XVIII – начала XIX в. В своих произведениях писатель целенаправленно отказывался от использования церковнославянской лексики и грамматики, приводя язык своих

Титульные листы «Кратких правил по изучению языка российскийского...», 1790 г. и «Писем русского путешественника...», 1797 г.
Из открытых источников

текстов к обиходному языку своей эпохи. К нежелательным старославянизмам он, например, отнес устаревшие *абие*, *бяху*, *колико*, *понеже*, *убо*, *яко*, *паки*, *зане*, *иже* и др. В то же время Карамзин обогатил русский язык рядом удачных неологизмов, использовал прямой порядок слов, упростил синтаксические конструкции и отказался от пространных периодов... Карамзин рекомендовал своим литературным коллегам: «Пишите так, чтобы вас поняли». По утверждению А.И. Герцена: «Влияние последнего (Карамзина. – Авт.) на литературу можно сравнить с влиянием Екатерины на общество: он сделал литературу гуманною». Скажем больше – по утверждению современников, он сделал русский язык популярным среди знати.

Попробуем оценить особенности литературного языка Карамзина по небольшому фрагменту из его известного произведения «Письма русского путешественника», в котором автор повествует о своей поездке по России и европейским странам с помощью писем, которые отправляет друзьям из разных мест своего пребывания. Путешествие начиналось из Москвы, а первое письмо Карамзин выслал из Твери. Итак:

«Тверь, 18 мая 1789

Расстался я с вами, милые, расстался! Сердце мое привязано к вам всеми нежнейшими своими чувствами, а я беспрестанно от вас удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! Кто знает: чего ты хочешь? – Сколько лет путешествие было приятнейшею мечтою моего воображения? Не в восторге ли сказал я самому себе: наконец ты поедешь? Не в радости ли просыпался всякое утро? Не с удовольствием ли засыпал, думая: ты поедешь? Сколько времени не мог ни о чем думать, ничем заниматься, кроме путешествия? Не считал ли дней и часов? Но – когда пришел желаемый день, я стал грустить, вообразив в первый раз живо, что мне надлежало расстаться с любезнейшими для меня людьми в свете и со всем, что, так сказать, входило в состав нравственного бытия моего. На что ни смотрел – на стол, где несколько лет изливались на бумагу незрелые мысли и чувства мои, на окно, под которым сиживал я подгорюнившись в припадках своей меланхолии и где так часто заставляло меня восходящее солнце, на готический дом, любезный предмет глаз моих в часы ночные, – одним словом, все, что попадалось мне в глаза, было для меня драгоценным памятником прошедших лет моей жизни, не обильной делами, но зато мыслями и чувствами обильной. С вещами бездушными прощался я, как с друзьями; и в самое то время, как был размягчен, растроган, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забыл их и взял опять к себе, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо в таком случае...

Во всю дорогу не приходило мне в голову ни одной радостной мысли; а на последней станции к Твери грусть моя так усилилась, что я в деревенском трактире, стоя перед карикатурами королевы французской и римского императора, хотел бы, как говорит Шекспир, выплакать сердце свое. Там-то все оставленное мною явилось мне в таком трогательном виде. – Но полно, полно! Мне опять становится чрезмерно грустно. – Простите! Дай бог вам утешений. – Помните друга, но без всякого горестного чувства!» [Карамзин, (1792) 2018, с. 9].

Напомним, что с момента издания в Москве книги Полидора Вергилия Урбинского «Осьмь книг об изобретателях вещей» прошло чуть более 70 лет (см. раздел 2.2). Всего несколько десятилетий назад русский язык был представлен фразами, типа: «Чесо ради якоже мною...», а в конце XVIII в. на примере текста Карамзина мы наблюдаем

серьезное «возмужание» языка, появившуюся в нем мягкую пластичность, живость и ясность, близкую к современной...

Карамзин стал новатором и в стихотворном деле. Как сентименталист он предложил способ передавать состояние героя через восприятия им природы. Это особенно чувствуется, например, в произведении «Осень», написанном поэтом белыми стихами:

<i>«Веют осенние ветры</i>	<i>...Странник печальный, утешься!</i>
<i>В мрачной дубраве;</i>	<i>Вянет природа</i>
<i>С шумом на землю валятся</i>	<i>Только на малое время;</i>
<i>Желтые листья.</i>	<i>Все оживится,</i>
<i>Поле и сад опустели;</i>	<i>Все обновится весною;</i>
<i>Сетуют холмы;</i>	<i>С гордой улыбкой</i>
<i>Пение в рощах умолкло –</i>	<i>Снова природа восстанет</i>
<i>Скрылися птички.</i>	<i>В брачной одежде.</i>
<i>Поздние гуси станицей</i>	<i>Смертный, ах! вянет навеки!</i>
<i>К югу стремятся,</i>	<i>Старец весною</i>
<i>Плавным полетом несяся</i>	<i>Чувствует холодную зиму</i>
<i>В горних пределах...</i>	<i>Ветхия жизни».</i>

[Карамзин, 1966, с. 79].

Любой человек, наблюдая осеннее увядание природы, печалится. Радует его только одно: весной все вновь воскреснет и обновится. Другое дело – старость, которая подводит людей к увяданию, но, в отличие от природной осени, не приводит к воскрешению. (РусСтих, Стихи классиков).

Говоря о творчестве Карамзина, как начинающего поэта, мы еще можем заметить некое несовершенство его слога, однако уже в 1795 г. в стихотворенье «К самому себе» он напишет:

*«Прости, надежда!.. и навек!..
Исчезло все, что сердцу льстило,
Душе моей казалось мило;
Исчезло! Слабый человек!...»* [Карамзин, 1966, с. 96].

В 1803 г. указом императора Александра I Карамзин по его же собственному ходатайству будет назначен третьим по счету «Российским историографом» (титул историографа после смерти Карамзина не возобновлялся. – *Авт.*), что откроет ему свободный доступ к древним рукописям Священного синода и другим древним источникам, касающимся истории. Писатель оставит «изящную

Н.М. Карамзин. История Государства Российского. Т. 1. СПб. 1818 г.

словесность» и приступит к работе над новым своим творением «История Государства Российского», которому посвятит весь остаток жизни. Первое издание этого фундаментального труда (8 томов) станет финансировать сам Александр I, и печатать это произведение будут одновременно несколько типографий в течение 1816–1817 гг. В процессе работы Карамзин обнаружит в одном из монастырей «Ипатьевскую летопись», из которой историк почерпнет многие факты и подробности. Кроме того, исследуя рукописи XVI в., Карамзин откроет и опубликует в 1821 г. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

«История Государства Российского» прославит Карамзина как историка, причем в 1818 г. он станет почетным членом Императорской академии наук и академиком Императорской академии российской. Надо отметить, что Карамзин был не первым историком, который взялся за это сложное дело. Мы уже говорили в предыдущих главах об исторических исследованиях Татищева, Миллера, Ломоносова, князя Щербатова и др. Еще Корф, ссылаясь на указ императрицы 19 сентября 1735 г., приказал: *«Имеющуюся при академии книгу “Российская летопись от Рюрика до царя Михаила Федоровича”, которая прислана святейшаго правительствующаго синода от вице-президента великаго господина преосвященнаго Феофана, архиепископа велико-новгородского и великолукскаго, из дому его, с российского языка перевести на латинский язык как возможно не замедли...»*

[Материалы..., 1886 а, док. 865 от 19 сент. 1735 г., с. 799]. Можно также вспомнить спасенную академиком Миллером в период Великой Северной экспедиции «Рёмезовскую летопись», отдать должное историческим работам Федора Поликарпова-Орлова, академика Императорской академии наук А.Л. Шлёцера (1735–1809) или академика Академии российской И.Н. Болтина (1735–1792), а также древним создателям «Повести временных лет»...

Работы по отечественной истории всегда были в центре внимания Императорской академии наук. Но, говоря об исторических заслугах Карамзина, Пушкин, тем не менее, заметит: *«Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом»* [Пушкин, 1993 д, с. 806]. Несомненно, что одним из «виновников» столь широкой популярности «Истории» Карамзина, стал его образный, легкий и изящный литературный русский язык, который был понятен всем.

Тем не менее вновь вернемся к литературному творчеству Николая Михайловича Карамзина, в связи с чем обратимся к мнению одного из наиболее строгих литературных критиков XIX столетия Виссариона Белинского: *«Карамзин первый оживил ее (литературу. – Авт.), потому что перевел ее из книги в жизнь, из школы в общество. Тогда, естественно явились и партии, началась война на перьях, раздались вопли, что Карамзин и его школа губят русский язык и вредят добрым русским нравам... Он (Карамзин. – Авт.) был героем, Ахиллом литературы того времени»* [Белинский, 1917, с. 84].

Становление русского языка на рубеже XVIII–XIX вв. было крайне сложным и динамичным процессом. Русский язык шлифовался в «войне на перьях». Литературное течение, лидером которого оказался Карамзин, стали называть «сентиментализмом». Считалось, что это направление приходило на смену так называемому классицизму, сторонниками которого были многие члены Академии наук. Дело в том, что писатели-карамзинисты, хотя и выступали против иноязычного засилья языка, все-таки часто увлекались иностранными словами и выражениями, особенно французскими, увлекались подражательством западной литературе.

Не вдаваясь в детали, здесь полезно ознакомиться с мнением по этому поводу выдающегося культуроведа, одного из создателей современной науки о литературе XVIII в., Павла Наумовича Беркова: *«Западные и русские компаративисты – одни с злорадством, другие с укоризной – говорили о том, что русская литература*

XVIII века – “ученическая”, “подражательная”. Они судили о ней по обилию переводов, по усвоению русскими писателями XVIII века литературных форм, жанров, сюжетов, но не обращали – не умели, не хотели обратить – внимания на то, что усвоение “заимствованного” постоянно сопровождалось в России XVIII века критическим отношением к тем писателям, от которых “заимствовали”. Пример в этом подал русским авторам Петр Великий. Его трезвый, критический ум обладал способностью сразу улавливать положительные и фиксировать отрицательные стороны в проходивших перед его глазами явлениях. Побывав во Франции в 1717 году, осмотрев в Париже все или многое, что его интересовало, увидев, с одной стороны, великолепие французской столицы, ее промышленность и культуру, а с другой – ее антисанитарное состояние, Петр с характерной для него резкостью сказал: “Добро перенимать у французов художества и науки; сие желал бы я видеть у себя, а в прочем (то есть в том, что не относится к художествам и наукам. – П.Б.) Париж воняет” (здесь помещена ссылка на: Петр Великий в его изречениях. СПб., 1910, с. 100. – Авт.). Критическое отношение к западным писателям проявлялось в литературе XVIII века почти у всех крупных русских литературных деятелей, начиная с Феофана Прокоповича и А. Кантемира, продолжая Ломоносовым, Сумароковым, Фонвизиныным, Новиковым и кончая Карамзиным и Радищевым. И именно это критическое отношение, продиктованное национальными литературными традициями, позволяло и помогало нашим писателям XVIII века брать из западных литератур то, что было полезно и нужно для развития русской литературы» [Берков, 1981, с. 68].

Активным противником всяческих новшеств и заимствований в тот период был известный литератор и государственный деятель **Александр Семенович Шишков**^{*}, занимавший в начале XIX в. пост министра народного просвещения, а затем и президента Академии российской. Тем не менее А.С. Шишкова сегодня называют главным ритором войны 1812 г. [Гребенщиков, 2024], и не зря! Находясь при армии, Шишков писал все важнейшие приказы и рескрипты. Ведь

^{*} **Александр Семенович Шишков** (1754–1841) – писатель, литературовед, филолог, мемуарист, историограф флота (1799), адмирал (1824), государственный секретарь и министр народного просвещения (1824–1828). Один из ведущих российских идеологов времен Отечественной войны 1812 г., инициатор издания охранительного цензурного устава 1826 г. Почетный член Императорской академии наук с 1800 г., президент Императорской Академии российской (1813–1841). А.С. Пушкин так писал о Шишкове: «Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа, Он славен славою двенадцатого года» [Пушкин, 1993 а, с. 399].

Портрет Николая
Михайловича Карамзина.
В. Тропинин, 1818 г.
*Государственная
Третьяковская галерея*

Портрет Александра
Семеновича Шишкова.
Дж. Доу, 1826–1827 гг.
*Государственный
Эрмитаж*

именно им в классическом стиле было создано набатное воззвание от имени императора Александра I о созыве народного ополчения против наполеоновской агрессии. Манифест призывал жителей участвовать в ополчении, а дворянство заняться его формированием и снабжением.

М.И. Кутузов – начальник Санкт-Петербургского ополчения.
Художник С.В. Герасимов. *Музей-панорама «Бородинская битва» в Москве*

Приведем основные выдержки из «Воззвания императора Александра I к первопрестольной столице»:

«Неприятель вошел с превеликими силами в пределы России. Он идет разорять любезное наше Отечество.... Того ради имея в намерении, для надежнейшей обороны собрать новые внутренние силы, наипервое обращаемся мы к древней столице предков наших, Москве. Она всегда была главою прочих городов российских; она изливала всегда из недр своих смертоносную на врагов силу; по примеру ее их всех прочих окрестностей текли к ней, наподобие крови к сердцу, сыны Отечества для защиты оного...

...Да оборотится погибель, в которую мнит он низринуть нас, на главу его, и освобожденная от рабства Европа да возвеличит имя России.

*В лагере близ Полоцка 6 июля 1812 г.
Александр».*

24 июля 1812 г. Александр I лично прибыл в Москву для воодушевления и организации ополчения. По этому случаю состоялся молебен в Успенском соборе Московского кремля. Император встречался с представителями дворянства и купечества, внесшими пожертвования «на помощь Отечеству». Приезд императора в древнюю столицу возымел свой результат: были собраны значительные финансовые средства и началось формирование общенародного ополчения.

<...>

Реформа русского языка в продолжение всего XVIII в. набирала силу и на пике острых дискуссий перешла в век XIX-й. Так, А.С. Шишков, выступая против реформы литературного языка, проводившейся сторонниками Карамзина, в 1807 г. организовал частное собрание литераторов-единомышленников, а в 1811 г. создал открытое литературное объединение «Беседы любителей русского слова», ратовавшее за сохранение «старого слога». Его первое заседание состоялось 14 [26] марта в просторном доме Г.Р. Державина на Фонтанке. Помимо самого Державина членами этого литературного сообщества были известные писатели того времени, И.А. Крылов, Д.И. Хвостов, С.А. Ширинский-Шихматов, А.А. Шаховский и др. Дальнейшее реформирование русского языка сопровождалось «жесткой» борьбой между представителями разных литературных течений. В то время возникли альтернативные литературные объединения «Общество любителей российской словесности при Московском университете» (1811–1830), «Арзамас» (1815–1818), «Зеленая лампа» (1819–1820),

А.С. Пушкин на собрании общества «Зеленая лампа».

Из открытых источников

«Вольное общество любителей словесности, наук и художеств» (1817–1820) и др., в которых, между прочим, в разное время состоял и молодой А.С. Пушкин.

Надо отметить, что «война на перьях» в большинстве случаев не носила личного характера. Так, жесткое противостояние Карамзина и Шишкова А.С. Пушкин представил следующим образом: *«В течение шестилетнего знакомства только в этом случае (спор Пушкина с Карамзиным о парадоксах. — Авт.) упомянул он (Карамзин. — Авт.) при мне о своих неприятелях, против которых не имел он, кажется, никакой злобы; не говорю уж о Шишкове, которого он просто полюбил (выделено мной)»* [Пушкин, 1993 д, с. 806].

Все литературные объединения и общества по сути представляли собой некие «лаборатории словесности», и именно в их соперничестве и нескончаемой «войне на перьях» оттачивался русский язык, на котором в дальнейшем и создавалась великая отечественная литература.

Для понимания той особой остроты взглядов на русский язык вновь обратимся к свидетельству Белинского. Продолжая тему о губительности «школы Карамзина» для русского языка и русских нравов,

литературный критик, переходя уже к А.С. Пушкину, восклицал: *«Но что вся эта тревога (имеется в виду ситуация с Карамзиным. – Авт.) в сравнении с бурей, которая поднялась с появлением Пушкина на литературном поприще? Она так памятна всем, что нет нужды распространяться о ней. Скажем только, что противники Пушкина видели в его сочинениях искажение русского языка, русской поэзии, несомненный вред не только для эстетического вкуса публики, но и – поверят ли теперь этому? – для общественной нравственности!»* [Белинский, 1917, с. 84].

Тем не менее Александра Сергеевича Пушкина 3 [15] декабря 1832 г., как выдающегося отечественного поэта, единогласно изберут академиком Академии российской, а в 1859 г. поэт и литературный критик Аполлон Григорьев (1822–1864) произнесет пророческие и поныне актуальные слова: «Пушкин – наше всё»...

Сам же Пушкин 18 [30] января 1836 г. в своем выступлении перед академиками словесности так отзовется о достижениях Академии российской: *«Заключим искренним желанием, чтобы Российская академия, уже принесящая пользу нашему прекрасному языку и совершившая столь много знаменитых подвигов, ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойных писателей деятельным своим покровительством, а недостойных – наказывая одним ее приличным оружием: невниманием»* [Пушкин, 1993 в, с. 760].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Западной Европе XVIII в. стали называть «Веком Просвещения», которому было суждено стать одной из наиболее значимых эпох в истории мировой культуры, характеризующейся развитием научной, философской и общественной мысли. В это столетие в Европе получила широкое общественное звучание просветительская литература французских писателей и мыслителей, происходил быстрый процесс формирования современного естествознания. России удалось присоединиться к просветительству лишь во второй половине XVIII в., главным образом в период царствования Екатерины II. Однако, чтобы на равных влиться в этот общеевропейский поток, России необходимо было иметь определенные научные, культурные, экономические и даже военные аргументы; другими словами – необходимо было иметь международное признание Российской империи как цивилизованного и могущественного государства...

Петр Первый в конце XVII в. получил в свое управление громадную экономически отсталую крестьянскую страну, с духовно разобщенным обществом, без гражданских учебных и научных заведений, с неповоротливым госаппаратом, слабой армией и отсутствием флота. С первых лет правления Петр основательно взялся за переустройство страны, для чего ему понадобились мастера в основном инженерного профиля. Собственных инженерных кадров страна не имела, и в 1702 г. Петр подписал Манифест о приглашении в Россию иностранных специалистов на льготных условиях. Годом ранее царь стал основателем светского профессионального образования. В частности, указом Петра от 14 [25] января 1701 г. в Москве, в Сухаревой башне была открыта школа «математицких и навигацких наук», или «Навигацкая школа». Затем стали открываться и другие школы: Артиллерийская, Инженерная, Медицинская, Хирургическая. В 1715 г. высшие классы Навигацкой школы были переведены в Петербург и преобразованы в Морскую академию. В условиях военного времени (с 1700 по 1721 г. шла Северная война с Шведским королевством и его союзниками за прибалтийские территории и господство над Балтийским морем, закончившаяся поражением Швеции) учащиеся в них овладевали в основном военными профессиями. На заводах действовали

специальные Горные школы, которые готовили рудознатцев-геологов, металлургов.

Для формирующейся гражданской образовательной деятельности потребовалась современная на то время учебная литература на русском языке. Для ее быстреего внедрения Петр ввел гражданский шрифт вместо сложного старославянского и арабские цифири вместо буквенных, что во многом облегчило работу переводчиков и позволило быстро наладить книгоиздательское дело. Петр прекрасно сознавал важность книгоиздательства, из-за чего приступил к его организации самым решительным образом. Он лично руководил книгопечатанием, определял тематику изданий, следил за переводом книг и был редактором многих из них. С именем Петра связано основание в 1710 г. Петербургской типографии. Кроме того, уже в начале XVIII в. открылась первая общественная Библиотека Петра, появился первый общедоступный музей «Кунсткамера», *«из которых произошли нынешние наши библиотеки и музеи»* [Веселовский, 1872, с. 12].

В результате предпринятых Петром реформ в России наметился экономический и социальный подъем: была создана регулярная армия, строился флот, основывались новые заводы, расширялись старые, появились новые товары, предназначавшиеся в первую очередь для армии, активизировалась внутренняя и внешняя торговли, реформирован государственный аппарат, открывались светские учебные заведения, наконец, на берегах Балтики возводилась новая столица государства Санкт-Петербург. Для изучения природных богатств страны и возможностей мореплавания Петр организует первые научные экспедиции (Мессершмидта в Сибирь, Первая Камчатская экспедиция Беринга к берегам Тихого океана и др.), а для составления топографических карт посылает в разные земли империи астрономо-геодезические отряды. Тем не менее для сбора и анализа поступающего материала, а также для организации системного экспедиционного изучения территорий требовалась специальная государственная организация, способная, с одной стороны, собирать, хранить, обрабатывать и анализировать новые сведения, с другой – воспитывать собственные научные кадры. Эта миссия была предназначена для Академии наук и художеств.

Известно, что Петр Великий решил создать Академию по образу Парижской академии наук или Лондонского Королевского общества. Санкт-Петербургская академия наук и художеств была учреждена 28 января [7 февраля] 1724 г., при этом она заметно отличалась от других европейских академий. В ее состав были переданы

Библиотека и Кунсткамера, а впоследствии в структуре Академии были образованы специальные лаборатории – Физический кабинет, Химическая лаборатория, Анатомический театр, Астрономическая лаборатория. Это было новшеством, не имевшим прямых аналогов в Европе. Кроме того, отечественная Академия наук была государственным учреждением и финансировалась государством. В результате именно в России тогда появилась специальность «ученого», так как впервые государство за научную работу платило зарплату, тогда как в других академиях ученые собирались лишь на конференции, где обсуждались те или иные философские и научные проблемы, а деньги на исследования им приходилось брать из своих средств или искать на стороне.

Первыми членами Санкт-Петербургской академии наук были приглашенные иностранцы, поскольку своих научных кадров у России тогда не было. Подготовка отечественных ученых оказалось делом не быстрым. Первым этнически русским членом Академии (адъюнктом) стал талантливый математик, филолог и переводчик Василий Адодуров (1733), а первыми русскими академиками были избраны гениальный ученый мирового уровня Михаил Ломоносов и литератор Василий Тредиаковский (1745). Ломоносов был крупным ученым, прогрессивным общественным деятелем, он видел необходимость общественного образования и много личных усилий посвящал организации учебных учреждений, в том числе Московского университета (1755), способствовал становлению Академии художеств (1757). Ломоносовым были созданы первая научная «Российская грамматика» (1755) и «Древняя российская история...» (1766), в которой он критиковал норманскую теорию, сформулирована новая научная дисциплина «физическая химия», получены выдающиеся научные результаты в области химии, физики, астрономии, географии, метеорологии, геологии, металлургии, народонаселения... Разработаны новые научные приборы, возрождено производство смальты, созданы высокохудожественные мозаичные произведения из цветного стекла...

Важной составляющей Академии наук стал академический университет с тремя факультетами: философским, медицинским и юридическим. На этих факультетах свои науки студентам преподавали академики (профессора). Также при Академии работала академическая гимназия, *«где адъюнкты или элевые Академиков (студенты, которых готовят для научной работы. – Авт.) обучали юношей первым основаниям наук и приготавливали их к поступлению в университет, в учителя будущих училищ»* [Веселовский, 1872, с. 12]. Академия

издавала учебники. Особую ценность в работе Академии имела ее художественная часть, сотрудники которой обеспечивали печатное дело, готовили архитекторов и художников. Впоследствии, используя опыт художественного подразделения Академии наук, при Московском университете была создана Академия художеств (1757), которая в итоге обосновалась в Санкт-Петербурге. Как отмечал Вернадский: «...академики, однако, отнюдь не отбрасывали от себя преподавательскую работу в русском обществе. Они с самого начала принимали деятельнейшее участие в преподавании помимо Академии и всюду стремились создать новые, независимые центры высшего образования. Это течение ярко сказалось в деятельности Ломоносова при создании Московского университета» [Вернадский, 2002 в, с. 325]. В дальнейшем, уже в XIX в., при участии членов Академии были образованы университеты в Казани, Харькове, Санкт-Петербурге, Дерпте (Тарту), Томске и др. Первые российские высшие учебные заведения сыграли выдающуюся роль в подготовке отечественных ученых, формировании национальных научных школ.

С учреждением Санкт-Петербургской академии наук началось планомерное изучение российских владений. Проводились астрономические наблюдения для определения координат населенных пунктов и природных объектов. По материалам этой работы были составлены первые географические карты империи. Учитывая громадные размеры страны «задача составления точной географической карты России в это время была задачей, не имевшей прецедента в истории картографии» [Вернадский, 2002 б, с. 235]. Известно, что составление точных географических карт было важнейшей государственной задачей, так как их публикация служила доказательством суверенного права Российской империи на свои исторические, вновь открытые и присоединенные территории.

Академия наук удивительно быстро заняла видное место в научном мировом сообществе XVIII в. Благодаря организованным Академией экспедициям были получены принципиально новые представления о Евразийском континенте, получены сведения о природе страны, ее населении, рудных, пушных и сельскохозяйственных ресурсах, экономических возможностях территорий. Кроме того, в Академии с самого начала ее образования были развернуты работы по изучению истории Российского государства, поиску исторических документов, летописей и других артефактов. Эти работы возглавил академик Герхард Миллер, он же стал первым государственным историографом, организатором архивного дела. В дальнейшем историческими исследованиями

занимались В.Н. Татищев, который не будучи членом Академии, тем не менее все свои отчеты отсылал в Академию, первый отечественный академик М.В. Ломоносов, почетный российский академик князь М.М. Щербатов (второй официальный историограф страны) и, наконец, на рубеже XVIII и XIX вв. третий и последний официальный историограф, почетный член Академии наук Н.М. Карамзин. Широкий спектр проблем исторической и мировой истории от древнейших времен до наших дней входит в число приоритетных направлений работы Академии наук и в наши дни.

Так сложилось, что совершенно новая для страны научная деятельность, сконцентрированная в Академии наук, стала катализатором для совершенствования русской гражданской литературы и стихосложения, в основу которых закладывались новые, более прогрессивные для того времени грамматические нормы. Не будет преувеличением сказать, что в развитии русского языка и русской культуры Академия наук сыграла исключительную роль. Известный российский историк академик П.П. Пекарский отмечал, что *«большая часть правил ныне принимаемого русского правописания придуманы и утвердились в Академии наук, когда в продолжении нескольких десятков лет в прошлом столетии для всей России имела только одна ее типография, в которой и печатались книги гражданским шрифтом»* [Пекарский, 1870, с. 639]. В развитие этой деятельности в 1783 г. по инициативе Екатерины II и директора Академии наук княгини Екатерины Дашковой была создана отдельная академия словесности – Академия российская, задача которой состояла в изучении и развитии русского языка, составлении первого русского толкового языкового словаря. Русский язык прочно занял место официального государственного языка Российской империи, одновременно сохранялось языковое разнообразие населяющих Россию народов. Здесь к месту будет напомнить мнение Н.М. Карамзина из предисловия к «Истории Государства Российского»: *«Не надобно быть русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал господство над десятою частию мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внеся их в общую систему географии, истории, и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейства, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего»* [Карамзин, 1993, с. 7].

Создание Академии наук было прямо связано с реформаторской деятельностью Петра, направленной на укрепление государства, его

экономической и политической независимости. Весь XVIII в. был периодом экономического роста и формирования суверенной государственности Российской империи, и Академия наук внесла свой весомый вклад в прогресс науки, образования и культуры нашего государства. Российское сообщество во всем своем многообразии уже к концу XVIII в. в основном сложилось как единая нация, что ярко продемонстрировала всему миру Отечественная война с Наполеоном 1812 г. Крестьяне, партизаны, дворяне и регулярная армия действовали как единое целое. Поддержка народа имела первостепенное значение в сокрушении противника.

Великий французский микробиолог Луи Пастер (1822–1895) уже в XIX в. утверждал: *«Наука должна быть самым возвышенным воплощением Отечества, ибо из всех народов первым будет всегда тот, который опередит другие в области мысли и умственной деятельности»*. Россия входила в XIX в. как страна с громадными потенциальными возможностями стать одной из крупнейших научных и экономически развитых держав мира...

Наступал золотой век русской культуры, ознаменовавшийся невиданным взлетом отечественной литературы, живописи и музыкального искусства, век становления и развития национальных научных школ мирового уровня...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамович С.Л. Пушкин в 1833 году. Хроника. М.: Слово, 1994. 618 с.
Аверина С.А., Навтанович Л.М., Попов М.Б. и др. Старославянский язык: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Учебно-методический комплекс по курсу «Старославянский язык». СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 448 с.

Академия наук в истории культуры России XVIII–XX веков = The Academy of science in the cultural history of Russia in the XVIII–XX centuries / акад. Алфёров Ж.И. (отв. ред.). СПб.: Наука, 2010. 706 с.

Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий: сборник статей / под ред. А.И. Андреева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 284–333.

Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. 196 с.

Анисимов Е.В. Императорская Россия. СПб.: Питер, 2022. 640 с.

Белинский В.Г. Литературные мечтания. (Элегия в прозе). // Полное собрание сочинений В.Г. Белинского: в 12 т. / под ред. с примечаниями проф. С.А. Венгерова. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. Т. 1. С. 308–396.

Белинский В.Г. Николай Алексеевич Полевой. // Полное собрание сочинений В.Г. Белинского: в 12 т. / под ред. с примечаниями проф. С.А. Венгерова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1914 а. Т. 10. С. 309–333.

Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года. // Полное собрание сочинений В.Г. Белинского: в 12 т. / под ред. с примечаниями проф. С.А. Венгерова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1914 б. Т. 10. С. 388–428.

Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года. Статья первая. Статья вторая и последняя. // Полное собрание сочинений В.Г. Белинского: в 12 т. / под ред. с примечаниями проф. С.А. Венгерова. Петроград: Типо-литогр. А.Э. Винеке, 1917. Т. 11. С. 75–149.

Белявский М.Т. Ломоносов и основание Московского университета. М.: Изд-во МГУ, 1955. 312 с.

Берков П.Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 340 с.

Берков П.Н. Проблема влияния в историко-литературной науке // Берков П.Н. Проблемы исторического развития литератур. Статьи. Л.: Худож. лит.-ра. Ленингр. отд-ние, 1981. С. 57–70.

Блох Ю.И. Гравиметристы Российской империи (К 300-летию российской гравиметрии). Версия 2.0. 2020. 129 с. URL: https://vsegei.ru/ru/conf/events/uspensky2021/Grav_RusImp.pdf

Богатов В.В. Организация науки в России. Владивосток: Дальнаука, 2005. 292 с.

Богатов В.В. Академическая наука на российском Востоке (к 300-летию Российской академии наук). Владивосток: Дальнаука, 2024. 576 с.

Богданов А.П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М.: Академический проект, 2018. 760 с.

Богословский М.М. Русское общество и наука при Петре Великом. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. 28 с.

Бондарь Л.Д., Кирикова О.А. Экспедиционная деятельность Академии наук // Российская академия наук: 300 лет истории: в 2 т. Т. 1: Императорская академия наук – Академия наук СССР. 1724–1734. М.: Наука, 2024. С. 57–146.

Боханов А.Н., Морозова Л.Е., Рахматуллин М.А. и др. История России с древнейших времен до наших дней / под ред. А.Н. Сахарова. М.: Изд-во АСТ, 2023. 1744 с.

Брикнер А.Г. История Петра Великого: в 2 т. М.: Терра, 1996. Т. 1. 350 с. Т. 2. 270 с.

Бруевич Н.Г. (отв. ред.). 220 лет Академии наук СССР [1725–1945]: справочная книга / сост.: В.С. Яблоков, Л.А. Плоткин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 327 с.

Бумаги императора Петра I / Изданы академиком А. Бычковым. СПб.: [В Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии], 1873. Оглавление 53 с.; Указы, письма и бумаги Петра Великого 565 с.; Алфавитный список 59 с.

Буторина Т.С. Ломоносовский период в истории русской педагогической мысли XVIII века. Москва; Архангельск: Архангельск. гос. техн. ун-т, 2005. 298 с.

Вавилов С.И. Академия наук СССР // Химия и жизнь. 1945. № 5. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/22500/>

Вагеманс Э. Путешествие Петра I по Южным Нидерландам в 1717 году: образ русского царя в Бельгии / пер. с нидерл. В.К. Ронина. СПб.: Европейский Дом, 2020. 272 с

Василий Евдокимович Адодуров. «Anfangs-Grunde der Russischen Sprache» или «Первые основания русского языка». Формирование академической грамматической традиции / отв. ред. К.А. Филиппов, С.С. Волков. СПб.: Наука, 2014. 255 с.

Вернадский В.И. Кант и естествознание XVIII столетия. М.: Типо-литогр. т-во И.Н. Кушнерев и К°, 1905. 37 с.

Вернадский В.И. Михаил Васильевич Ломоносов // Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 13–62.

Вернадский В.И. Очерки по истории современного научного мировоззрения // В.И. Вернадский. Труды по истории науки. М.: Наука, 2002 а. С. 47–165.

Вернадский В.И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // В.И. Вернадский. Труды по истории науки. М.: Наука, 2002 б. С. 193–318.

Вернадский В.И. Очерки по истории Академии наук // В.И. Вернадский. Труды по истории науки. М.: Наука, 2002 в. С. 321–365.

Веселитский В.В. Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка. М.: Наука, 1974. 72 с.

Веселовский К.С. Петр Великий как учредитель Академии наук: речь, читанная в торжественном заседании Императорской академии наук 31 мая 1872 г. непременным секретарем академиком К.С. Веселовским. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1872. 13 с.

Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). М.: Просвещение, 1973. 160 с.

Водарский Я.Е., Кабузан В.М. и др. Историческая география России, IX – начало XX века: территория, население, экономика. М.: Изд-во Института российской истории РАН, 2013. 301 с.

Воронцов-Дашков А.И. Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и опале. М.: Молодая гвардия, 2010. 336 с.

Вяземский П.А. Поминки по Бородинской битве. Воспоминания о 1812 годе. М.: Тип. Грачева и К°, 1869. 60 с.

Вяземский П.А. О Сумарокове // П.А. Вяземский. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. С. 113–118. (История эстетики в памятниках и документах).

Гаврилова Е.И. Ломоносов и основание Академии художеств // Русское искусство XVIII века: материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 66–75.

Герцен А.И. От издателя // Записки княгини Е.Р. Дашковой, писанные ею самой / пер. с англ. яз. Лондон: Trübner & C°, 1859. С. VI–XVI.

Глушанков И.В. Славные навигаторы российские. Хабаровск: Кн. изд-во, 1986. 221 с. (Сер. «Первопроходцы»).

Гребенщиков А.Е. «Отечеству он был щитом...» Александр Семенович Шишков – главный ритор войны 1812 г. М.: Наука, 2024. 232 с.

Грот Я.К. Заботы Екатерины II о народном образовании по Ея письмам к Гримму. Речь академика Я.К. Грота в собрании Императорской академии наук 29-го декабря 1878 года. СПб: Тип. М.А. Хана, 1879. 40 с.

Гуркина Н.К. История образования в России X–XX века: Учеб. пособие / М-во образования Рос. Федерации. С.-Петербург. гос. ун-т аэрокосмич. приборостроения. СПб.: СПбГУАП, 2001. 64 с.

Дашкова Е.Р. Записки княгини Е.Р. Дашковой, писанные ею самой / пер. с англ. яз. Лондон: Trübner & Co, 1859. XVI, 511 с.

Делили в России: сборник статей / под ред. Д.Ю. Гузевича, И.Д. Гузевич. СПб.: Маматов, 2019. 352 с.

Державин Г.Р. Памятник // Стихотворения. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. С. 79–80. (Историко-литературная библиотека / под ред., со ст. и прим. Иванова-Разумника).

Дриссен-ван хет Реве Й. Голландские корни Кунсткамеры Петра Великого: история в письмах (1711–1752) / пер. с нидерл. И.М. Михайловой, Н.В. Возненко; науч. ред. Н.П. Копанева. СПб.: МАЭ РАН, 2015. 364 с.

Егоров С.Ф. (сост.) Хрестоматия по истории школы и педагогики в России. М.: Просвещение, 1986. 432 с.

Екатерина II. Сочинения императрицы Екатерины II: в 3 т. СПб.: Издание Александра Смирдина, Тип. Имп. акад. наук, 1849–1850.

Екатерина II. Историческое представление из жизни Рюрика // Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 1. СПб.: А. Смирдин, Тип. Имп. акад. наук, 1849 а. С. 297–338.

Екатерина II. Начальное управление Олега // Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 1. СПб.: А. Смирдин, Тип. Имп. акад. наук, 1849 б. С. 339–394.

Екатерина II. Сочинения императрицы Екатерины II. Произведения литературные / под ред. Арс. И. Введенского. СПб.: А.Ф. Маркс, 1893. 448 с.

Екатерина II. Записки императрицы Екатерины Второй / пер. с подлинника, изданного Императорской академией наук. СПб.: А.С. Суворин, 1907. VIII. 749 с.

Екатерина II. Собственноручные записки императрицы Екатерины II. Сочинения Екатерины II / сост., вступ. ст. О.Н. Михайлова. М.: Сов. Россия, 1990. 384 с.

Екатерина Великая. Мемуары. М.: Изд-во Аст, 2023. 352 с. (Сер. Русская классика).

Ефремов Н.А. Татищев. История первого историка, отвергнутого неблагодарным Отечеством // Молодой ученый. 2021. № 4 (346). С. 266–270.

Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 754 с.

Зяблов В. Две легенды о Товии Ловице // Химия и жизнь. № 4, 1977. С. 79–84.

Зуев В.Ф. Начертание естественной истории, изданное для народных училищ Российской империи по Высочайшему повелению царствующия Императрицы Екатерины Вторыя. СПб.: Тип. Брейткопфа, 1786. 10. 240 с.

Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. / РАН, Ин-т рос. истории. М.: ИРИ РАН, 1994. 199 с.

Иванов Д.В. Петр Симон Паллас и формирование первых буддийских коллекций в России // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 35–41.

Иллюстрированный энциклопедический словарь / ред. колл.: В.И. Бородулин, А.Р. Горкин, А.А. Гусев, Н.М. Ланда и др. М.: Большая российская энцикл., 1995. 894 с.

Историко-литературная хрестоматия нового периода русской словесности. Т. 1. (От Петра I до Карамзина)/сост. А. Галахов. Изд. 20-е. Москва; Петроград: Т-ва «В.В. Думнов – Насл. бр. Салаевых», 1916. 485 с.

Ишлинский А.Ю., Павлова Г.Е. М.В. Ломоносов – великий русский ученый. М.: Педагогика, 1986. 128 с.

К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готтлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. статей / [сост. Е.Ю. Басаргина, Л.Д. Бондарь, И.В. Тункина]; отв. ред. чл.-корр. РАН И.В. Тункина; СПбФ АРАН. СПб.: Реноме, 2021. 352 с. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 19).

Калмыков П.Л. В поисках могилы Делиль де ля Кройера или завещание Лаперуза // О Камчатке и странах, которые рядом с ней находятся: материалы XXVIII Крашенинниковских чтений. [Петропавловск-Камчатский, 21 апр. 2011 г.: посвящ. 300-летию С.П. Крашенинникова] / Мин. культуры Камчат. края, Камчат. краевая науч. б-ка им. С.П. Крашенинникова. Петропавловск-Камчатский, 2011. С. 78–87.

Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. СПб.: Наука, 2019. 671 с. (Библиотека всемирной истории).

Капица П.Л. Ломоносов и мировая наука // Эксперимент, теория, практика. Статьи, выступления. Изд. 3-е, доп. М.: Наука, 1981. С. 324–345.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. «Public Domain», 1792. М.: Изд-во АСТ, 2018. 361 с. (Русская классика (АСТ)).

Карамзин Н.М. Речь, произнесенная на торжественном собрании Императорской Российской Академии 5 декабря 1818 года // Избранные сочинения в двух томах. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 2. С. 233–244.

Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1966. 435 с. (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. 1–4. Калуга: Золотая аллея, 1993. 560 с.

Карлов Н.В. Две академии: люди и свершения // Вестн. РАН. 2002. Т. 72, № 7. С. 646–653.

Каталог инкунабулов и палеотипов из собрания Генриха Клемма. М.: Пашков дом, 2011. 336 с.

Келлер А.В. Петр I и становление российской науки (к 350-летию Петра I и навстречу 300-летию Российской академии наук) // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13, № 4. С. 33–54.

Келлер А.В. Контекст времени, вызовы эпохи: место “художеств” в Петербургской академии наук // Петербургский исторический журнал. 2024, № 1. С. 10–19.

Кёппен Ф.П. Ученые труды П.С. Палласа. СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1895. 54 с.

Кирикова О.А. От замысла до появления первого «ученого сообщества» России // Российская академия наук: 300 лет истории: в 2 т. М.: Наука, 2024. Т. 1: Императорская академия наук – Академия наук СССР. 1724–1734. 2024 а. С. 17–25.

Кирикова О.А. Деятельность Академии наук в послепетровский период // Российская академия наук: 300 лет истории: в 2 т. М.: Наука, 2024. Т. 1: Императорская академия наук – Академия наук СССР. 1724–1734. 2024 б. С. 26–47.

Киссер Т.С. Путешествие И.П. Фалька и И.Г. Георги по Российской империи (по материалам дневников) // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 53–60.

Киссер Т.С. Об организации «физических» экспедиций 1768–1774 гг. // Кунсткамера. 2019. № 3 (5). С. 164–170.

Клочков М.В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Переписи дворов и населения. Т. 1: 1678–1721. СПб.: Сенат. тип., 1911. 435 с.

Княжецкая Е.А. О причинах избрания Петра I членом Парижской академии наук // Изв. ВГО, 1960. Т. 92, вып. 2. С. 154–158.

Княжецкая Е.А. Судьба одной карты [О географе А.Б. Черкасском]. М.: Мысль, 1964. 119 с.

Княжецкая Е.А. Петр I – член Французской академии наук // Вопросы истории. 1972. № 12. С. 199–203.

Княжецкая Е.А. Научные связи России и Франции при Петре I [Электронный ресурс]. М.: Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU, 18 февраля 2018. URL: https://portalus.ru/modules/science/rus_readme.php?-subaction=showful&id=1518959203&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 02.07.2024).

Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. 211 с. (АН СССР. Институт истории естествознания и техники).

Копелевич Ю.Х., Кулябко Е.С., Шафран И.А. На раннем этапе. Первые президенты. Из академического собрания портретов ученых // Вестн. АН СССР. 1974. № 2. С. 130–154.

Костина Е.А. К истории ранних комедий Екатерины II // XVIII век. Сб. 18. РАН, Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом). СПб.: Наука, 1993. С. 299–312.

Красникова О.А. К истории картографического наследия И.К. Кирилова // Ломоносовские чтения в Кунсткамере. К 270-летию издания первого «Атласа Российского» (1745) и 250-летию со дня смерти М.В. Ломоносова (1765). Вып. 2. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 193–220.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. Т. 1. СПб.: При Имп. акад. наук, 1755. 438 с.

Кулябко Е.С. М.В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 216 с.

Куприянов В.А., Смагина Г.И. Основание и первые десятилетия Санкт-Петербургской академии наук в трудах российских и зарубежных историков науки. Ч. 1 // Управление наукой: теория и практика. 2021 а. № 3. С. 159–182.

Куприянов В.А., Смагина Г.И. Основание и первые десятилетия Санкт-Петербургской академии наук в трудах российских и зарубежных историков науки. Ч. 2 // Управление наукой: теория и практика. 2021 б. № 4. С. 227–253.

Курганов Н.Г. Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезноразвлекательного вещесловия. Пятое издание вновь выправленное, приумноженное и разделенное в две части. Ч. 2. СПб.: Тип. при Имп. акад. наук, 1793. С. 191–197.

Ламанский В.И. Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк. СПб.: В тип. А.А. Краевского, 1864. 102 с.

Лаппо-Данилевский А.С. Петр Великий, основатель Императорской академии наук в С.-Петербурге. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1914. 60 с.

Летопись Российской академии наук / гл. ред. Ю.С. Осипов. Т. 1: 1724–1802 / отв. ред. Н.И. Невская; сост. и пер. Е.Ю. Басаргина и др. СПб.: Наука, 2000. 994 с.

Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1983. 144 с. (Страницы истории нашей Родины).

Ломоносов и Академия наук. К 300-летию М.В. Ломоносова (1711–1765). / науч. ред. В.Ю. Афиани; сост. Н.Р. Копанева, Н.В. Литвина. М.: Архив РАН, 2011. 168 с.

Ломоносов М. Грамматика Российская. СПб.: При Имп. акад. наук, 1755. 213 с.

Ломоносов М.В. [Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года, сочиненная Михаилом Ломоносовым, статским советником, профессором

химии и членом Санктпетербургской императорской и королевской Шведской академии наук] // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983. Т. 6: Труды русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 163–286.

Ломоносов М.В. Ода блаженные памяти Государыне Императрице Анне Иоанновне на победу над Турками и Татарами и на взятие Хотина 1739 года // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи. 1732–1764. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 а. С. 16–30.

Ломоносов М.В. «Я знак бессмертия себе воздвигнул...» // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи. 1732–1764. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 б. С. 184.

Луизов А.В. Начало книгопечатания на Руси // Наука и жизнь. 1939. № 5. С. 54–58.

Маракуев В. Петр Симон Паллас, его жизнь, ученые труды и путешествия. М.: Тип. А.А. Торлецкого и К^о, 1877. 214 с.

Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 1: 1716–1730. С приложением восьми портретов. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1885. 732 с.

Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 2: 1731–1735. С приложением четырех портретов. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1886 а. 886 с.

Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 3: 1736–1738. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1886 б. 898 с.

Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 4: 1739–1741. С приложением двух портретов. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1887. 824 с.

Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 5: 1742–1743. С приложением трех портретов. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1889. 1067 с.

Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 6. История Академии наук Г.-Ф. Миллера с продолжениями И.-Г. Штриттера. 1725–1743. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1890. 653 с.

Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 7: 1744–1745. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1895 а. 818 с.

Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 8: 1746–1747. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1895 б. 794 с.

Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 9: 1748–1749 (январь–май). СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1897. 826 с.

Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 10: 1749 (июнь–декабрь) – 1750. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1900. 776 с.

Мезин С.А. Петр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. 312 с.

Менишуткин Б.Н. Труды М.В. Ломоносова по физике и химии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 537 с.

Михельсон Т.Н. Из древнерусской литературы // Литература. 7 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. Ч. 1 / авт.-сост. Г.С. Меркин. 6-е изд., испр. и доп. М.: ООО. ТИД. «Русское слово – РС», 2008. С. 38–39.

Михельсон Т.Н. Рассказы русских летописей XII–XIV вв. М.: Детская литература, 2013. 205 с. (Сер. «За землю Русскую»).

Моисеева Г.Н. Древнерусские литературные памятники в исторических драмах Екатерины II // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. Т. 28: Исследования по истории русской литературы XI–XVII вв. С. 289–295.

Морохин А.В. О роли царских врачей в реализации внешнеполитических инициатив Петра I в 1716–1721 гг. // Вестн. МГИМО-Университета. 2021. Вып. 14 (6). С. 110–126.

Начало русско-французских научных связей // Французский ежегодник за 1972 г. АН СССР. 1974 / DrevLit.ru – Библиотека древних рукописей. URL: https://drevlit.ru/docs/france/XVIII/1700-1720/Rus_franz_svjazi/text.php

Нарский И.С. Готфрид Лейбниц. М.: Мысль, 1972. 239 с. (Мыслители прошлого).

Никитин Н.И. Землепроходец Семен Дежнёв и его время. Начало казачества Сибири. М.: Академический проект, 2018. 279 с.

Новлянская М.Г. Иван Кирилович Кирилов, географ XVIII века. М.; Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1964. 140 с.

Новлянская М.Г. Филипп Иоганн Страленберг, его работы по исследованию Сибири. М.; Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1966. 95 с.

Новлянская М.Г. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. 184 с.

Носкова О.Л. Иоганн Петер Фальк – последователь Карла Линнея в России // Изв. Самарского НЦ РАН. 2007. Т. 9, № 4. С. 1103–1106.

Носкова О.Л. Иван Кириллович Кирилов и его вклад в развитие российской науки // Изв. Самарского НЦ РАН. 2011. Т. 13, № 1. С. 264–269.

Окрепилов В.В. Заметки об истории создания в 1724 году Российской академии наук и Санкт-Петербургского университета // Вестн. СПбГУ. Экономика. 2022. Т. 38, вып. 2. С. 315–327.

Осипов Ю.С. Академия наук в истории Российского государства = Academy of sciences in the history of the Russian state. М.: Наука, 1999. 206 с.

Павлова Г.Е. Степан Яковлевич Румовский (1734–1812). М.: Наука, 1979. 200 с.

Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. М.: Наука, 1999. 246 с. (Научное наследство; т. 27).

Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1–2. СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. акад. наук, 1870–1873.

Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1 / Отд. рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1870. LXVIII. 774 с.

Петр Великий и основание Петербургской академии наук. Документы и материалы: в 2 ч. Ч. 2 / авт.-сост.: Е.Ю. Басаргина, О.А. Кирикова; ред.-сост. Е.Ю. Басаргина; отв. ред. чл.-корр. РАН И.В. Тункина. СПб.: Нестор-История, 2022. 280 с. (Серия Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 8)

Петр I и становление российской науки: материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 3–5 октября 2022 г. / отв. ред. Т.А. Базарова. СПб.: Нестор-История, 2022. 136 с.

Петровский М.Н. Первая экспедиция Академии наук: путешествие Людовика Делиля де ля Кройера в Архангельский город и русскую Лапландию в 1727–1730 гг. // Вестн. РАН. 2023. Т. 93, № 1. С. 77–87.

Пивоваров Е.Г. К истории создания Российского собрания Академии наук // Социология науки и технологий. 2018. Т. 9, № 4. С. 7–20.

Полевой Б.П. Сибирская картография XVII в. и проблема большого чертежа // Страны и народы Востока. Вып. 18. География. Этнография. История. Памяти А.В. Королева. М.: Наука, 1976. С. 213–227.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 5: 1713–1719. СПб.: II отд. Е. И. В. Канц., 1830 а. 780 с.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 6: 1720–1722. СПб.: II отд. Е. И. В. Канц., 1830 б. 818 с.

Попов Л.В., Розов Н.Х. К юбилею Славяно-греко-латинской академии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Педагогическое образование. 2010. № 4. С. 76–86.

Привилегия и Устав Императорской Академии трех знатнейших художеств, живописи, скульптуры и архитектуры с воспитательным при оной Академии училищем. СПб.: При Имп. акад. художеств, 1765. 47 с.

Путевой журнал Даниэля Готлиба Мессершмидта. Научная экспедиция по енисейской Сибири, 1721–1725 годы / пер., сост., коммент.: Г.Ф. Быков, И.Г. Федоров, Я.И. Федоров. Красноярск: РАСТР, 2021. 496 с.

Пушкин А.С. Об «Истории Пугачевского бунта»: (Разбор статьи, напечатанной в «Сыне отечества», в январе 1835 года) // Современник. 1836. Т. 3. С. 109–134.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 10: К 150-летию со дня рождения. Письма. 1815–1837. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 898 с.

Пушкин А.С. Аквилон // Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 2: Стихотворения 1820–1826. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 214–215.

Пушкин А.С. Второе послание цензору // Золотой том. Собрание сочинений. М.: Имидж, 1993 а. С. 399.

Пушкин А.С. История Пугачёва // Золотой том. Собрание сочинений. М.: Имидж, 1993 б. С. 681–714.

Пушкин А.С. Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной // Золотой том. Собрание сочинений. М.: Имидж, 1993 в. С. 757–760.

Пушкин А.С. Путешествие из Москвы в Петербург // Золотой том. Собрание сочинений. М.: Имидж, 1993 г. С. 763–776.

Пушкин А.С. Карамзин // Золотой том. Собрание сочинений. М.: Имидж, 1993 д. С. 806.

Рак В.Д. «Российская грамматика» Ломоносова и «Письмовник» Н.Г. Курганова // Ломоносов и книга. Л.: БАН СССР, 1986. С. 124–138.

Раскин Н.М., Шафрановский И.И. Эрик Густавович Лаксман, выдающийся путешественник и натуралист XVIII в. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. 274 с.

Регламент Императорской академии наук и художеств в Санктпетербурге. СПб.: При Имп. акад. наук, 25 сент. 1747. 20 с.

Регламент Императорской академии наук. СПб.: При Имп. акад. наук, 1803. 74 с.

Российская академия наук. История и современность. Краткий очерк. / Сост. В.И. Васильева и др. М.: Наука, 1999. 272 с.

Сафронова А.М. В.Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в.: к 330-летию со дня рождения. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 319 с.

Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке / издал А. Куник. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1865 а. Ч. 1. LVI. 223 с.

Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке / издал А. Куник. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1865 б. Ч. 2. LIX–LXII. С. 225–530.

Светов В.П. Краткия правила ко изучению языка российского, с присовокуплением кратких правил российской поэзии или науки писать стихи, собранные из новейших писаний в пользу обучающагося юношества, Васильем Световым. М.: В типографии М. Пономарева, 1790. I–VIII. 9–190 с.

Скрябин Г.К., Бромлей Ю.В., Микулинский С.Р. и др. (сост.). 250 лет Академии наук СССР [1724–1974]: Документы и материалы юбил. торжеств. М.: Наука, 1977. 585 с.

Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. П–С. СПб.: Дмитрий Буланин, 1988. С. 195–196.

Смагина Г.И. «Служение на пользу Отечества»: Петербургская академия наук в XVIII веке: статьи и материалы / отв. ред. Т.И. Юсупова. СПб.: Росток, 2021. 448 с.

Смирнова А.С. Академический переводчик Иван Семенович Горлецкий // Филологическое наследие М.В. Ломоносова: Коллективная монография / отв. ред. П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, Е.М. Матвеев. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 235–252.

Соболев В. Петр I: «Зело приятно, что вы нас членом в свою компанию избрали». 300 лет назад российский царь стал французским академиком // Родина. 2018. № 1 (118). Полоса 98. URL: <https://rodina-history.ru/2018/01/17/rodina-petr1.html>

Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1979. 1600 с.

Столяров Ю.Н. Вклад И.Д. Шумахера в развитие русской науки и культуры. (К 325-летию со дня рождения первого российского библиотекаря и библиотековеда) // Науч. и техн. б-ки. 2015. № 9. С. 34–50.

Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып. 1–8. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1874–1888.

Сухомлинов М.И. История Российской академии. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1874. Вып. 1. 427 с.

Татищев В.Н. История Российская. Т. 1–7. Репринт с изд. 1962–1968 г. // Собр. соч. в восьми томах. М.: Ладомир, 1994–1996.

Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. Ч. 1. Репринт с изд. 1962 г. // Собр. соч. в восьми томах: М.: Ладомир, 1994. 500 с.

Татищев В.Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Собр. соч. в восьми томах. Т. 8: Работы разных лет. Репринт с изд. 1968, 1979 гг. М.: Ладомир, 1996. С. 51–132.

Татищев В.Н. Избранные труды; [сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Б. Каменский] М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 488 с. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

Трутнев И.А. По дорогам Российской империи // Вестн. Российской академии наук. 1994. № 1 (64). С. 61–68

Тункина И.В., Савинов Д.Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: у истоков сибирской археологии. СПб.: ООО «ЭлекСис», 2017. 168 с.

Турнаев В.И. У истоков демократических традиций в российской науке. Очерки истории русско-немецких научных связей. Новосибирск: Наука, 2003. 200 с.

Тычинина Л.В., Бессарабова Н.В. «...Она была рождена для больших дел»: Летопись жизни княгини Е.Р. Дашковой. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2009. 328 с.

Успенский Б.А. Первая русская грамматика на родном языке. Доломоновский период отечественной русистики. М.: Наука, 1975. 232 с.

Уставы Российской академии наук, 1724–2009 / редакционный совет: академик Ю.С. Осипов (председатель) [и др.]; авторы-составители: В.И. Васильев [и др.]. М.: Наука, 2009. 365, [2] с. (Российская академия наук. 285 лет).

Ученые – фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: краткий биографический справочник: А–В / науч. ред. и сост. Е.Ю. Басаргина, И.В. Тункина; Минобрнауки России, СПбФ АРАН. СПб.: Реноме, 2018. 196 с.: ил. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 13).

Храпков Г.Н. Императорская Российская академия в конце XVIII – первой половине XIX веков (к 235-летию учреждения Российской академии) // Управленческое консультирование. 2018. № 6. С. 137–143.

Шакинко И.М. В.Н. Татищев. М.: Мысль, 1987. 125 с. (Замечат. географы и путешественники).

Шитлов И.А. Академические экспедиции XVIII века: роль вспомогательного персонала в изучении Сибири / отв. ред. А.Х. Элерт. Новосибирск: СО РАН, 2023. 368 с.

Щеглов Ю.К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб.: Гиперион, 2004. 717 с. (Филологическая библиотека).

Юности честное зерцало (1717) // Историко-литературная хрестоматия нового периода русской словесности. Т. 1. (От Петра I до Карамзина) / сост. А. Галахов: изд. 20-е. Москва; Петроград: Т-ва «В.В. Думнов – Насл. бр. Салаевых», 1916. С. 27–30.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абу-л-Гази-хан (Абулгази) – 20
Авдусин Д.В. – 166
Адогуров (Адагуров) В.Е. – 45, 57, 84, 208, 209, 221, 227, 248
Александр I – 118, 158, 160, 161, 184, 222, 232, 238, 239, 242, 243
Алексей Михайлович – 3, 12, 178
Алексей Петрович – 13, 61, 198
Амир-Амза (см. Амир-Хамза)
Амир-Хамза – 134, 144
Амман И. – 63, 80, 82, 98
Анна Иоанновна. – 68, 69, 78, 79, 83, 85, 89–91, 97, 211
Анна Леопольдовна – 89, 91
Анна Петровна. – 30
Арескин Р.К. – 12, 19
Ассамбеков Темир хан. – 46
Байер Готлиб (Теофил) Зигфрид – 44, 46, 48, 65, 79–82
Байль П. – 153
Бакунин П.П. – 129, 155, 157
Баранов А.А. – 137
Барсов А.А. – 221
Бекенштейн (Бекенстеин) Иоганн Симон – 79, 80, 82, 84
Бекович-Черкасский А. – 14, 15, 17, 22, 200
Белинский В.Г. – 97, 215, 216, 240, 244, 245
Беринг В.И. – 11, 21, 22, 26, 37, 69, 73–77, 86, 247
Берков П.Н. – 240
Беркгауер Александр, фон – 46
Беркгауер Сергей, фон – 46
Бернулли Даниил – 40, 47, 49, 50, 58, 65
Бернулли Николай – 47, 50, 58
Бернулли Якоб – 37
Бестужев-Рюмин А.П. – 89
Биллингс И. – 149
Бильфингер Г.Б. – 39, 48, 49, 51
Биньон Ж.П. – 15, 18
Бирон Э.И. – 68, 89, 91, 119
Блюментрост И.Л. – 12
Блюментрост Л.Л. – 12, 16, 18, 28–30, 35 36, 38–44, 50, 61, 63, 66, 67, 78, 79
Богданович И.Ф. – 150
Богословский М.М. – 123
Болтин И.Н. – 155, 240
Болховитинов Е.А. – 182
Борисов И. – 144
Браун И.А. – 139
Брауншвейг-Вольфенбюттельская С.-Ш. – 13, 61
Брауэр Ф. – 144
Бреверн, Карл, фон – 68, 89–91
Бринкен Александр, фон ден – 46
Броневский В.Б. – 141
Брюс Д.Д. (см. Брюс Я.В.)
Брюс Я.В. – 23, 24, 192
Буало Н. – 153
Булавин К.А. – 137
Буксбаум И.Х. – 27, 36, 37, 63
Бурцев В. – 178, 179
Бутурлин И.Ф. – 47
Бутурлин Н.И. – 47
Бычков А.Ф. – 198
Бюффон Ж. – 140
Вавилов С.И. – 5
Ваксель Свен – 74, 77
Валериани – 112
Вальден П.И. – 127
Василий, князь – 163
Вейпрехт И. – 57
Верден, Карл ван – 17, 22
Веревкин М.И. – 118
Вернадский В.И. – 3, 11, 12, 18, 20, 22, 24, 28, 29, 52, 63, 71, 78, 92, 113, 115, 120, 121, 128, 134, 161, 163, 164, 175, 249

- Вильгельм III – 13
 Виноградов Д.И. – 88, 95
 Винсгейм Х.Н. – 71, 100, 101, 105
 Волков Ф. – 182
 Волчков С.С. – 90, 98, 102, 104
 Вольтер Ф.М. – 153, 158, 160
 Вольф, Христиан фон – 28, 29, 40, 47, 88, 93, 96, 99, 120
 Вольховский В.Д. – 142
 Воронцов А.Р. – 232
 Воронцов М.И. – 153
 Воронцов Р.И. – 153, 232
 Воронцова Е.Р. (см. Дашкова Е.Р.)
 Вортман – 113
 Вяземский А.А. – 151
 Вяземский П.А. – 220, 230
 Гайтан – 51
 Гвин С. – 186
 Гейнциус (Гейнсиус) Г. – 89
 Гельвеций К.А. – 153
 Генкель И.Ф. – 95–97, 101, 108
 Геннин В.И. (см. Геннин Г.В.)
 Геннин Г.В. – 201
 Георги И.Г. – 135, 136, 147
 Георги И.И. (см. Георги И.Г.)
 Герман Я. – 29, 37, 39, 46, 47
 Герцен А.И. – 152, 156, 236
 Гзелль Д.М. – 42
 Глюк Э. – 187, 188
 Гмелин И.Г. – 48–50, 63, 74–76, 90, 86, 134
 Гмелин С.Г. – 134, 136, 143, 144, 145
 Годунов П.И. – 9, 10
 Голиков И.И. – 221
 Голицын Н. – 46
 Головин Ф.А. – 186
 Гольдбах Х. – 46, 78, 80, 82, 84
 Голубцов Иван – 88
 Гораций – 216, 217
 Горлецкий И.С. – 208
 Грёнинг М. – 208
 Григорьев А. – 245
 Гриз Р. – 186
 Гриммель – 112
 Грозный И.В. (см. Иван IV)
 Грот Я.К. – 160, 226, 227
 Гудович А.И. – 119
 Гутенберг И. – 172
 Гюльденштедт И.А. – 135, 136, 144, 145
 Дашков М.И. – 153
 Дашкова Е.Р. – 97, 120, 129, 137, 151–157, 163, 221, 231–234, 250
 Девлет-Гирей-мурза (см. Бекович-Черкасский А.)
 Дежнёв С. – 9–11
 Делиль Г. – 15
 Делиль де ла Кроер, Людовик – 48, 50, 61, 70, 74, 76, 77
 Делиль Жозеф Николая – 48, 50, 51, 57–59, 61, 68, 70, 71, 73, 76, 80, 82, 85, 89, 99, 101
 Делиль О.Н. (см. Делиль Ж.Н.)
 Дельвиг А.А. – 76
 Державин Г.Р. – 118, 146, 155, 217, 225, 243
 Дидро Д. – 153, 158
 Домашнев С.Г. – 129, 137, 150, 151
 Дювернуа И.Г. – 57, 80, 84
 Жорж – 154
 Евреинов Б. – 21
 Евреинов И.Б. – 20, 21
 Екатерина I – 37–43, 52, 53, 55, 58–60, 71, 92, 113
 Екатерина II – 2, 84, 89, 91, 92, 118, 119, 125–127, 129, 130, 138, 144, 146, 150–155, 158–160, 205, 206, 210, 217, 221, 225–233, 236, 246, 250
 Екатерина Алексеевна (см. Екатерина I)
 Екатерина Иоанновна – 78, 79
 Елагин И.Ф. – 74

- Елизавета Петровна – 61, 62, 71, 89, 91, 92, 97, 98, 108, 111, 115, 125, 119, 125, 205, 222, 223
- Ермак – 11
- Есипов С. – 11
- Ефремов М. – 194
- Завадовский П.В. – 159
- Захаров Я.Д. – 160
- Зув В.Ф. – 128, 149, 159
- Иван IV (Грозный) – 175, 176
- Иван V – 67
- Иван VI Антонович – 91
- Измайлов Л.В. – 26
- Ильинский И.И. – 208
- Иноходцев Б.П. – 128, 131, 139–141, 149
- Иосиф II – 153, 159
- Исленьев И.И. – 132
- Истомин К. – 181
- Кант И. – 119–121
- Кантемир А.Д. – 189, 208, 212, 213, 241
- Кантемир Д.К. 208, 212, 213
- Капица П.Л. – 128, 175
- Карамзин Н.М. – 125, 169, 235–245, 250
- Карл XII – 185
- Кваренги Д. – 158
- Кейзерлинг Герман Карл фон – 68, 79, 81, 83–85, 89, 97, 98, 208
- Кейзерлинг Каролина фон – 119
- Кикин А.В. – 198
- Киприянов (Киприанов) В. – 192–194
- Кирилл, просветитель – 166
- Кирилов И.К. – 25, 68–73
- Княжнин Я.Б. – 155
- Козицкий Г.В. – 128, 221
- Козлов Г.И. – 51
- Кольбер Ж.-Б. – 14
- Кондоид П. – 45
- Копиевич И. – 207
- Котельников С.К. – 128, 130, 139, 151
- Корф И.А., фон – 68, 81, 85–90, 95, 96, 210, 239
- Крамер А. – 57
- Крафт Г.В. – 48, 50, 57, 80, 82–84, 98, 132
- Крафт В.Л. – 131
- Красильников А.Д. – 76, 77
- Красильникова Л.М. – 76
- Крашенинников С.П. – 75, 76, 90, 105, 106, 128, 135, 155, 182, 223–225, 256
- Крузенштерн И.Ф. – 150
- Крылов И.А. – 243
- Кук Д. – 11
- Куленбах – 194
- Курганов Н.В. – 220, 221
- Кутузов М.Л. – 242
- Лагарп Ф.С. – 160
- Лажечников И.И. – 68
- Лаксман К.Г. – 136, 137, 149, 151
- Лаксман Э.Г. (см. Лаксман К.Г.)
- Лаппо-Данилевский А.С. – 18
- Лаптев Д.Я. – 73
- Лаптев Х.П. – 73, 74
- Лассиниус Питер – 74
- Лаувазье А. – 107
- Лебедев Василий – 88
- Левенвольде фон – 38
- Лейбниц Г.В. – 13, 14, 28, 47, 77
- Лейтман И.Г. – 49, 51
- Леман И.Г. – 45, 130
- Лепёхин И.И. – 128, 135, 136, 139, 145, 146, 151, 155, 160
- Лессинг Г.Э. – 120
- Линней К. – 12, 135, 146
- Лисянский Ю.Ф. – 150
- Лихуд И. – 84, 124, 182
- Лихуд С. – 84, 124, 182
- Ловиц Г.М. (см. Ловиц Д.Е.)

- Ловиц Д.Е. – 131, 138–140, 142–144
 Ловиц И.Т. (см. Ловиц Т.Е.)
 Ловиц Т.Е. – 138–140, 160
 Ломоносов М.В. – 5, 6, 10, 28, 63,
 64, 76, 84, 88, 90, 93–108, 114,
 116, 117, 120–128, 131, 132, 135,
 139, 155, 164, 178, 180–182, 188,
 189, 194, 212, 214–222, 225, 228,
 234, 239, 241, 248–250
 Лопатинский Ф. – 197
 Лужин Ф.Ф. – 21
 Людовик XIV – 14
 Магницкий Л.Ф. – 180, 182, 186,
 188, 191, 193, 195
 Майер Т. – 138
 Майер Х. – 132
 Мария Федоровна – 163
 Медер Х. – 84, 90
 Малле Ж.А. – 131
 Менгден Юрий фон – 23, 24
 Менделеев Д.И. – 127
 Меншиков А.Д. – 12, 38, 60
 Меншуткин Б.Н. – 94, 103, 108,
 114, 127
 Меран Жан-Жак Дорту де – 87
 Мессершмидт Д.Г. – 9, 17, 18–20,
 61–64, 247
 Мефодий, просветитель – 166
 Милорадович М.А. – 119
 Миллер Г.Ф. – 10, 11, 48, 57, 64, 71,
 73–75, 86, 90, 122, 124, 221, 239,
 240, 249
 Миллер Ф.И. (см. Миллер Г.Ф.)
 Минин Ф.А. – 74
 Михаил Федорович – 239
 Михайлов И. – 144
 Могила П. – 181
 Монтескьё Ш.Л. – 153
 Мотонис Н.Н. – 128
 Мстиславец П. – 176, 178
 Мусин-Пушкин И.А. – 192, 194
 Нартов А.А. – 45
 Нартов А.К. – 45, 99, 100, 102–104,
 116, 203, 205
 Наталья Кирилловна – 199
 Никитин А. – 239
 Николай Г.Л. (А.Л.) – 129, 157, 158
 Николай I – 164
 Никон (патриарх) – 3, 178
 Новиков Н.И. – 115, 221, 241
 Ньютон И. – 13
 Овцын Д.Л. – 73, 74
 Озерецковский Н.Я. – 128, 146, 155
 Орлов А.Г. – 150
 Орлов В.Г. – 129–132, 150
 Орлов Г.Г. – 119, 127
 Павел Петрович (см. Павел I)
 Павел I – 89, 129, 155, 157, 218, 219,
 221, 232
 Паизиелло Д. – 158
 Паллас П.С. – 132, 133, 134, 137,
 147, 148, 150
 Пекарский П.П. – 38, 43, 45, 58, 59,
 66, 67, 210, 221, 250
 Петр I (Великий) – 3, 4, 11–30, 33,
 34, 36–38, 40–43, 50, 53, 55, 60,
 61, 63, 64, 66, 71, 82, 83, 92, 97,
 107, 116, 123, 124, 127, 140, 170,
 181, 183–190, 192–205, 207, 208,
 212, 213, 215, 217, 222, 241, 246,
 247, 250
 Петр II – 16, 46, 52, 55, 56, 59,
 60–62, 66, 67, 213
 Петр III – 118, 119, 125, 138, 153
 Петров В.В. – 160
 Петровский М.Н. – 48
 Пий VI – 153
 Пикте Ж.Л. – 131
 Поликарпов-Орлов Ф.П. – 190, 191,
 240
 Поликарпов Ф.П. (см. Поликарпов-
 Орлов Ф.П.)
 Полоцкий С. – 178, 180, 181
 Полянская Е.Р. – 153

- Попов Н.И. – 88, 128
 Постников П. 182
 Прасковья Федоровна – 38, 50, 51
 Прокопович Ф. – 188, 193, 213, 241
 Прончищев В.В. – 74
 Прончищева Т.Ф. – 74
 Пугачев Е. – 138–142, 144, 147
 Пушкин А.С. – 68, 93, 118, 128, 140–143, 215, 217, 220, 240, 241, 243, 244
 Радищев Н.И. – 231, 232, 241
 Разин С. – 183
 Разумовский А.Г. – 92
 Разумовский К.Г. – 10, 92, 108, 109, 114, 119, 122, 125, 128, 129, 152, 157
 Растрелли Б.К. – 38
 Растрелли Ф.Б. – 38
 Ребиндер Беригальд Вильгельм фон – 46
 Рейзер Г.У. – 88, 95, 96
 Ремезов С.У. – 9, 11
 Ремезов У.М. – 11
 Ржевский А.А. – 129, 130, 131, 155
 Родилгус Иоганн (см. Евреинов И.Б.)
 Румовский С.Я. – 128, 130–133, 139, 155, 158
 Румянцев А.И. – 27
 Рычков П.И. – 122, 123, 142
 Рюйш Ф. – 43
 Сарычев Г.А. – 149
 Сатаров М.П. – 43
 Салтыкова П.Ф. – 68
 Севергин В.М. – 160
 Светов В.П. – 234
 Светоний Г.Т. – 197
 Смирдин А.Ф. – 226
 Смотрицкий М. – 178, 180, 181
 Соймонов Ф.И. – 22, 23
 Соколов Н.П. – 128, 149, 155
 Софронов М. – 128
 Софья Алексеевна – 181, 183, 184
 Стеллер (Штеллер) Г.В. – 75, 76, 86, 90
 Стерлигов Д.В. – 74
 Страленберг Ф.И., фон – 9, 20, 63
 Строев И.П. – 38
 Суворов А.В. – 119
 Суворов В.И. – 119
 Сумароков А.П. – 189, 220, 221, 225, 228, 241
 Сурмина М.И. – 153
 Сухомлинов М.И. – 140, 209, 210, 233–235
 Табберт Ф. (см. Страленберг Ф.И.)
 Татищев В.Н. – 23, 24, 28, 29, 31, 86, 124, 125, 173, 174, 187, 200, 202, 203, 209, 239, 249
 Тарбаев С. – 145
 Тауберт И. – 45, 122, 210
 Теплов Г.Н. – 108, 113, 208, 209, 225
 Тодорский С. – 227
 Толстой Д.А. – 7
 Толстой Л.Н. – 163
 Тоуберт И. (см. Тауберт И.)
 Тредиаковский В.К. – 93, 96, 105, 106, 128, 164, 189, 208, 209, 211, 212, 214, 248
 Трускотт (Трескотт) И.Ф. – 101
 Туманский Ф.О. – 151, 155
 Тургенев И.С. – 218
 Тюмминг Л.Ф. – 99
 Урбинский П.В. – 196, 197, 237
 Успенский Б.А. – 208
 Фальк И.П. – 135, 146, 147
 Фамендин Ю.А. (см. Менгден Юрий фон)
 Фарварсон А.Д. – 186
 Фермор В.В. – 119
 Федор III Алексеевич – 3, 4, 181, 182

- Федоров И. – 176, 178
 Фик Г. – 27
 Фишер И.Э. – 74, 75, 86, 139
 Фонвизин Д.И. – 146, 155, 213, 225, 228, 241
 Фонтенель Б. – 59
 Фридрих П. – 119, 153
 Хвостов Д.И. – 243
 Хитрово С.Ф. – 74
 Хлебников П.К. – 169
 Цирльх Е. – 97
 Челюскин С.И. – 73, 74
 Черкасский А.М. – 19
 Чёрный Ф.О. – 132, 149
 Чириков А.И. – 73, 74, 77
 Чичагов В.Я. – 76
 Шафиров П.П. – 38, 39, 43, 51
 Шаховский А.А. – 243
 Шванович – 210
 Шерер А.П. – 163
 Ширинский-Шихматов С.А. – 243
 Шишков А.С. – 241–244
 Шлёцер А.Л. – 240
 Шмидт Я.Ф. – 101
 Шобер Г. – 19
 Шпанберг (Спанберг) М.П. – 21, 73
 Штелин Я.Я. – 98, 112, 122, 130
 Штендер И.И., фон – 144
 Шувалов И.И. – 94, 97, 114–118, 153, 205, 221, 222
 Шумахер И.Д. – 16, 17, 22, 30, 31, 42, 43, 48, 55–57, 60, 63, 66, 67, 78, 84, 91, 92, 98, 99–101, 103, 104, 113, 208
 Шумахер И.Я. – 112
 Шумахер Данило (см. Шумахер И.Д.)
 Щербатов М.М. – 125, 239, 250
 Эйлер И.А. – 120, 130, 147, 148
 Эйлер Л. – 48–50, 58, 59, 64, 65, 71, 80–82, 84, 89, 91, 93, 104, 108, 128, 130–132, 139, 140
 Эйлер Ф. – 154
 Эйлер Х.Л. – 131
 Эрескин Р.К. (см. Арескин Р.К.)
 Юнкер, Готлиб-Фридрих-Вильгельм – 84
 Янкович (де Мириево) Ф.И. – 159

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
1. СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК КАК ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	9
1.1. Предпосылки учреждения Академии наук в России	9
1.2. Открытие Академии наук в Санкт-Петербурге	38
1.3. Академия наук в условиях становления (от Петра II до Елизаветы Петровны)	61
1.4. Ломоносовский период	93
1.5. Академия наук в Екатерининский период	130
2. АКАДЕМИЯ НАУК И РАЗВИТИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	163
2.1. Русский язык, письменность и книгопечатанье в Руси допе- тровского периода (X – конец XVII в.)	166
2.2. Петровские реформы, включая издательское дело и реформу письма	184
2.3. Реформа литературного русского языка	207
Заключение	246
Список литературы	252
Именной указатель	265

Научно-популярное издание

Виктор Всеволодович Богатов

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК –
300 ЛЕТ ВЫСОКОГО СЛУЖЕНИЯ РОССИИ

Книга I

XVIII – начало XIX века

Корректор *Л.А. Русова*

Компьютерная верстка *С.В. Филатов*

На лицевой стороне обложки – сцена из праздничного концерта в честь 300-летия РАН, состоявшегося 8 февраля 2024 г. в Государственном Кремлевском дворце, где Петр Великий объявляет об учреждении Академии наук. Здесь же, в верхней левой части обложки, помещен рисунок академической печати, утвержденный императрицей Анной Иоанновной.

Фото В. Богатова и пресс-службы РАН.

На обратной стороне обложки – портреты первых академиков Санкт-Петербургской академии наук, оставивших заметный след в истории мировой науки.

Подписано в печать 28.03.2025.

Формат 60х90/16. Усл. п. л. 17,0. Уч.-изд. л. 15,9.

Тираж 300 экз. Заказ 251294.

Издательство ООО «Дальнаука»

690106, г. Владивосток, пр. Красного Знамени, 10, каб. 20.

Тел. +7 9242630160. E-mail: naukadv2000@mail.ru

<http://www.dalnauka.ru>

Отпечатано в АО «ИПК «Дальпресс»

690106, г. Владивосток, пр-т «Красного Знамени», 10